

ВОРОНЕЖСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ
Кафедра административной деятельности органов внутренних дел

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Учебное пособие

Воронеж
2019

ББК 67.301

Рассмотрено и одобрено на заседании кафедры административной деятельности органов внутренних дел, протокол № 8 от 11.12.2018.

Рассмотрено и одобрено на заседании методического совета института, протокол № 5 от 21.01.2019.

Рассмотрено и одобрено на заседании редакционно-издательского совета института, протокол № 1 от 29.01.2019.

Авторский коллектив: Занина Т. М., Рыдченко К. Д., Караваев А. А., Березняков В. П.

Рецензенты:

Никулин Р. В. – начальник межмуниципального отдела МВД России на особо важных и режимных объектах Воронежской области, полковник полиции;

Кушнарев М.А. – начальник отдела организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних Главного управления МВД России по Воронежской области, подполковник полиции.

Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних : учебное пособие [Электронный ресурс] / Т. М. Занина [и др.]. – Электр. дан. и прогр. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2019. – 1 электр. опт. диск (CD-ROM) : 12 см. – Систем. требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц ; ОЗУ 512 Мб ; операц. система семейства Windows ; CD-ROM дисковод.

В пособии излагаются наиболее актуальные вопросы обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства, требующие адекватной интерпретации в рамках современной российской правовой системы. Особое внимание уделяется роли и компетенции органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних.

ISBN 978-5-88591-695-0

© Воронежский институт МВД России, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Тема 1. Информационно-правовой статус несовершеннолетнего. Понятие и содержание информационной безопасности несовершеннолетних.....	6
Тема 2. Государственная политика в сфере защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации.....	35
Тема 3. Правовой статус органов и учреждений, обеспечивающих информационную безопасность несовершеннолетних.....	51
Тема 4. Правовая защита несовершеннолетних от воздействия информации, оправдывающей противоправное и антиобщественное поведение.....	79
Тема 5. Правовая защита несовершеннолетних от воздействия сведений экстремистского характера.....	106
Тема 6. Правовая защита детей от воздействия информации деструктивного характера. Профилактика суицидов в среде несовершеннолетних.....	125
Тема 7. Правовая защита несовершеннолетних от воздействия информации порнографического характера. Профилактика и пресечение правонарушений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних с использованием сети Интернет.....	131
Тема 8. Методика выявления и профилактики девиации несовершеннолетних под воздействием вредоносной информации.....	137
Заключение.....	148
Список использованной литературы.....	152

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время Российская Федерация находится в не самом стабильном политическом, экономическом и социальном положении. Наиболее незащищенной в социальной среде представляется категория несовершеннолетних лиц. Небольшой заработок родителей либо семьи, где в качестве родителя выступает один человек, алкоголизация, наркомания различных слоев населения, безработица, формирует для несовершеннолетнего гражданина негативные условия жизнедеятельности. Отсутствие ответственных родителей и заботливой семьи неблагоприятно сказывается на сложном периоде взросления личности. Обеспечение благополучного и защищенного детства является одним из основных национальных приоритетов России. Вместе с тем проблемы, связанные с созданием комфортной и доброжелательной для жизни детей среды, сохраняют свою значимость и далеки от полного разрешения.

Развитие информационных технологий и средств массовой коммуникации ставит перед обществом и государством новые задачи, бросает вызовы и создает угрозы, посягающие на безопасность личности, общества и государства.

Президент Российской Федерации в ежегодных посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации ставит задачи по разработке современной и эффективной государственной политики в области семьи и детства, определяя, что одним из важнейших национальных приоритетов государственных органов является оказание помощи и поддержки гражданам, столкнувшимся с проблемой беспризорности и преступности несовершеннолетних¹.

Особенно важно сегодня организовать противодействие обороту вредоносной информации, к которой следует отнести: сведения порнографического и экстремистского характера, информацию, пропагандирующую культ жестокости и насилия, ложную и деструктивную информацию. Объектом неблагоприятного информационного воздействия указанных сведений являются индивидуальная психика и общественная психология, особенное значение данный вопрос приобретает в контексте воздействия рассматриваемых сведений на несовершеннолетнее лицо.

Значительная часть деяний, связанных с оборотом вредоносной информации, образует составы административных правонарушений и преступлений, подпадающих под юрисдикцию органов внутренних дел. Вместе с тем полиция выступает не только субъектом, но и объектом обеспечения информационной безопасности. В контексте административной реформы Министерства внутренних дел России особое внимание уделяется

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 10 мая 2006 г. // Рос. газ. 2006. 11 мая; Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 26 апреля 2007 г. // Парламентская газета. 2007. 27 апр.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 22 декабря 2011 г. // Рос. газ. 2011. 23 дек.

формированию высококвалифицированного кадрового состава полиции и созданию положительного имиджа сотрудника ОВД. Эти процессы имеют и информационную природу. Таким образом, немаловажным направлением деятельности ОВД должно стать обеспечение информационной безопасности, в том числе и несовершеннолетних.

Целью настоящего учебного пособия является уточнение теоретических основ административно-правового обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних. Достижение поставленной цели обусловило решение следующих задач:

- исследовать информационно-правовой статус несовершеннолетнего, а также понятие и содержание информационной безопасности несовершеннолетних;

- определить государственную политику в сфере защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации;

- проанализировать правовой статус органов и учреждений, обеспечивающих информационную безопасность несовершеннолетних;

- изучить правовую защиту несовершеннолетних от воздействия информации, оправдывающей противоправное и антиобщественное поведение;

- исследовать правовую защиту несовершеннолетних от воздействия сведений экстремистского характера;

- рассмотреть правовую защиту детей от воздействия информации деструктивного характера и профилактику суицидов в среде несовершеннолетних;

- проанализировать правовую защиту несовершеннолетних от воздействия информации порнографического характера, а также профилактику и пресечение правонарушений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних с использованием сети «Интернет»;

- изучить методику выявления и профилактики девиации несовершеннолетних под воздействием вредоносной информации.

Методологической основой исследования являются: общенаучные и частнонаучные методы, диалектический, логический, сравнительно-правовой, исторический, конкретно-социологический и системный анализ.

Нормативную правовую базу данной работы составили: Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, законодательство субъектов Российской Федерации.

Структура работы состоит из введения, восьми тем, заключения, списка использованных источников.

Тема 1. Информационно-правовой статус несовершеннолетнего. Понятие и содержание информационной безопасности несовершеннолетних

Учебные вопросы

1. История формирования и нормативное закрепление информационных прав несовершеннолетних.
2. Вредоносная для несовершеннолетних информация: понятие, сущность, режимы ограничения.
3. Понятие и содержание информационной и информационно-психологической безопасности несовершеннолетних. Защита детей от воздействия вредоносной информации.

1. История формирования и нормативное закрепление информационных прав несовершеннолетних

Правовой статус ребенка исторически существенно отличался по объему от совокупности прав и обязанностей «полноценного» гражданина (подданного) государства. Данный факт обусловлен, в первую очередь, эмоционально-волевой и интеллектуальной неполноценностью ребенка. Особенности психики несовершеннолетнего позволяют легко воздействовать на формирование его личности извне, что таит в себе как социально необходимые, так и потенциально опасные факторы. С одной стороны, именно познавательная активность и гибкость психики ребенка позволяет ему интенсивно усваивать передаваемые родителями и педагогами знания. На использовании этой особенности строится система детского воспитания, элементом которой является профилактика девиации и виктимности несовершеннолетних. С другой же стороны, это обстоятельство способствует совершению в отношении несовершеннолетних противоправных посягательств, сопряженных с обманом или вовлечением в противоправную деятельность, например, посредством рекламы психоактивных веществ, пропаганды культа насилия, криминальной субкультуры, экстремистских проявлений и т.д.

Логичным формально-юридическим закреплением особого статуса несовершеннолетнего выступает его ограниченная дееспособность. Ее элементы – деликтоспособность и сделкоспособность – наступают лишь по достижению ребенком законодательно определенного возраста. Дееспособность выступает важнейшим индикатором, определяющим полноценного члена социума. Предполагается, что лишь на определенном рубеже психофизиологического развития человек может самостоятельно распоряжаться предоставленными ему правами. До этого он нуждается в помощи и опеке.

Итак, особенность правового статуса несовершеннолетних заключается в необходимости защиты их от негативных факторов внешней среды, а также

в необходимости осуществления общественно-одобряемого воздействия на детскую психику с целью формирования правовой культуры и правосознания.

По своей сути девиация несовершеннолетнего, равно как и ее профилактика, имеют идеальный, а не материальный характер, так как выражаются в изменении сознания под воздействием определенного рода информации. Следовательно, для определения объекта превентивной защиты необходимо исследовать именно информационные права ребенка, отграничив общие права от специальных, присущих только этой социальной страте прав.

Общие информационные права несовершеннолетнего являются неотъемлемой частью всеобщих прав человека, возможность их реализации гарантируется независимо от степени психофизиологического развития субъекта-носителя. Информационные права личности в современном постиндустриальном обществе можно с определенной долей допущения разделить на три группы: право на информацию; право на защиту информации (право на конфиденциальность); право на защиту от информации. Совокупное эффективное обеспечение этих прав образует состояние информационной безопасности обладателя этих прав.

Обратившись к Конституции Российской Федерации¹, мы без труда обнаружим нормы, создающие платформу для названных групп прав. Так, право на информацию нашло свое отражение в частях 1, 4 и 5 статьи 29 Основного закона: «Каждому гарантируется свобода мысли и слова... Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом... Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается». Отдельные категории информации должны быть опубликованы или прямо доведены до сведения граждан в обязательном порядке. Это нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина (часть 3 статьи 15 Конституции РФ), иные документы и материалы, непосредственно затрагивающими права и свободы лица (часть 2 статьи 24 Конституции РФ), информация о состоянии окружающей среды (статья 42 Конституции РФ).

Реализация права на защиту информации (на конфиденциальность) может иметь частноправовую или публично-правовую природу. В первом случае следует апеллировать к статье 23 (право на личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, защиту чести и доброго имени) и части 1 статьи 24 Конституции РФ (сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются), во втором – к части 4 статьи 29 (государственная тайна).

Право на защиту от информации является пассивной формой запрета на пропаганду или агитацию, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового

¹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СПС «КонсультантПлюс».

превосходства (часть 2 статьи 29), а также корреспондируется с частью 3 статьи 55 Конституции РФ (основания ограничения прав и свобод человека и гражданина).

Специальные информационные права несовершеннолетних можно обнаружить при изучении части 2 статьи 7 («в Российской Федерации ... обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства»), части 1 («материнство и детство, семья находятся под защитой государства») и части 2 («забота о детях, их воспитание - равное право и обязанность родителей») статьи 38, части 1 статьи 39 («Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, ... для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом»), частью 2 («Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях») и частью 4 («Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования») статьи 43 Конституции России. В соответствии с пунктами «е» и «ж» части 1 статьи 72 Основного закона вопросы воспитания, образования, культуры, а также координация вопросов здравоохранения и защита детства отнесены к совместному ведению Российской Федерации и ее регионов.

Перечисленные конституционные нормы порой лишь косвенно касаются информационных прав несовершеннолетних, однако в целом формируют базис для последующего нормативного регулирования. Текст Основного закона Российской Федерации в ходе его разработки опирался на значительный объем международно-правовых актов, которые были ратифицированы еще в период существования Советского союза. Некоторые из них касались правового статуса несовершеннолетних. Так, основным международным правовым актом в рассматриваемой сфере выступает Конвенция о правах ребенка, которая была одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. и ратифицирована Верховным Советом СССР 13 июня 1990 г. Перечислим тезисно информационные права ребенка, закрепленные в Конвенции:

1) во всех действиях в отношении детей... первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка (часть 1 статьи 3);

2) государства-участники обязуются обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия (часть 2 статьи 3);

3) ребенок имеет право свободно выражать свое мнение; это право включает свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода независимо от границ, в устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребенка (статья 13);

4) государства-участники уважают право ребенка на свободу мысли, совести и религии (статья 14);

5) государства-участники признают важную роль средств массовой информации¹ и обеспечивают, чтобы ребенок имел доступ к информации и материалам из различных национальных и международных источников, особенно к такой информации и материалам, которые направлены на содействие социальному, духовному и моральному благополучию, а также здоровому физическому и психическому развитию ребенка. С этой целью государства-участники:

а) поощряют средства массовой информации к распространению информации и материалов, полезных для ребенка в социальном и культурном отношениях;

б) поощряют международное сотрудничество в области подготовки, обмена и распространения такой информации и материалов из различных культурных, национальных и международных источников;

с) поощряют выпуск и распространение детской литературы;

д) поощряют средства массовой информации к уделению особого внимания языковым потребностям ребенка, принадлежащего к какой-либо группе меньшинств или коренному населению;

е) поощряют разработку надлежащих принципов защиты ребенка от информации и материалов, наносящих вред его благополучию (статья 17);

б) государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке (статья 19);

7) государства-участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка (часть 1 статьи 27);

8) государства-участники признают право ребенка на образование, и с целью постепенного достижения осуществления этого права на основе равных возможностей они, в частности:

а) вводят бесплатное и обязательное начальное образование;

б) поощряют развитие различных форм среднего образования, как общего, так и профессионального, обеспечивают его доступность для всех детей и принимают такие необходимые меры, как введение бесплатного образования и предоставление в случае необходимости финансовой помощи;

д) обеспечивают доступность информации и материалов в области образования и профессиональной подготовки для всех детей (часть 1 статьи 28);

9) государства-участники соглашаются в том, что образование ребенка должно быть направлено на:

¹ Далее – СМИ.

а) развитие личности, талантов и умственных и физических способностей ребенка в их самом полном объеме;

д) подготовку ребенка к сознательной жизни в свободном обществе в духе понимания, мира, терпимости, равноправия мужчин и женщин и дружбы между всеми народами, этническими, национальными и религиозными группами, а также лицами из числа коренного населения (часть 1 статьи 29);

10) государства-участники обязуются защищать ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения (статья 34);

11) государства-участники принимают все необходимые меры для того, чтобы содействовать физическому и психологическому восстановлению и социальной реинтеграции ребенка, являющегося жертвой (статья 39);

12) государства-участники стремятся содействовать установлению законов, процедур, органов и учреждений, имеющих непосредственное отношение к детям, которые, как считается, нарушили уголовное законодательство, обвиняются или признаются виновными в его нарушении, и в частности:

а) установлению минимального возраста, ниже которого дети считаются неспособными нарушить уголовное законодательство;

б) в случае необходимости и желательности, принятию мер по обращению с такими детьми без использования судебного разбирательства при условии полного соблюдения прав человека и правовых гарантий (статья 40).

Следует отметить, что помимо ранее перечисленных информационных прав несовершеннолетних, особый акцент в Конвенции делается на:

- учете интересов психофизиологического развития ребенка при создании продукции СМИ;

- обеспечении уровня жизни ребенка, необходимого для умственного, духовного, нравственного и социального развития;

- содействии психологическому восстановлению и социальной реабилитации несовершеннолетних жертв противоправных действий;

- защите ребенка от информации и материалов, наносящих вред его благополучию.

Нельзя не отметить созвучие последнего пункта с наименованием Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹, который будет принят лишь через двадцать лет после ратификации Конвенции. По сути именно пункт «е» статьи 17 рассматриваемого международного нормативного документа является той правовой базой, на которой построен отечественный законодательный акт.

В числе наиболее значимых международно-правовых актов следует также отметить Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские

¹ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федеральный закон от 29.12.2010 № 436 // СПС «КонсультантПлюс».

руководящие принципы), которые были приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/112. В частности, этот акт призывает государства-участники ООН обеспечить минимизацию показа в средствах массовой информации материалов, связанных с порнографией, наркотиками и насилием.

12 сентября 1923 г. в Женеве принята Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими. В 1935 году Конвенция была ратифицирована СССР, правопреемницей которого является Российская Федерация. На IX Конгрессе ООН 1995 года выработаны меры, направленные на эффективное использование СМИ с целью предупреждения преступности, повышения ответственности СМИ за распространение взглядов агрессии, пропаганду преступного мира и насилия, в том числе с участием несовершеннолетних. В рамках Конвенции отдельным вопросом обозначалось криминогенное влияние показа незамаскированных сцен насилия и сенсационных материалов в Интернет-ресурсах на зрителя, особенно на несовершеннолетних, подчеркивается факт прямой пропорции деятельности СМИ и состояния преступности в обществе.

В международном праве при разрешении коллизий в сфере прав и свобод несовершеннолетних, в том числе в плане регулирования потока и содержания информации, нашли широкое применение следующие основные принципы:

- реализация разностороннего подхода в законодательном обеспечении прав и свобод несовершеннолетних и взрослых, предполагающего введение более жестких стандартов защиты прав молодежи, по сравнению с защитой прав взрослых;

- допустимость ограничения законом свободы слова, художественного творчества и массовой информации в целях уважения прав и репутации других лиц, охраны общественного порядка, государственной безопасности, здоровья и нравственности населения;

- приоритетность интересов детей, их нравственности, здоровья, духовного, умственного, физического и социального развития, обеспечения государством их особой защиты, как наиболее уязвимого слоя общественности.

В международном сообществе выработаны следующие стандарты безопасности, связанные с защитой несовершеннолетних от вредоносной информации:

- исключение показа детей и личных отношений в форме, унижающей достоинство;

- предупреждение и пресечение всякого злоупотребления изображением или голосом ребенка в эротических сценах;

- формирование и закрепление специальных мер противодействия немотивированной демонстрации насилия, распространению материалов,

содержащих жестокость, порнографию и другие опасные для молодежи виды информации в форме информации сети Интернет¹.

Федеральное ювенальное законодательство, регламентирующее, в том числе, информационные права ребенка, представлено Семейным кодексом Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ², Федеральными законами от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»³, от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁴, от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»⁵, указанный выше федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436, а также другие нормативные акты.

Так, статья 139 Семейного кодекса РФ нормативно закрепляет правовую охрану тайны усыновления ребенка, устанавливая обязанность должностных лиц, а также лиц, иным образом осведомленных об усыновлении, сохранять эти сведения в тайне. Аналогичное требование содержится в статье 47 Федерального закона от 15 октября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»⁶. Гарантией защиты тайны усыновления (удочерения) являются нормы статьи 155 УК РФ⁷ «Разглашение тайны усыновления (удочерения)», правоприменение по которым нашло свое судебное толкование и детализацию в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей»⁸.

Подводя предварительный итог сказанному, можно заключить, что информационные права несовершеннолетних включают:

- 1) свободу мысли и слова;

¹ Елизаров В. Г. Анализ международного и зарубежного опыта правового регулирования информационной безопасности детей и подростков/ В. Г. Елизаров, О.Я. Ермолаева, Л. Л. Ефимова, О. В. Пристанская, А. А. Смирнов. – официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://rkn.gov.ru/docs/1_Razdel_10.pdf (дата обращения: 10.08.2017).

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Далее – ФЗ об основах системы профилактики

⁵ Об опеке и попечительстве: федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Об актах гражданского состояния: федеральный закон от 15.10.1997 № 143-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Далее – УК РФ.

⁸ О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

2) свободу массовой информации (право на свободный поиск, получение, производство, хранение, передачу и распространение массовой информации);

3) право придерживаться и распространять религиозные и иные убеждения;

4) право на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды, о фактах, создающих угрозу жизни и здоровью людей;

5) право на образование;

6) свободу выбора языка общения;

7) свободу всех видов творчества;

8) право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну усыновления (удочерения), защиту своей чести и доброго имени;

9) право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений;

10) право на защиту персональных данных несовершеннолетнего от разглашения;

11) право не знакомиться с информацией, причиняющей вред здоровью и развитию ребенка.

Большинство из перечисленных составляющих информационно-правового статуса ребенка в полной мере характерны и для взрослого гражданина. Ребенок выступает уникальным субъектом лишь права не знакомиться с информацией, причиняющей вред его здоровью и развитию. Для более тщательного и глубокого исследования необходимо обратиться к генезису его возникновения, который тесно связан с процессами, протекающими в социально-культурной и информационно-технологической сферах.

Первую попытку нормативно определить комплекс мер по противодействию негативному информационному воздействию в современной российской истории следует датировать 3 декабря 1999 года, когда комитетом по безопасности в Государственную Думу Российской Федерации был внесен проект Федерального закона РФ «Об информационно-психологической безопасности», он так и не был доработан и принят. За последние 10-15 лет было принято несколько значимых для рассматриваемой сферы нормативных правовых актов, среди которых следует особо выделить Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»¹, Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»², Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»³, Федеральный закон от

¹ О безопасности: федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Далее – ФЗ о противодействии экстремистской деятельности.

13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»¹, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»². Однако первым официальным признанием значимости защиты несовершеннолетних от негативных информационно-психологических воздействий стал именно Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»³. В последние годы следует констатировать также увеличение объема охранительно-карательных норм в рассматриваемой сфере.

Ретроспективный анализ действовавшей до принятия ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁴ нормативной правовой базы позволяет говорить о сложившемся в России традиционном подходе к определению информационно-правового статуса ребенка. Основу правового регулирования составляли, помимо Конституции России, Семейный кодекс РФ и Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Посягающие на информационные права ребенка правонарушения закреплялись в федеральных и региональных нормативных актах, не образуя при этом едино структурированной совокупности. Так, в КоАП РФ можно выделить составы правонарушений, предусмотренных статьей 5.35 «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних» (объект посягательства – права граждан); статьей 6.10 «Вовлечение несовершеннолетнего в употребление пива и напитков, изготавливаемых на его основе, спиртных напитков или одурманивающих веществ»; статьей 20.3 «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами» (объект посягательства – общественный порядок и общественная безопасность); и другие.

Принятие Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» внесло системность в правовое регулирование института защиты детей от вредоносной информации. Этот Федеральный закон определил перечень сведений, запрещенных или ограниченных для распространения среди детей, ввел возрастные цензы доступа к информации, определил недостающие юридические термины и установил общие правила государственного управления и надзора в рассматриваемой сфере.

¹ О рекламе: федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Далее – ФЗ об информации.

³ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Далее – ФЗ № 436.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Далее – КоАП РФ.

После официального закрепления правоустанавливающих норм, законодатель внес соответствующие изменения и в административно-деликтное законодательство. Федеральный закон от 21.07.2011 № 252-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹ впервые внес в КоАП РФ новеллы, предусматривающие ответственность за оборот таких видов вредоносной информации, как непристойные и деструктивные сведения. Речь идет о статье 6.17 «Нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию», части 2 статьи 13.21 КоАП РФ «Нарушение порядка изготовления или распространения продукции средства массовой информации» и части 16 статьи 19.5 КоАП РФ «Невыполнение в срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль)». Правовой институт защиты детей от вредоносной информации продолжает свое развитие. 23 февраля 2013 г. был принят федеральный закон № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»², нормы которого носят очевидную ювенальную направленность. Так, статья 15 Федерального закона определяет процедуру просвещения и информирования населения о вреде потребления табака и вредном воздействии табачного дыма, а статья 16 устанавливает запрет рекламы табачных изделий. В частности, запрещается демонстрация упаковок табачной продукции на витринах торговых организаций, что существенно снижает негативное информационное воздействие на молодежь.

2. Вредоносная для несовершеннолетних информация: понятие, сущность, режимы ограничения

Одним из первых в современной России на феномен подобной информации обратил внимание В. Н. Лопатин, который дал определение вредных (вредоносных) сведений, – это информация, не являющаяся конфиденциальной, но обуславливающая необходимость охраны и защиты прав и законных интересов личности, общества и государства в силу возможного вреда, который нанесет этим субъектам ее оборот³. На сегодняшний день ученым сообществом предложены и иные трактовки

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»: федеральный закон от 21.07.2011 № 252-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака: федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ Бачило И. Л. Информационное право: учебник / И. Л. Бачило, В. Н. Лопатин, М. А. Федотов. – СПб., 2005. С. 454.

вредной (вредоносной, деструктивной) информации¹. Так, В. С. Маурин трактует вредную информацию как «информацию, посягающую на жизненно важные интересы личности, общества и государства, характер и степень общественной опасности от воздействия которой обуславливает необходимость принятия государством мер, обеспечивающих надлежащую правовую защиту от ущерба, наносимого этим субъектам в результате ее распространения»².

Далее следует обратить внимание на легальное понятие и классификацию вредоносной для несовершеннолетних информации. Первое, закрепленное в пункте 7 статьи 2 ФЗ № 436, представляется нам крайне дискуссионным, так как под информацией, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей понимается *информация, распространение которой среди детей запрещено или ограничено в соответствии с ФЗ № 436*. Законодатель не определил единые вредоносные качества, которые делают информацию опасной для ребенка, он пошел по пути перечисления конкретных ее видов³. Подобный путь представляется нам бесперспективным в рамках континентальной системы права, а следовательно, и в рамках системы права российского. Определить эти особенности возможно исходя из типологии вредоносной информации, представляющей угрозу лишь для несовершеннолетних.

Классификация вредоносной для несовершеннолетних информации легально закреплена в статье 5 ФЗ № 436. Первоначально вредоносная информация разграничивается на запрещенную (часть 2 статьи 5) и ограниченную в распространении среди детей определенных возрастных категорий (часть 3 статьи 5, статьи 7-10). Оценка объективности и целесообразности установления ограничений в доступе к информации на основании возрастного ценза требует специальных познаний в области возрастной психологии и в настоящем исследовании не будет дана.

Запрещенная для распространения среди детей вредоносная информация представлена в Федеральном законе следующими категориями:

- 1) побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству;
- 2) способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные

¹ См., например: Буданов С. А. К вопросу о понятии вредной для несовершеннолетних информации / С. А. Буданов, С. Т. Гаврилов, С. Н. Махина // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 1. С. 92-94.

² Маурин В. С. Правовой анализ вредной информации в условиях информационного общества: дис. ... канд. юрид. наук / В. С. Маурин. – М., 2004. – С. 7.

³ Занина Т. М., Лукина Е. И. Административно-правовая защита несовершеннолетних от вредоносной информации в информационном обществе / Т. М. Занина, Е. И. Лукина // Материалы ежегодной всероссийской научно—практической конференции «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права». – СПб: Изд-во ун-та МВД России, 2014. – С. 144-150.

изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством;

3) обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев, предусмотренных Федеральным законом;

4) отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи;

5) оправдывающая противоправное поведение;

6) содержащая нецензурную брань;

7) содержащая информацию порнографического характера;

8) о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), включая фамилии, имена, отчества, фото- и видеоизображения такого несовершеннолетнего, его родителей и иных законных представителей, дату рождения такого несовершеннолетнего, аудиозапись его голоса, место его жительства или место временного пребывания, место его учебы или работы, иную информацию, позволяющую прямо или косвенно установить личность такого несовершеннолетнего.

Следует отметить основные закономерности влияния информационной среды несовершеннолетних на их девиацию, которые могут быть использованы в качестве индикаторов необходимости ранней профилактики. Информационная сфера несовершеннолетних делинквентов специфична по следующим индикаторам:

1) предпочтение депрессивно-насильственных кинофильмов комедийным лентам;

2) продолжительность игры на компьютере ребенка свыше 5 часов в день;

3) предпочтение жанра насильственных игр в ущерб интеллектуальным;

4) несоответствие используемого игрового контента возрасту ребенка.

Учет этих факторов, как нам представляется, позволит более тщательно выстроить систему индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетним делинквентом.

Далее обратим внимание на разнообразие используемых при описании вредоносной информации характеристик: «побуждающая», «способная вызвать», «обосновывающая», «оправдывающая», «отрицающая», «содержащая». Далеко не все из них имеют однозначную правовую интерпретацию, в связи с чем считаем правильным выделить три основных группы информационных процессов, отличающиеся друг от друга степенью побуждающего воздействия.

Первая группа наименее эмоционально окрашена, она связана с распространением (передачей) информации без дополнительного психологического воздействия на ее потребителя. Как правило, подобные формулировки применяются к сведениям, однозначно запрещенным в обороте

(например, порнография с участием несовершеннолетних или нецензурная брань) либо обеспеченным нормативно регламентированным порядком (алгоритмом) оборота (например, персональные данные). Способ доведения подобной информации до сведения несовершеннолетнего в нормативных правовых актах зачастую не указывается.

Вторая группа информационных процессов включает в себя *распространение (передачу) информации в совокупности с неявным или завуалированным информационно-психологическим воздействием* на адресата: оправдание или отрицание чего-либо, а также вызов интереса к определенной тематике. Выявление и доказывание подобных фактов оборота вредоносной информации вызывает наибольшие затруднения у правоохранительных и надзирающих органов.

Так, выходят за рамки правовой теории используемые в рассматриваемом Федеральном законе категории «семейные ценности» и «неуважение к родителям и (или) другим членам семьи», отрицание которых признается вредоносным и запрещается. Сама лексическая формулировка этой категории достаточно неоднозначна.

Учитывая тот факт, что категория «семейные ценности» легального закрепления не имеет, а опыт правоприменения еще не сформирован, ее толкование действительно достаточно проблематично. В сложившейся ситуации следует обратиться к находящемуся на общественном обсуждении проекту Концепции информационной безопасности детей, которая предлагает выявлять сведения, отрицающие семейные ценности на основе одного из следующих критериев:

- 1) дискредитация традиционной модели семьи;
- 2) пропаганда альтернативных моделей семейных отношений;
- 3) оправдание отказа от традиционных семейных ценностей.

Перечисленные критерии содержат в себе различные формы (дискредитация, пропаганда, оправдание) одного и того же процесса – отрицания семейных ценностей. Из этого можно заключить, что семейные ценности включают в себя традиционные модели семьи и семейных отношений. Использование этих категорий в юридической практике нам представляется довольно спорным. Во-первых, сам термин «семья», а уж тем более «модель семьи» законодательно не определены. Во-вторых, использование слова «традиционная» в контексте правилоустанавливающей нормы права, за нарушение которой следует административная ответственность, на наш взгляд, крайне дискуссионно. Традиции не имеют документальной фиксации, они локальны и изменяемы. На этот факт однозначно указывается в самом тексте проекта Концепции: «...в случае «отрицания семейных ценностей» необходимо уточнение, какие именно ценности имеются в виду. Учитывая полиэтнический и поликультурный состав РФ, необходимо понимать, что семейные ценности у представителей разных этнических групп будут различными... Поэтому экспертиза сайта должна проводиться с учётом этнокультурного компонента». Как последнее предложение вообще может быть реализовано?

Третья группа информационных процессов представляет собой *распространение или передачу сведений, обеспеченные явным побуждением к действию или бездействию*. Применительно к данной группе наиболее уместно использовать устоявшиеся правовые категории «агитация», «пропаганда» и «вовлечение».

Так, пункт 1 части 2 статьи 5 ФЗ № 436 относит к вредоносной информацию, побуждающую детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству. Жизнь и здоровье выступают наивысшими ценностями, обеспечиваемыми правом. Установление наивысшего возрастного ценза в отношении указанной категории информации обусловлено вероятностью наступления тяжелейших последствий вплоть до самоубийства.

Вместе с тем сама формулировка рассматриваемой нормы Закона представляется нам чрезмерно широкой, что дает в руки правоприменителя излишние дискреционные полномочия по квалификации правонарушения. Так, занятия в многих спортивных секциях, управление мопедом и даже использование некоторых бытовых электроприборов может представлять угрозу для здоровья несовершеннолетнего, а следовательно пропаганда или реклама такой деятельности может склонить ребенка к «опасным» для здоровья занятиям. Мы исходим из определения здоровья, которое дано в пункте 1 части 1 статьи 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: «состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма»¹. Если сегодня подобная трактовка закона правоприменителем будет расценена как злоупотребление, то в случае импорта западной модели ювенальной юстиции дословное толкование указанной нормы может быть использовано для улучшения статистических показателей соответствующих служб и организаций.

Дополнительным доводом в пользу конкретизации данной формулировки является закрепление в ФЗ № 436 в качестве самостоятельных категорий табуированных сведений:

- информации, способной вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, пиво и напитки, изготавливаемые на его основе, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством;
- информации, обосновывающей или оправдывающей допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным;
- информации, оправдывающей противоправное поведение.

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

В целом законодательные инициативы последних лет в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних свидетельствуют о стремлении законодателя вторгнуться в исконно частноправовую сферу семейного воспитания с собственными императивами поведения. Эта тенденция представляется недальновидной и вызывает у нас существенные опасения, так как в российском государстве, созданном и развивавшемся исторически на основе взаимопонимания и толерантного отношения к различным нациям и конфессиям¹, она может привести к стагнации межкультурных связей и стимулировать сепаратистские настроения в обществе. Полагаем, законодатель не должен использовать в качестве фундамента нормативной конструкции категории морально-нравственного, внеправового характера. Исключением, допускающим вмешательство публично-правовых субъектов в дела семьи, должны быть лишь случаи, когда ненадлежащее воспитание несовершеннолетнего ведет к внешне выраженной антиобщественной или противоправной деятельности ребенка. Так, предусмотренный статьей 5.35 КоАП РФ состав хотя и признает противоправным «нарушение обязанностей по воспитанию детей, которое может выражаться в том, что ребенку не прививаются элементарные навыки нормального поведения, его не учат доброте, правилам общежития, вежливости, этикету, не прививается любовь к труду, уважение к старшим и т.п.»², однако доказательственная оценка этого деяния требует наличия юридических фактов, прямо указывающих на девиацию ребенка и причинно-следственную связь между действием (бездействием) родителя и наступившими последствиями. Названный состав не является материальным, но и строго формальным его назвать также нельзя. Скорее, это правонарушение с открытым перечнем неблагоприятных последствий, которые видоизменяются и дополняются в процессе усложнения общественных отношений.

Сказанное в совокупности указывает на необходимость пересмотра содержания и классификации вредоносной для несовершеннолетних информации, который может быть произведен на основании мнений ведущих ученых в сфере информационного и ювенального права. И. И. Тазин, взяв за основу градации психологическую концепцию Э. Фромма, выделял следующие виды деструктивной информации:

а) деструктивная информация насилия и жестокости (натуралистическое и неоправданное изображение или описание физической боли, страданий, истязаний человека или животного, а также подобные действия (бездействия), события, явления, их последствия с фиксированием внимания на деталях, анатомических подробностях, физиологических процессах);

¹ Подобная идея подтверждается историко-этнологическими исследованиями Л.Н. Гумилева. См., например: Гумилев Л. Н. От Руси к России / Л. Н. Гумилев. – М.: АСТ, 2017. – 504 с.; Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М.: Азбука, 2013. – 672 с.; и др.

² Комментарий к КоАП РФ [Электронный ресурс] // URL: <http://stkoaprf.ru/5-35> (дата обращения: 10.09.2017).

б) информация аморального и антиобщественного поведения, основанная:
– на отрицании семейных ценностей и неуважении к родителям и членам семьи;

- на лжи, обмане и лицемерии;
- на сексуальной распущенности;
- на красивой потребительской жизни;

в) информация саморазрушения личности (прямая и скрытая пропаганда алкоголя, наркотиков, проституции, сексуальных девиаций, различных форм ухода от реальности)¹.

В приведенной типологии достаточно точно отмечена нравственно-психологическая сущность вредоносной информации в общечеловеческом, бытовом смысле. Вместе с тем тотальный запрет оборота всех перечисленных категорий сведений под угрозой публично-правового наказания излишен, так как необоснованно ограничивает свободу воли и поведения личности. Нравственность выступает крайне специфическим объектом правовой защиты. Правовые меры здесь смежны с мерами морального порицания, грань между сферами ведения этих двух социальных регуляторов динамична и обусловлена многими факторами, среди которых: политический режим, главенствующая идеология, степень образованности, культура общества и т.д. Н. И. Матузов справедливо отмечал: «нравственные нормы безоговорочно осуждают любые формы нечестности, лжи, клеветы, обмана и т.д., тогда как право пресекает лишь наиболее крайние и опасные их проявления»². Следует однозначно согласиться и с мнением Ю. В. Костина, согласно которому «постоянный учет уровня и состояния нравственного сознания – важный фактор повышения эффективности действия права, упрочнения законности и укрепления государства»³. Всеобъемлющее распространение правовых регуляторов на морально-нравственную сферу не дает позитивных результатов, приводя к девальвации нормативных установлений и искажению моральных установок общества. К сожалению, отечественная история имеет неоднократные подтверждения этого правила. В этом контексте приведенная выше типология деструктивной информации вряд ли может быть легально закреплена.

С. А. Куликова, исходя из анализа действующего законодательства, также предлагает интересную классификацию вредной информации:

1. Информация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть, вражду и насилие.

¹ Тазин И. И. Правовое обеспечение информационно-психологической безопасности несовершеннолетних / И. И. Тазин // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 6. – С. 220-225.

² Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права / Н. И. Матузов. – Саратов: Издательство Саратовской государственной академии права, 2004. – С. 332.

³ Костин Ю. В. Проблемы соотношения права и нравственности в современной юридической науке / Ю. В. Костин // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – С. 218-223.

2. Пропаганда войны, призывы к насильственному захвату власти, насильственному изменению конституционного строя, нарушению целостности территории.

3. Ложная (недостоверная) информация:

- а) о состоянии окружающей среды, санитарно-эпидемиологической обстановке, о чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера;
- б) об общественно значимых событиях;
- в) направленная на манипулирование рынком;
- г) способствующая недобросовестной конкуренции.

4. Информация, распространение которой противоречит нормам общественной нравственности:

- а) порнографические материалы;
- б) нецензурная брань в общественных местах;
- в) материалы, пропагандирующие культ насилия и жестокости;
- г) непристойные и оскорбительные образы, сравнения и выражения.

5. Информация, порочащая честь, достоинство и деловую репутацию лица (клевета, оскорбление, иная «порочащая информация»).

6. Информация, оказывающая деструктивное воздействие на здоровье людей.

7. Призывы к совершению действий или употреблению веществ, оказывающих вредное влияние на здоровье человека.

8. Информация, запрещенная к распространению среди детей.¹

Верное деление единого объекта на классификационные группы должно осуществляться на основании одного критерия, что должно исключать вероятность отнесения одного и того же информационного материала к двум и более классификационным группам. В типологии А. А. Смирнова «информация, пропагандирующая либо оправдывающая терроризм, иные преступления и правонарушения» охватывает практически все ниже перечисляемые категории сведений. Особо следует отметить, что терроризм является разновидностью экстремистской деятельности, информация об оправдании которой выделена в качестве самостоятельной разновидности вредоносной информации. Также искусственным представляется разграничение непристойной информации и нецензурной брани; заведомо ложной и дискредитирующей информации (последняя находится «вне закона» лишь в случае ее ложности или в совокупности с иными противоправными действиями – шантажом, вымогательством и т.д.). Дискуссионным по тем же причинам представляется перечисление С. А. Куликовой «информации, запрещенной к распространению среди детей» наравне с иными разновидностями вредоносных сведений, некоторые из которых согласно ФЗ № 436 отнесены к запрещенным в обороте исключительно среди несовершеннолетних (например, «материалы, пропагандирующие культ насилия и жестокости»).

¹ Куликова С. А. К вопросу о классификации вредной информации в российском законодательстве / С. А. Куликова // Информационное право. – 2015. – № 4. – С. 22-29.

Следует также отметить, что приведенные выше классификации претендуют на универсальность, тогда как, на наш взгляд, следует проводить четкую грань между информацией, ограниченной в доступе на основании возрастного ценза, и сведениями, распространение которых тотально запрещено. Попытка детализировать сущность вредоносной для несовершеннолетних информации предпринята разработчиками Концепции информационной безопасности детей, которая была утверждена Распоряжением Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р¹, которые, придерживаясь оригинального подхода к типологии, выделили формы поведения ребенка, пропаганда и популяризация которых должны быть пресечены:

- 1) агрессивное поведение, применение насилия и проявление жестокости по отношению к людям и животным;
- 2) совершение действий, представляющих угрозу жизни и (или) здоровью ребенка, в том числе причинение вреда своему здоровью, суицид;
- 3) употребление наркотических средств, психотропных и (или) одурманивающих веществ, табачных изделий, алкогольной и спиртосодержащей продукции, пива и напитков, изготавливаемых на их основе;
- 4) занятие проституцией;
- 5) бродяжничество;
- 6) попрошайничество;
- 7) иные виды противоправного поведения и (или) преступлений.

Перечень не является закрытым, так как разработчики Концепции на примере перечисленных позиций демонстрируют некоторые риски десоциализации и девиантного поведения детей. Следует особо отметить, что в рассматриваемом нормативном документе перечислены не виды вредоносной информации, а вероятные последствия ее восприятия несовершеннолетними. Подобный подход, хотя и интересен, чреват как расширительным толкованием, когда информационный оборот будет бездоказательно ограничен и подтвердить его безвредность будет невозможно, так и халатным отношением к фильтрации информационной продукции, когда оценка допустимости оборота информации отдается на усмотрение экспертного сообщества, не имеющего единой методики оценки.

Помимо предупреждения девиантного поведения, ограничение или запрет доступа несовершеннолетнего к вредоносной информации осуществляется в целях профилактики виктимности. Далекое не всегда виктимное поведение ребенка связано с непосредственной угрозой его жизни и здоровью. Оно может провоцировать совершение в отношении ребенка любого противоправного деяния (против половой свободы и неприкосновенности, против собственности и т.д.). Более того, виктимогенная вредоносная информация может и косвенно влиять на поведение

¹ Концепция информационной безопасности детей: распоряжение Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р // СПС «КонсультантПлюс».

несовершеннолетнего. А. Н. Щеголева и Е. И. Новикова, разделяя причины виктимности несовершеннолетних на объективные и субъективные, к последним относили биофизические качества, физиологические особенности и психологические характеристики, среди которых отдельно выделялись отклонения и патологии в психике ребенка¹. Подобные девиации могут быть сформированы в результате внешнего информационного воздействия, например, вызова у несовершеннолетнего страха и паники, привития ему комплекса собственной неполноценности.

С учетом содержания приведенных выше классификаций, используя в качестве критерия градации совокупную оценку свойств вредоносной для несовершеннолетних информации, информационных угроз психике ребенка и потенциальных последствий восприятия им подобных сведений, а также оставляя за скобками разновидности тотально запрещенных к обороту сведений, нами предлагается собственная *классификация вредоносной для несовершеннолетних информации*, оборот которой должен быть запрещен или ограничен в соответствии с возрастным цензом:

1. Деликтогенная информация:

(1) вызывающая интерес к употреблению наркотических средств, психотропных и одурманивающих веществ, табачной, алкогольной и спиртосодержащей продукции, пива и напитков, изготавливаемых на их основе, иных психоактивных веществ;

(2) оправдывающая расовое, этническое, религиозное, гендерное или иное превосходство по социальным признакам, иную экстремистскую, в том числе, террористическую деятельность;

(3) не соответствующая возрастному цензу информация о сексуальных отношениях, а также информация порнографического характера², иная информация о сексуальных перверсиях и девиациях;

(4) пропагандирующая противоправную или антиобщественную деятельность, а равно пропагандирующая криминальную субкультуру;

¹ Щеголева А. Н., Новикова Е. И. Особенности виктимности несовершеннолетних и пути ее снижения / А. Н. Щеголева, Е. И. Новикова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 1. – С. 190-196.

² Относительно тотального запрета оборота последней или установления в отношении порнографической продукции конкретного возрастного ценза ведутся постоянные дискуссии юристов, педагогов, психологов и журналистов, причем эмпирические исследования (психофизиологические наблюдения и социологические опросы) не позволяют сделать однозначный вывод о допустимости оборота подобной информации, порой демонстрируя диаметрально противоположные результаты. Так, Л. Л. Ефимова указывает на «три основные гипотезы, объясняющие механизм влияния телевизионных сцен насилия на агрессивное поведение людей: теория «социального научения» А. Бандуры, «гипотеза катализатора» Л. Берковитца и гипотеза «катарсиса», когда просмотр откровенного контента приводит к ослаблению агрессивности и сбросу эмоционального напряжения» (Ефимова Л. Л. Информационная безопасность детей. Российский и зарубежный опыт: монография / Л. Л. Ефимова, С. А. Кочерга. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – С. 7-8.).

(5) необоснованно оправдывающая и пропагандирующая жестокость и насилие;

(6) нецензурная брань¹ и не соответствующая возрастному цензу информация, содержащая оскорбления и бранные слова, не являющиеся нецензурными.

2. Виктимогенная информация:

1) склоняющая причинить вред своему здоровью или совершить самоубийство;

2) пропагандирующая действия, представляющие опасность для жизни и здоровья несовершеннолетнего;

3) оправдывающая нарушение Правил дорожного движения или пренебрежение мерами безопасного поведения на объектах транспортной инфраструктуры;

4) вызывающая интерес к азартным играм;

5) неправомерно распространенные (переданные) персональные данные о несовершеннолетнем;

6) вызывающая страх и панику, формирующая деструктивные психологические комплексы или деструктивные формы психологической защиты у несовершеннолетнего².

¹ На момент написания работы нецензурная брань табуирована лишь в общественных местах и при условии, что виновное лицо таким образом выражает неуважение к обществу (ст. 20.1 КоАП РФ), однако в скором времени диспозиция данной статьи может измениться. В Государственную Думу Федерального Собрания РФ внесен Проект Федерального закона № 545442-6 «О внесении изменения в статью 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», в соответствии с которым предлагается изложить ч.1 ст. 20.1. «Мелкое хулиганство» в следующей редакции: «1. Мелкое хулиганство, то есть оскорбительное приставание к гражданам, нецензурная брань или другие умышленные действия, выражающие явное неуважение к личности и (или) обществу, нарушающие общественный порядок и (или) спокойствие граждан, а равно сопряженные с уничтожением или повреждением чужого имущества...». Соглашаясь с необходимостью ограничения нецензурной брани в семье, мы считаем предлагаемую формулировку чрезвычайно широкой. Априори нецензурная брань не может считаться проявлением неуважения к обществу, однако в случае ознакомления с ней несовершеннолетнего следует говорить о посягательстве на его информационные права. Таким образом, административная ответственность за нецензурную брань в присутствии несовершеннолетнего (или только малолетнего) должна быть установлена не в рамках главы 20 КоАП РФ, а в отдельной статье главы 5 Кодекса «Административные правонарушения, посягающие на права граждан».

² В психологии продолжается дискуссия относительно уточнения соотношения приведенных терминов. Представители научной школы психоанализа (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер) понимали под психологическим комплексом «вытесненные в подсознание («личное бессознательное») аффективно окрашенные (эмоционально заряженные) воспоминания и мысли» (Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 672 с.). Современная психология рассматривает подобные «вытеснения» в контексте защитных реакций психики на вызывающую стресс информацию и выделяет как конструктивные, так и деструктивные (отрицающие или искажающие реальность) формы психологической защиты (см., например: Антилогова Л. Н., Расудова Л. А. Виды психологической защиты у девиантных

Нами приведены комплексные подвиды вредоносной для несовершеннолетних информации, в составе которых могут быть выделены как ограниченные для определенной возрастной категории сведения, так и тотально запрещенная для несовершеннолетних информация. Согласно части 3 статьи 6 ФЗ № 436 выделяются пять категорий информационной продукции:

- 1) для детей, не достигших возраста шести лет;
- 2) для детей, достигших возраста шести лет;
- 3) для детей, достигших возраста двенадцати лет;
- 4) для детей, достигших возраста шестнадцати лет;
- 5) информационная продукция, запрещенная для детей.

Подобная градация возрастных категорий проведена по аналогии с западноевропейской системой классификацией потенциально вредоносного для несовершеннолетних контента PEGI (Pan European Game Information)¹ и североамериканской системой ESRB (Entertainment Software Rating Board)².

Интерес в контексте сказанного представляет возрастная категоризация информационного контента Американской киноассоциации США. Существуют 5 основных рейтингов со следующими обозначениями: «G» (General audiences) – фильм демонстрируется без ограничений; «PG» (Parental guidance suggested) – детям рекомендуется смотреть фильм с родителями; «PG-13» (Parents strongly cautioned) – просмотр не желателен детям до 13 лет; «R» (Restricted) – лица, не достигшие 17-летнего возраста допускаются на фильм только в сопровождении одного из родителей, либо законного представителя; «NC-17» (No One 17 & Under Admitted) – лица 17-летнего возраста и младше на фильм не допускаются. Таким образом, лишь одна категория информационного контента имеет императивно-запретительный характер, остальные же носят либо рекомендательный характер, либо допускают просмотр материалов несовершеннолетним в присутствии родителей или иных законных представителей. Аналогично и в российском законодательстве согласно части 5 статьи 11, части 1 статьи 9 и части 1 статьи 8 ФЗ № 436 допускается ознакомление ребенка любого возраста с информационной продукцией для детей, достигших возраста двенадцати лет, если подобное ознакомление происходит в присутствии их родителей или иных законных представителей несовершеннолетних. Подобный подход позволяет говорить о рекомендательно-педагогической сущности классификаторов «0+», «6+» и

подростков / Л. Н. Антилогова, Л. А. Расудова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2012. – № 3. – С. 68-72).

¹ Рейтинг PEGI предназначен для развлекательного компьютерного контента и предусматривает категоризацию по возрасту и содержанию контента: 3, 7, 12, 16, 18. Причем маркировка имеет рекомендательно-предупредительный, а не императивный характер. Применяется в более чем 30 государствах.

² Рейтинг ESRB предназначен для развлекательного компьютерного контента и предусматривает категоризацию по возрасту и содержанию контента: EC – от 3 лет и старше; E – от 6 лет и старше; E10+ – старше 10 лет; T – от 13 лет и старше; M – от 17 лет; AO – только совершеннолетним; RP – рейтинг не определен, ожидается его присвоение.

«12+». Публично-правовой запрет на обеспечение доступа к потенциально вредоносному для несовершеннолетнего контенту установлен в рамках классификаторов «16+» и «18+».

3. Понятие и содержание информационной и информационно-психологической безопасности несовершеннолетних. Защита детей от воздействия вредоносной информации

Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних – задача комплексная не только по набору способов (правовые, организационные, технические), но и по числу субъектов, задействованных в этой деятельности. Прежде, чем мы обратимся к полномочиям конкретных органов власти, следует определить содержание и сущность правового института информационной безопасности несовершеннолетних.

Нормативные правовые акты, обеспечивающие информационную безопасность несовершеннолетних, в зависимости от юридической силы возможно распределить по следующим группам:

1) международно-правовые принципы и гарантии информационной безопасности детей;

2) федеральное законодательство и принимаемые на его основе подзаконные нормативные правовые акты Президента РФ, Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти;

3) законодательство субъектов Российской Федерации в сфере обеспечения информационной безопасности детей по вопросам, отнесенным к их компетенции;

4) правовое регулирование практических вопросов обеспечения информационной безопасности детей органами местного самоуправления на основании Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ либо по вопросам, право рассмотрение которых делегировано местной власти исполнительно-распорядительными либо представительными органами власти субъектов Российской Федерации.

Легальное определение термина «информационная безопасность детей» закреплено в пункте 4 статьи 2 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»: «состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию».

Правовое регулирование любой области общественных отношений должно начинаться с определения цели подобного вмешательства, которой и должны быть обусловлена тактика и стратегия нормативной регламентации. Показательно, что в ФЗ № 436 не раскрывается цель, которую преследует государство, устанавливая в том числе административно-правовые и

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон 06.10.2003 № 131-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

уголовные санкции за нарушение закрепленных в нем правил. Определенная же в статье 9 ФЗ об информации цель ограничения оборота информации дословно цитирует норму Конституции России о допустимости ограничения прав граждан в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, представляется хотя и уместным, однако чрезмерно широким основанием для введения правоограничений в сфере защиты детей от вредоносной информации. *Цель законодательства о защите детей от вредоносной информации, на наш взгляд, должна заключаться в обеспечении соблюдения интересов несовершеннолетних в сфере физического, интеллектуального, психического, духовного и нравственного развития при получении не ограниченной в доступе информации.* Эта цель, как нам представляется, должна быть однозначно закреплена в статье 1 ФЗ № 436.

Не обладает рассматриваемый Федеральный закон и собственным аппаратом *принципов*. Общие принципы правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, закрепленные в статье 3 соответствующего Федерального закона, не могут быть дословно инкорпорированы в законодательство о защите детей от информации. Так, принцип свободы поиска, получения, передачи, производства и распространения информации предъявляет требования только к законности способа оборота сведений, не учитывая содержательную сторону контента. Полагаем, для полноценного и всестороннего регулирования рассматриваемой сферы следует легализовать в рамках ФЗ № 436 собственную систему принципов, центральными из которых должны стать принцип приоритетности обеспечения информационно-психологической безопасности над свободой слова и принцип использования достижений науки и техники в защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Декларация подобных принципов позволила бы развивать регулятивную составляющую Федерального закона.

Перспективы развития отраслевого федерального закона можно определить, отталкиваясь от его структуры. Контент-анализ его разделов прямо указывает на надзорно-карательную направленность нормативного акта. Двигаясь от общего к частному, законодатель в первой и второй главах определяет основные виды вредоносной информации и ограниченно оборотоспособной информационной продукции; в третьей главе устанавливает императивные требования к их обороту; в четвертой и пятой – уполномочивает на осуществление экспертной и контрольно-надзорной деятельности субъектов защиты; а в шестой – оговаривает условия привлечения виновных в нарушении установленных требований к юридической ответственности. Подобная структура законодательного акта практически не позволяет дополнять его содержание для внедрения правовых инструментов регулирующего воздействия на средства массового информирования или расширения перечня субъектов, ответственных за защиту детей от воздействия вредоносной информации. Полагаем, пытаюсь решить давно назревшую проблему обеспечения информационно-

психологической безопасности детей, законодатель использовал «старые заготовки» и, что логично, получил замкнутый в себе нормативный акт, развитие которого происходит лишь посредством дополнения и конкретизации видов ограниченной в обороте информации и информационной продукции.

Так, на сегодняшний день ждут своего разрешения такие вопросы, как:

– конкретизация правового статуса и ответственности родителей и иных законных представителей несовершеннолетних в сфере защиты детей от вредоносной информации;

– формирование у детей личностной системы информационно-психологической самозащиты;

– мониторинг и поддержание положительного психологического климата в общеобразовательных организациях;

– мониторинг психологического климата в неформальных объединениях несовершеннолетних и многие другие.

Помимо законодательных актов немаловажную роль в рассматриваемой сфере играют подзаконные нормативные правовые акты, в которых либо осуществляется стратегическое планирование развития системы обеспечения информационно-психологической безопасности детей, либо детализируются положения законов, распределяются государственно-властные полномочия между органами управления.

Примерами первого вида подзаконных актов являются Доктрина информационной безопасности РФ¹ и Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года². Знаковым для сферы обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних нормативным правовым актом является Концепция информационной безопасности детей³. Структурно Концепция включает пять логически последовательных разделов. В первом разделе отмечаются исходные тезисы, обуславливающие внимание государства к проблеме обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних. Нельзя не обратить внимание на фактическое нормативное признание нескольких терминов, ранее не встречавшихся в отечественных нормативных правовых актах. Таковыми являются «гиперинформационное общество», «дестабилизирующее воздействие информационной продукции», «медиаграмотность», «психологическое благополучие ребенка» и другие.

Отдельного внимания заслуживает термин «медиаграмотность», содержание которого также легально не закреплено, однако нормативно определены критерии его оценки. Согласно Приказу Минкомсвязи России от

¹ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // СПС «КонсультантПлюс».

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Далее – Концепция.

28 июля 2014 г. № 226 «О Критериях медиаграмотности и методике оценки уровня медиаграмотности населения»¹ таковыми являются:

а) умение пользоваться поисковыми системами и находить необходимую информацию;

б) способность обращать внимание на источники информации, верифицировать информацию и критически ее оценивать;

в) умение защитить свои персональные данные в сети Интернет и способность не допускать утечки информации, касающейся личной жизни, которая может представлять интерес для злоумышленников;

г) знание о системах «родительского контроля», умение пользоваться ими, а также способность провести для детей курс личной безопасности по их действиям в социальных сетях и сети Интернет;

д) способность сопоставлять информацию из различных источников, стремиться проверять любую полученную информацию.

Очевидно, что данные критерии оценки ориентированы на совершеннолетних граждан. Трудно представить малолетнего ребенка, способного полноценно «верифицировать», «критически оценивать» или «сопоставлять» получаемую информацию. Полагаем, критерии оценки «уровня медиаграмотности детей» должны быть закреплены в ином подзаконном акте, однако такового нет. Также следует обратить внимание на уместность термина «медиаграмотность» с позиций семантики. Языковая единица «медиа» заимствована из английского языка, где под ним понимается совокупность радио, телевидения и периодической печати². Соответственно, при дословной трактовке медиаграмотность – это умение использовать информацию, передаваемую СМИ. Однако этот термин морально устарел с массовым распространением Интернета, информационные ресурсы которого не являются СМИ, но при этом признаются разработчиками Концепции «важнейшими институтами социализации, образования и просвещения нового поколения». На наш взгляд, более уместно в контексте рассматриваемого вопроса было бы использовать термин «информационная культура», под которым в научно-справочной литературе понимается «знания и навыки эффективного пользования информацией. Предполагает разностороннее умение поиска нужной информации и ее использования, от работы с библиотечным каталогом, компьютерной грамотности до просмотра информации в сети Интернет»³.

Защита несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации выступает основополагающим элементом обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних. Континентальная

¹ О Критериях медиаграмотности и методике оценки уровня медиаграмотности населения: приказ Минкомсвязи России от 28.07.2014 № 226 // СПС «КонсультантПлюс».

² Ильин Ю. Д. Большой англо-русский и русско-английский юридический словарь / Ю. Д. Ильин. – М.: Живой язык, 2016. – 528 с.

³ Петров Ю. А., Петрова Г. И. Терминологический словарь-справочник: экономика, маркетинг, менеджмент. А – М / Ю. А. Петров, Г. И. Петрова. – М.: Издательские решения, 2012. – 580 с.

система законодательства требует упорядоченности правового регулирования, в связи с чем, в первую очередь, следует определиться, в рамках какого режима законодатель предполагает ограничивать доступ к вредоносной информации. К сожалению, наиболее «продвинутый» нормативный акт в рассматриваемой сфере – Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» – не дает нам однозначного ответа, более того, ставит перед научным сообществом и правоприменителем ряд достаточно острых вопросов.

Во-первых, любой ограничивающий конституционные свободы правовой режим (в том числе свободу информации, слова, связи и массовых коммуникаций) должен иметь однозначно интерпретируемые основания введения (использования) и четкие границы ведения. Основания и условия функционирования режима можно разделить по двум уровням. На конституционном уровне основаниями ограничения оборота выступают положения части 3 статьи 55 Конституции России. На уровне правоприменения основаниями реализации режима защиты от воздействия вредоносной информации выступают положения ФЗ № 436, и принятых на его основании подзаконных нормативных актов, определяющие порядок и условия запрета или ограничения оборота сведений. Так, в части 2 статьи 5 Федерального закона перечисляются виды «информации, запрещенной для распространения среди детей», однако в части 1 статьи 11 того же акта говорится, что «оборот информационной продукции, содержащей информацию, предусмотренную частью 2 статьи 5 настоящего Федерального закона, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом». Возникает логичный вопрос, – является ли оборот запрещенной информации среди совершеннолетних тем самым «исключением». Если да, то последняя из перечисленных норм полностью утрачивает смысл, если же нет, то действие закона выходит за обозначенные в его наименовании предметные рамки, так как распространяет свое действие на полностью дееспособных граждан, не нуждающихся в опеке государства за «чистотой» их информационной среды.

Границы режима защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации также подвергаются конструктивной критике. Так, Е. В. Дорогова справедливо отмечала неоднозначность закрепления в статье 1 ФЗ № 436 сферы его действия¹, из которой исключены:

- 1) оборот информационной продукции, содержащей научную, научно-техническую, статистическую информацию;
- 2) распространение информации, недопустимость ограничения доступа к которой установлена Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и другими федеральными законами;

¹ Дорогова Е. В. О некоторых исключениях из Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей» / Е. В. Дорогова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2014. – № 2. – С. 16-18.

3) оборот информационной продукции, имеющей значительную историческую, художественную или иную культурную ценность для общества;

4) реклама.

Дополнительные ограничения применения рассматриваемого акта закреплены в части 4 статьи 11 Федерального закона, согласно которому «оборот информационной продукции, содержащей информацию, предусмотренную статьей 5 настоящего Федерального закона, без знака информационной продукции не допускается, за исключением:

(1) учебников и учебных пособий, рекомендуемых или допускаемых к использованию в образовательном процессе в соответствии с законодательством об образовании;

(2) телепрограмм, телепередач, транслируемых в эфире без предварительной записи;

(3) информационной продукции, распространяемой посредством радиовещания;

(4) информационной продукции, демонстрируемой посредством зрелищных мероприятий;

(5) периодических печатных изданий, специализирующихся на распространении информации общественно-политического или производственно-практического характера;

(6) информации, распространяемой посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», кроме сетевых изданий;

(7) комментариев и (или) сообщений, размещаемых по своему усмотрению читателями сетевого издания на сайте такого издания в порядке, установленном редакцией этого средства массовой информации».

Полагаем, сфера действия рассматриваемого Федерального закона должна быть скорректирована. На наш взгляд, следует включить в сферу его ведения рекламную продукцию и периодические печатные издания, специализирующиеся на распространении информации общественно-политического характера. Также целесообразно пересмотреть исключение из сферы ведения информационной продукции, содержащей научную, научно-техническую, статистическую информацию, продукции, имеющей значительную историческую, художественную или иную культурную ценность для общества, продукции, распространяемой посредством радиовещания, а также периодических печатных изданий, специализирующихся на распространении информации производственно-практического характера. Для начала, необходимо дать четкое определение каждой из перечисленных категорий информационной продукции, а затем определить условия, при которых она не будет подлежать возрастному ранжированию. Кроме того, зарекомендовавшим себя в зарубежной правоприменительной практике является нормативное установление, согласно которому производитель и (или) распространитель информационной продукции, подлежащей классификации, добровольно отказывается от ее

проведения, при этом ей присваивается знак информационной продукции «18+». Введение подобного правила в отечественную систему, на наш взгляд, будет способствовать снижению финансовой и государственно-надзорной нагрузки на медиабизнес, упростив процедуру выявления нарушений законодательства о защите несовершеннолетних от вредоносной информации, ведь в таком случае не потребуется проведение дополнительных исследований, достаточно будет лишь доказать доступ несовершеннолетнего к информации «18+».

Во-вторых, неудачной представляется сама легальная формулировка «защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Ранее мы уже отмечали ошибочность подхода, согласно которому защите от вредоносной информации подлежит не психика или групповая психология, а сам несовершеннолетний. Каждая возрастная группа, да и каждый несовершеннолетний индивид, имеет свои психологические особенности. Конкретная информация для одних будет деструктивной, а для других – допустимой или даже полезной, снимающей когнитивный диссонанс через сублимацию, перенос или иную психотехнику.

В-третьих, механика рассматриваемого закона подразумевает присвоения информационной продукции знака с указанием возрастного ценза и последующий государственный надзор за соблюдением публичными информаторами правил оборота подобной продукции, а в случае нарушения установленных правил – привлечение виновных лиц к юридической ответственности. Вместе с тем подобный подход представляется нам чрезмерно узким. Л. Л. Ефимова и С. А. Кочерга среди основных мер обеспечения информационной безопасности за рубежом называют:

- возрастную классификацию контента информационной продукции;
- запрет и уголовная ответственность за коммерческое распространение информационной продукции без указания возрастной категории;
- запрет на распространение определенных видов контента;
- установление «водораздела» при осуществлении телерадиовещания;
- использование программно-технических средств для фильтрации контента;

– производство информационной продукции, специально предназначенной для детей, в том числе в Интернете, создание детской информационно-просветительской общеевропейской образовательной сети «Schoolnet» (Германия) и детской доменной сети «kids.us» (США).¹

Приведенный перечень следует дополнить масштабными образовательными программами, направленными на формирование информационной культуры не только несовершеннолетних, но и их родителей. Подобные программы имеют не назидательно-профилактический, а образовательный характер и реализуются в рамках факультатива для учащихся и курсов педагогической подготовки для родителей. Помимо того,

¹ Ефимова Л. Л. Информационная безопасность детей. Российский и зарубежный опыт: монография / Л. Л. Ефимова, С. А. Кочерга. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – С. 7-8.

существуют многочисленные социальные службы, ориентированные на выявление признаков девиации или виктимизации несовершеннолетних под воздействием негативной информационной среды. Таким образом, защита несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации обеспечивается не только надзорно-карательными, но и просветительско-восстановительными мерами. Второй сегмент, как мы видим, в российском законодательстве представлен крайне скупо.

В-четвертых, остается открытым вопрос о содержании самой категории «защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и соотношении ее с институтом защиты информации, легальная трактовка которого дана в статье 16 ФЗ об информации. Сравнение сфер действия двух этих законов не исключает их пересечения. Так, согласно пункту 1 части 1 статьи 16 ФЗ об информации одним из направлений ее защиты является обеспечение защиты сведений от неправомерного доступа, предоставления и распространения. В свою очередь, ФЗ № 436, строго говоря, лишь косвенно защищает несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации. Его основная задача, как нам представляется, – урегулировать деятельность средств массовой информации и коммуникации, а также иных публичных информаторов и субъектов, предоставляющих услуги связи, в сфере оборота особого вида сведений – ограниченной на основании возрастного ценза в доступе информации. Механизм правового регулирования в таком случае близок процессу обеспечения доступа к такому классическому виду информации ограниченного доступа, как коммерческая тайна. В обоих случаях в основе применения мер государственного принуждения лежит метод ранжирования сведений на категории. Разница лишь в том, что право доступа к новой категории сведений, составляющих коммерческую тайну, приобретается в результате замещения должностей с соответствующим допуском, а возможность доступа к новой категории условно вредоносной информации – по достижению определенного возраста.

В-пятых, защиту несовершеннолетних от вредоносной информации следует рассматривать в двух ее ипостасях: как правовой режим и как процесс. Во втором случае следует говорить о наличии в ее составе организационных, правовых и технических мер, реализуемых в ходе сменяющих друг друга стадий правоустановления, надзора, пресечения нарушения, его квалификации и привлечения виновных к юридической ответственности, а также коррекционно-восстановительных мер по обеспечению информационно-психологической безопасности ребенка.

Таким образом, защита несовершеннолетних от вредоносной информации – основанная на легально закрепленных перечне и правилах оборота запрещенной и ограниченной в доступе для несовершеннолетних информации правоприменительная деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц, общественных объединений и организаций, родителей и иных законных представителей несовершеннолетних, а также иных физических лиц по обеспечению информационно-психологической безопасности несовершеннолетних.

Тема 2. Государственная политика в сфере защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации

Учебные вопросы:

1. Содержание государственной политики в сфере защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации.
2. Принципы, механизм и основные компоненты государственной политики в сфере защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации.

1. Содержание государственной политики в сфере защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации

Государственная политика представляет собой политический процесс управления, выражающийся в публично-правовом воздействии на общественные отношения, и включает в себя «субстанционарные, человеческие, институционарные, процессуальные и духовные компоненты»¹. Государственное управление, являясь организующей исполнительно-распорядительной и подзаконной деятельностью государственных органов по регулированию публично значимых общественных отношений, в рамках особенной части административного права (как науки и учебной дисциплины) традиционно разделяется на управление в экономической, социально-культурной и административно-политической сферах². Происходящее перманентно усложнение правоотношений ведет к возникновению «пограничных» для традиционной модели сфер публично-правового ведения. К таковым следует отнести и государственное управление в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних.

Субстанционарный, наивысший компонент государственной политики выражается в определении оснований и границ вторжения власти в общественные отношения, а также принципов и задач государства применительно к конкретной сфере правоотношений. Нормативные правовые акты, содержащие совокупную оценку субстанционарного и *духовного* (отражает идеалы, потребности и интересы личности, общества и государства в сфере защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации) компонентов, в значительной степени были рассмотрены нами в предыдущей главе.

Основным критерием оценки государственной политики в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности на указанных уровнях – степень дозволения государством свободы слова, гарантии и

¹ Данилов М. В. Государственная политика и управление: учебно-методическое пособие / М. В. Данилов. – Саратов, 2014. – С. 62

² См., например: Четвериков В.С. Административное право Российской Федерации: учебное пособие / В.С. Четвериков. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 415 с.; Валиева Д.С. Административное право. Особенная часть: учебное пособие / Д.С. Валиева, Э.Г. Липатов, С.Е. Чаннов. – М.: Ось-89, 2006. – 186 с.

механизм ее защиты от противоправных посягательств. Наиболее остро эта проблема сегодня стоит в контексте развития средств массовой коммуникации.

Сама информационная среда пользователя Интернет обладает специфическими особенностями. Во-первых, применяя возможности всемирной сети, индивид становится не только потребителем и пользователем информации, но и получает возможность активно участвовать в распространении, преобразовании информационных потоков и развитии здесь инноваций. Интернет-среда выступает одновременно и средством, и средой социального развития личности¹.

Во-вторых, для информационной продукции всемирной паутины характерны две противоположные по вектору тенденции, характеризующие отношение общества к персональным данным и анонимности. С одной стороны, распространенным явлением становится предельное самораскрытие информации о себе, сопровождающееся подробным описанием деталей даже самых интимных аспектов жизни. С другой стороны, Интернет позволяет максимизировать степень анонимности в ходе общения и распространения информации. Последний тезис нашел отражение в международно-правовых актах. Так, 28.05.2015 Совет по правам человека ООН опубликовал отчет A/HRC/29/32, в котором декларировал возможность анонимного пользования интернетом и использование шифрования личных данных и средств коммуникации в качестве необходимой и должной части прав человека².

В-третьих, степень развития и доступность информационно-коммуникационных технологий способствовали появлению так называемых «виртуальных личностей». Исследователи выделяют две группы причин создания «виртуальных личностей»: мотивационные (удовлетворение уже имеющихся желаний) и «поисковые» (желание испытать новый опыт как некоторая самостоятельная ценность) причины. В первом случае создание «виртуальной личности» несёт в себе компенсаторную функцию. Такая «виртуальная личность» существует как «для себя», осуществляя идеал «Я» или, наоборот, реализуя деструктивные тенденции пользователя, так и «для других» – с целью произвести определённое впечатление на окружающих. Во втором случае «виртуальная личность» создаётся для расширения уже имеющихся возможностей реальной социализации, получения нового опыта. Так А.Е. Жичкина считает, что создание «виртуальной личности» не является компенсаторным стремлением по преодолению объективных или субъективных трудностей реального общения и взаимодействия: довольно часто «виртуальная личность» оказывается не соотносима ни с «идеальным», ни с «реальным» Я³.

¹ Корниенко С. И. Исторические информационные ресурсы: понятие, описание и классификация / С. И. Корниенко, О. В. Власова, Д. А. Гагарина // Информационные ресурсы России. – 2012. – № 1. – С. 6-19.

² URL: http://search.ohchr.org/results.aspx?k=29.32_aev (дата обращения: 05.10.2016).

³ Жичкина А. Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете / А. Е. Жичкина. – М. : Дашков и Ко, 2004. – 117 с.

Позитивный характер влияния Интернета связан с колоссальными и нарастающими ресурсами Сети, способными обеспечить большую степень свободы пользователя и огромным потенциалом его развития, духовно-ценностной ориентации и самореализации. К негативным последствиям развития Интернет относятся усложнение коммуникационного потока, информационная перегрузка, опасности «виртуализации» личности.

С одной стороны, проследившая динамику развития Интернета можно сказать, что главенствующее значение отводится здесь не органам государственной власти, а непосредственно самим гражданам. Сеть позволяет расширять человеческие возможности и в буквальном смысле преобразует общество. Через Интернет люди способны расширять рамки своего общения, решая многие вопросы, на которые, может, прежде не обращалось внимание, но теперь возможно свободное их обсуждение, в том числе и анонимно. Кроме того, свободный поток информации и идей через Интернет имеет ключевое значение для экономического роста государства, и для научных процессов в частности.

Правовое регулирование использования сети «Интернет», а равно и иных информационно-телекоммуникационных сетей, до последнего времени практически отсутствовало. Причины подобной ситуации вполне очевидны – всемирную сеть крайне сложно описать и регламентировать национальным законодательством, а динамика изменения ее содержания сводит «на нет» практически все попытки государства выстроить стройную систему контроля, оперативно реагирующую на правонарушения.

Несмотря на это, киберпространство действительно требует нормативного вмешательства государства. И наиболее решительные шаги в этом направлении были сделаны совсем недавно. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» имел беспрецедентный срок вступления в силу – 1 сентября 2012 года. За этот период, по мнению законодателя, нормативный правовой акт должен был пройти дополнительное обсуждение в обществе и экспертной среде.

Наибольший общественный ажиотаж был вызван трактовкой указанного закона, как акта, легализующего государственную цензуру средств массовой коммуникации. Действительно, запрет политической цензуры как средства ограничения прав граждан на самовыражение является основополагающим принципом построения демократического государства. Статья 29 Конституции Российской Федерации гарантирует свободу слова и массовой информации и запрещает цензуру. Однако, институт цензуры, на наш взгляд, не заслуживает однозначной и категоричной негативной оценки. Т.Л. Полусмак понимает под цензурой предварительный или последующий просмотр государственными учреждениями, ведущими надзор за литературными произведениями, повременными изданиями, постановкой пьес и т.п., с целью недопущения или ограничения сведений, признанных властью нежелательными. В более широком смысле стоит говорить о цензурном режиме, который складывается в обществе независимо от наличия

осуществляющих надзорный контроль учреждений и иногда независимо от власти. Именно цензурный режим обеспечивает человеку ту или иную степень свободы слова и печати в любом обществе¹.

Указанная дефиниция не соответствует определению цензуры, которое дано в статье 3 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124 «О средствах массовой информации»²: «цензура, то есть требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей». Иными словами, закон о СМИ запрещает только предварительную цензуру. При этом к полномочиям роскомнадзора отнесено право в порядке и случаях, которые установлены законодательством Российской Федерации, применять в установленной сфере ведения меры пресекательного характера, направленные на недопущение нарушений юридическими лицами и гражданами обязательных требований в этой сфере и (или) ликвидацию последствий таких нарушений³.

Таким образом, следует сделать вывод о легальном закреплении в российской правовой системе института последующей цензуры, которая осуществляется, в первую очередь, федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере связи и массовых коммуникаций. Этот правовой институт обоснованно необходим и является основной возможностью обеспечения запрета или ограничения оборота вредоносной информации. Введение контроля распространяемой через СМИ информации также оправдано тем, что современные телекоммуникационные технологии предоставляют возможность маскировки вредоносной информации, для обнаружения которой понадобятся специальные познания и технические средства. Пострадавшее от оборота вредной информации лицо может и не подозревать о нарушении его прав и, соответственно, не иметь возможности их восстановления.

Таким образом, Федеральный закон № 436-ФЗ отнюдь не ввел цензуру, а лишь свел «размытые» позиции действующих нормативных правовых актов к достаточно конкретным рамкам, определив исчерпывающий перечень информации, подлежащей ограничению либо запрету в обороте. Законодатель сделал первый шаг на пути к формированию своеобразного «морального кодекса» распространителя информации, защитив не правообладателя сведений ограниченного доступа, а потребителя массовой информации.

¹ Полусмак Т. Л. Цензурное законодательство дореволюционной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т. Л. Полусмак. – Н. Новгород, 2003. – С. 3.

² О средствах массовой информации: закон РФ от 27.12.1991 № 2124 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

³ О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: постановление Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 12. Ст. 1431.

Вместе с тем, на момент принятия закона оставался непонятным механизм осуществления деятельности по профилактике, выявлению и пресечению фактов распространения вредоносной информации. Не был нормативно определен контролирующий субъект и его правовой инструментарий. Сегодня оба эти вопроса решены в рамках Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Следует сказать, что в среде специалистов в области Интернета внесение этого нормативного акта в Государственную Думу произвело эффект разорвавшейся бомбы. Наиболее жесткой критике подверглась идея о возможности создания «Единого реестра доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в РФ запрещено». На прошедшей 18-20 апреля 2012 года конференции «РИФ + КИБ» (Российский Интернет форум и Конференция «Интернет и бизнес»)² специалисты в сфере информационных технологий усомнились в технической возможности подобным способом ликвидировать информационно-психологическую угрозу. Не дублируя высказанные участниками форума замечания, и оценивая законопроект в общем положительно, предлагаем обратиться непосредственно к анализу его норм.

Интерес представляет сравнение обновленной редакции статьи 14 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». До внесения изменений данная норма выглядела следующим образом: *«Доступ детей к информации, распространяемой посредством информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети Интернет), предоставляется операторами связи, оказывающими телематические услуги связи в пунктах коллективного доступа, при условии применения указанными операторами связи технических, программно-аппаратных средств защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию».*

Новая редакция статьи 14 ФЗ № 436 «Особенности распространения информации посредством информационно-телекоммуникационных сетей» выглядит так:

«1. Доступ к информации, распространяемой посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», в местах, доступных для детей, предоставляется лицом, организующим доступ к сети «Интернет» в таких местах (за исключением операторов связи, оказывающих эти услуги связи на основании договоров об оказании услуг связи, заключенных в письменной форме), другим лицам при

¹ Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/19627.html> (дата обращения 20.07.2015).

² Российский Интернет Форум. URL: <http://2012.russianinternetforum.ru> (дата обращения 20.07.2012).

условии применения административных и организационных мер, технических, программно-аппаратных средств защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию.

2. Сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не зарегистрированный как средство массовой информации, может содержать знак информационной продукции (в том числе в машиночитаемом виде) и (или) текстовое предупреждение об ограничении ее распространения среди детей, соответствующие одной из категорий информационной продукции, установленных частью 3 статьи 6 настоящего Федерального закона. Классификация сайтов осуществляется их владельцами самостоятельно в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона».

Некоторые положения данной нормы представляются нам дискуссионными. Во-первых, следует обратить внимание на замену субъекта и места правового регулирования – вместо «пункта коллективного доступа» законодатель использует «места, доступные для детей», а обязанности возлагаются уже не на «оператора связи, оказывающего телематические услуги», а на любое «лицо, организующее доступ к сети «Интернет». Возникает логичный вопрос – может и должен ли среднестатистический пользователь «Интернет», использующий модем или иное техническое устройство с возможностью беспроводной связи (например, wi-fi) принимать административные и организационные, технические и программно-аппаратные меры для защиты проживающих по соседству с ним детей от вредоносной информации? Положительный ответ на этот вопрос будет означать необходимость введение de-facto лицензионно-разрешительной системы доступа в глобальную сеть, когда для подключения абонент должен продемонстрировать знание и умение применять указанные выше меры. В связи с трудоемкостью исполнения такого подхода, считаем необходимым возложить соответствующий контроль на оператора связи, который бы при заключении договора оказания услуг разъяснял пользователю требования закона. Использование подобного подхода разрешило бы и дилемму, касающуюся использования мобильного «Интернета», когда совершеннолетнее лицо передает ребенку в пользование аппарат сотовой связи, на котором не ограничен доступ к информационно-телекоммуникационным сетям.

Во-вторых, реализация норм, заложенных в части второй рассматриваемой новеллы, также находится под вопросом по причине излишней, на наш взгляд, их диспозитивности. Использование слова «может» говорит о том, что распространитель ограниченной оборотом вредоносной информации, не зарегистрированный в качестве СМИ, свободен выбирать – вносить ему на сайт знак информационной продукции и (или) текстовое предупреждение об ограничении ее распространения среди детей или нет. Подобная трактовка противоречит логике действующего закона. Полагаем, что распространитель информации, указанной в части 3 статьи 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их

здоровью и развитию» обязан осознавать возможные риски, и обязан самостоятельно разместить на сайте соответствующий знак или предупреждение.

Помимо законодательного уровня, субстанциональный компонент государственной политики в сфере защиты совершеннолетних от вредоносного информационного воздействия находит свое отражение на подзаконном уровне. Так, Стратегией национальной безопасности РФ до 2020 года декларируются следующие положения:

– одним из основных направлений государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу является усиление роли государства в качестве гаранта безопасности прежде всего детей и подростков (пункт 38);

– повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и спецслужб, создание единой государственной системы профилактики преступности и иных правонарушений (в первую очередь среди несовершеннолетних) является обязательным условием обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу (пункт 39);

– упрочнение институтов семьи, охраны материнства, отцовства и детства в качестве основы жизнедеятельности общества выступает одним из основных направлений обеспечения национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации РФ на среднесрочную перспективу.

2. Принципы, механизм и основные компоненты государственной политики в сфере защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации

Принципам государственной защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации посвящен второй раздел Концепции информационной безопасности детей. Таковыми являются:

1) признание детей равноправными участниками процесса формирования информационного общества в РФ;

2) ответственность государства за соблюдение законных интересов детей в информационной сфере;

3) необходимость формирования у детей умения ориентироваться в современной информационной среде;

4) воспитание у детей навыков самостоятельного и критического мышления;

5) развитие государственно-частного партнерства в целях обеспечения законных интересов детей в информационной среде;

6) повышение эффективности сотрудничества представителей средств массовой информации и массовых коммуникаций и государственных органов в интересах защиты детей от информации, способной причинить вред их здоровью и развитию;

7) обучение детей медиаграмотности;

8) поддержка творческой деятельности детей в целях их самореализации в информационной среде;

9) создание условий для формирования в информационной среде благоприятной атмосферы для детей вне зависимости от их социального положения, религиозной и этнической принадлежности;

10) взаимодействие различных ведомств при реализации стратегий и программ в части, касающейся обеспечения информационной безопасности детей;

11) обеспечение широкого доступа детей к историческому и культурному наследию России через использование современных средств массовых коммуникаций;

12) открытость и взаимодействие с другой информационной культурой и традициями, формирование у детей объективного представления о российской культуре как неотъемлемой части мировой цивилизации.

Принципы выступают базовой категорией теории права, при этом под ними зачастую понимают основополагающие идеи, руководящие начала, лежащие в основе права, которые выражают его сущность и определяют его функционирование¹. Рассматриваемый нами нормативный документ определяет принципы государственной политики в области обеспечения информационной безопасности детей. Таким образом, для определения сущности данных принципов в приведенном выше определении по аналогии вместо словосочетания «принципы права» следует использовать «принципы государственной политики». При подобном толковании далеко не все перечисленные в Концепции принципы соответствует данным требованиям.

Некоторые из принципов, исходя из их лексической формулировки, более подходят на задачи. Например, вряд ли можно считать основополагающими для государственной политики идеями такие принципы, как «воспитание у детей навыков самостоятельного и критического мышления» и «необходимость формирования у детей умения ориентироваться в современной информационной среде». Первое скорее является направлением деятельности, а второе – задачей информационной политики государства. Из 12 перечисленных в Концепции принципов вопросы о допустимости лексической формулировки возникают в отношении семи (№№ 3-7, 9, 11).

Определенные вопросы возникают при исследовании первого по очереди принципа – «признание детей равноправными участниками процесса формирования информационного общества в Российской Федерации». Равноправными дети признаются, что логично, по отношению к совершеннолетним лицам, при этом не говорится о каких-либо ограничениях права на доступ к информации, наносящей вред здоровью и развитию детей. Если несовершеннолетние и совершеннолетние равны в информационных

¹ Теория государства и права: основы науки / под ред. С. И. Митина. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. – 240 с.

правах, то сама Концепция теряет смысл, ведь подобное равенство позволяет применять к молодежи универсальные правила информационного оборота.

На наш взгляд, сохранив сущность предполагаемых Концепцией постулатов, *принципами государственной политики в сфере обеспечения информационной безопасности детей* следует признать:

1) принцип приоритета обеспечения информационной безопасности детей над правом на свободу слова и информации;

2) принцип полноправного участия детей в обороте информации с учетом установленных законодательством запретов и ограничений;

3) гарантия соблюдения прав и законных интересов детей в информационной сфере;

4) принцип приоритета позитивного информирования детей, нацеленного на формирование информационной культуры, развитие творчества, навыков недискриминационной коммуникации, укрепление семейных ценностей, исторической преемственности поколений и патриотизма;

5) принцип взаимосвязи и взаимозависимости государственной политики и деятельности общественных организаций, объединений и граждан при обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних;

6) принцип взаимопомощи и сотрудничества органов власти со средствами массовой информации и коммуникации в сфере обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних;

7) принцип беспрепятственного межведомственного взаимодействия по вопросам обеспечения информационной безопасности детей.

В разделе 3 Концепции перечисляются *задачи государственной политики в области информационной безопасности детей*, которые адресованы не только публичной администрации, но и институтам гражданского общества:

- формирование у детей навыков самостоятельного и ответственного потребления информационной продукции;
- повышение уровня медиаграмотности детей;
- формирование у детей позитивной картины мира и адекватных базисных представлений об окружающем мире и человеке;
- ценностное, моральное и нравственно-этическое развитие детей;
- воспитание у детей ответственности за свою жизнь, здоровье и судьбу, изживание социального потребительства и инфантилизма;
- усвоение детьми семейных ценностей и представлений о семье;
- развитие системы социальных и межличностных отношений детей;
- удовлетворение и развитие познавательных потребностей и интересов ребенка, детской любознательности и исследовательской активности;
- развитие творческих способностей детей;
- воспитание у детей толерантности;
- развитие у детей идентичности;
- формирование здоровых представлений о сексуальной жизни;

- эмоционально-личностное развитие детей;
- формирование у детей чувства ответственности за свои действия в информационном пространстве;
- воспитание детей как независимых, ответственных и самостоятельно мыслящих личностей с целью изживания социального иждивенчества.

Попытка конкретизировать те концептуальные идеи и одобряемые модели поведения, которые необходимы молодому поколению для успешной социализации, неминуемо приводит к оценочным суждениям, не всегда однозначно исчислимым. Так, дополнительного разъяснения, на наш взгляд, требуют такие категории, как «система социальных и межличностных отношений и общения детей», «толерантность», «гражданская, этническая и гендерная идентичность» и «здоровые представления о сексуальной жизни человека». Каждая из этих категорий имеет крайние значения – «полюса», достижение которых также представляется нежелательным. Так соотносятся толерантность и космополитизм, гражданская идентичность и крайний национализм, этническая идентичность и расизм или ксенофобия, здоровые представления и отказ от сексуальной жизни, в том числе, по псевдорелигиозным мотивам. Справедливости ради, следует сказать, что в психологии и педагогике однозначных критериев оценки категорий, перечисленных в задачах государственной политики, на сегодняшний день не существует. Правовые предписания производны от имеющихся знаний об окружающем нас мире, в связи с чем остается надеяться, что с развитием указанных наук мы получим возможность однозначно оценивать акцентуализацию перечисленных факторов.

Человеческий компонент государственной политики обусловлен ролью конкретной личности (руководителя, иного должностного лица) или группы лиц (политической партии, общественной организации или политической элиты в целом) в процессе политического управления.

Институциональный компонент представлен органами власти, уполномоченными осуществлять нормотворчество и правоприменение в определенной сфере. Применительно к проблематике обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних наиболее активную роль играют Президент России, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации и ряд входящих в его структуру федеральных органов исполнительной власти. При этом следует отметить, что в России, государстве с жесткой вертикалью власти, чье население в своем большинстве в силу менталитета и исторической памяти тяготеет к авторитарному управлению, человеческий и институциональный компоненты государственного управления дополняют друг друга, имея единый вектор развития. Симбиоз этих компонентов обуславливает выбор конкретной модели защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации, в том числе распространяемой через Интернет.

Говоря о модели защиты детей в сети Интернет, мы подразумеваем совокупность правовых, организационных и технических мер,

обеспечивающих в рамках юрисдикции отдельного государства информационно-психологическую безопасность детей. Изучение законодательства наиболее развитых государств мира, подобные модели можно разделить на три основные группы:

- 1) тотально-государственные;
- 2) общественно-партнерские;
- 3) переходные (паритетные).

Ярким примером реализации первой модели является законодательство КНР. «Великий китайский файрволл» вкупе с официальной государственной идеологией и развитыми информационно-телекоммуникационными технологиями открывает широкие перспективы для цензурирования Интернет-среды. Однако даже обладая такими мощными ресурсами государство во-многом полагается на граждан. С 2005 года на портале по адресу <http://www.net.china.cn/> действует Аналитический центр выявления противоправного контента в Интернет, куда любое лицо может направить жалобу на обнаруженную в сети информацию.

Вторая модель свойственна для США и Евросоюза, где информационная безопасность детей обеспечивается партнерскими связями между государством и институтами гражданского общества. Уголовное законодательство США с момента окончания «холодной войны» до 2009 года имело тенденцию к декриминализации информационных правонарушений, связанных с доступом несовершеннолетних к вредоносной информации. Однозначным табу здесь обеспечены лишь доступ детей к порнографии. Вместе с тем, именно страны англо-саксонской правовой системы выступили первопроходцами в ранжировании информационной продукции на основании возрастного ценза ее потребителя. Так, в Великобритании правила подобной классификации и соответствующий надзорно-лицензирующий орган были созданы в 1965 году. Сегодня Британский совет по классификации фильмов и видеоигр является негосударственной организацией. В Германии аналогичная работа и рейтинговая система появились только в 1994 г. В этом же году США и Канада разработали «Entertainment Software Rating Board» – систему классификации, к которой в 2012 году присоединилась Россия. В Австралии, к примеру, Акт о классификации публикаций, фильмов и компьютерных игр датируется 1995 годом. На территории Евросоюза Рейтинговая система видеоигр и другого развлекательного программного обеспечения применяется с 2003 года. В рамках модели общественно-государственного партнерства приоритетное внимание уделяется подготовке родителей к фильтрации информационного контента детей и обучению самих несовершеннолетних приемам защиты от вредоносного влияния через Интернет.

Третья модель названа нами переходной, так как использующие ее государства находятся на пути формирования информационного законодательства в рассматриваемой сфере. К таковым следует отнести и Россию. Отечественный законодатель комбинирует меры обеспечения информационной безопасности детей, которые уже применяются в других государствах. Так, Федеральный закон «О защите детей от информации,

причиняющей вред их здоровью и развитию» с одной стороны устанавливает ранжирование информационной продукции в зависимости от возрастного ценза, а с другой предусматривает внесудебное (административное) блокирование Интернет-ресурсов.

Естественно, нормотворческий процесс в новой сфере всегда связан с определенными недостатками и пробелами в праве. Не является исключением и ФЗ № 436. Не претендуя на всеобщий охват используемого в нем терминологического аппарата, отметим дискуссионность некоторых терминов. Например, справедливо ли запрещать оборот объективной информации, формирующей неуважение к родителям и (или) другим членам семьи? Можем ли мы осудить мать-одиночку, которая критикует при ребенке отца, уклоняющегося от уплаты алиментов? Крайне пространной представляется формулировка «информация, вызывающая у детей страх, ужас или панику». На память сразу приходит детская колыбельная, где «волчок, укусит за бочок». Согласно ФЗ № 436 подобный контент может быть категоризован для возрастной категории «6+». Насколько в этом возрасте востребована колыбельная?

Мы умышленно несколько утрируем суть законодательных ограничений, однако названные замечания указывают на основной недостаток рассматриваемого закона – возможность расширительной трактовки его положений. На него указывали представители общественных организаций и объединений еще до того, как закон вступил в силу, отмечая возможность надзирающих органов осуществлять фактическую цензуру средств массовой информации и коммуникации. Полагаем, этого до сих пор не произошло лишь благодаря административной установке руководителей соответствующих контрольно-надзорных органов и лояльного отношения судов к вопросам обеспечения конституционной свободы слова.

Итак, российское информационно-психологическое законодательство находится на этапе становления, законодатель в этой сфере активно использует «наработки» развитых стран мира, однако попытка совместить тотально-государственную и общественно-партнерскую модели обеспечения информационно-психологической безопасности детей порождает определенные пробелы и коллизии в праве. Вместе с тем закрепление легального перечня информации, оборот которой может нанести вред здоровью и развитию несовершеннолетнего, безусловно, является позитивным достижением, которое, в свою очередь, требует принятия обеспечительных мер по соблюдению закона в рассматриваемой сфере.

Процессуальный компонент государственной политики характеризует содержание и процедуру горизонтальных и вертикальных связей публично-правовых субъектов, осуществляющих политическое управление в определенной отрасли хозяйства или сфере общественных отношений.

Механизмы реализации государственной политики в области информационной безопасности детей нормативно закреплены в разделе 4 Концепции информационной безопасности детей:

1. Модель сорегулирования средствами массовой информации и государством информационного потребления.

2. Учет психолого-педагогического и художественно-культурного аспектов при оценке содержания информационной продукции.

3. Возрастно-психологический подход к оценке вредного воздействия информационной продукции на психическое развитие, здоровье и психологическое благополучие детей.

4. Содействие созданию условий для позитивной социализации и индивидуализации ребенка, обеспечению его психологического благополучия и позитивного мировосприятия.

5. Активизация деятельности контролирующих и правоохранительных органов по пресечению фактов незаконного распространения на территории страны запрещенной к обороту информационной продукции.

6. Совершенствование механизма блокировки сайтов в Интернет.

7. Поддержка создания и осуществления деятельности организаций саморегулирования СМИ и СМК.

8. Государственные и общественные эмпирические исследования с целью оценки эффективности политики по защите детей от негативной информации.

Изучение раздела дает возможность сделать некоторые комментарии. Во-первых, опыт развитых государств действительно позволяет признать модель сорегулирования средствами массовой информации и государством информационного потребления наиболее эффективной, однако эти страны отличаются от России давними демократическими традициями и развитым информационным законодательством, а уровень правосознания и правовой культуры населения этих стран существенно выше аналогичных характеристик российского общества. Это, безусловно, не повод для отказа от стремления использовать избранную модель взаимодействия. Мы не говорим о тотальном государственном контроле за средствами коммуникации и не предлагаем «шоковую терапию» в виде одномоментного отказа государства от вмешательства в эту сферу. Хотелось бы лишь обратить внимание на острую необходимость адаптации западной модели взаимодействия СМИ, СМК и государства с учетом российских реалий. Лишь некоторыми из таковых являются исторически свойственная России система единоличного императивного управления при слабой развитости институтов парламентаризма и общественного контроля, высокий уровень правового нигилизма среди населения, многонациональность, многоконфессиональность и поликультурность российского общества, слабая развитость независимых от национального правительства или зарубежных субъектов средств массовой информации и коммуникации и т.д.

Во-вторых, разработчики Концепции дают некоторые разъяснения относительно положений Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», отмечая при этом, что основной задачей возрастной маркировки информационной продукции является «не развернутая характеристика информационного продукта, а

сигнализирование родителям о том, что он содержит информацию, которая может представлять угрозу для ребенка». По сути, такая формулировка переводит норму права, за нарушение требований которой предусмотрена юридическая ответственность, в разряд рекомендаций. Полагаем, что такой комментарий не входит в полномочия Правительства РФ, так как не имеет объективного подтверждения в законодательстве. Родители могут и должны нести ответственность за допуск ребенка к получению вредоносной информации, пока обратное не будет закреплено в соответствующем законодательном акте.

В-третьих, говоря о деятельности правоохранительных органов, разработчики Концепции допустили, как нам представляется, логическую ошибку, отнеся к запрещенной к обороту информационную продукцию, «пропагандирующую... порнографию». Полагаем, следует говорить о самой порнографии, а не о ее пропаганде.

В разделе 5 Концепции перечислены основные ожидаемые результаты ее реализации, которые возможно будет определить через набор следующих характеристик:

1) наличие развитых информационно-коммуникационных механизмов, направленных на социализацию молодого поколения и раскрытие его творческого потенциала;

2) свободный доступ детей к историко-культурному наследию предшествующих поколений;

3) качественный рост уровня медиаграмотности детей;

4) увеличение числа детей, разделяющих ценности патриотизма;

5) гармонизация меж- и внутрипоколенческих отношений;

6) популяризация здорового образа жизни среди молодого поколения;

7) формирование среди детей устойчивого спроса на получение высококачественных информационных продуктов;

8) снижение уровня противоправного и преступного поведения среди детей;

9) формирование у детей уважительного отношения к интеллектуальной собственности и авторскому праву, сознательный отказ от использования «пиратского» контента.

Примечательно, что нормами Концепции предполагается качественное изменение указанных характеристик к 2020 году, чем будет обусловлено «формирование в Российской Федерации поколения молодых граждан, которые смогут свободно и самостоятельно ориентироваться в современном информационном пространстве». Считая достижение перечисленных характеристик безусловно позитивным и необходимым для ставящихся перед российским государством и обществом задач, все же хотелось высказать некоторые сомнения и замечания. Во-первых, большинство указанных характеристик неизмеримы по определению (качественный рост уровня медиаграмотности детей; гармонизация меж- и внутрипоколенческих отношений; формирование среди детей устойчивого спроса на получение высококачественных информационных продуктов), другие невозможно

оценить по причине отсутствия подлежащих сравнению измерений и субъективности самой характеристики (увеличение числа детей, разделяющих ценности патриотизма). В-третьих, выбивающейся из общей канвы изложения текста Концепции является формулировка последнего результата. Если иные так или иначе увязаны с целью и задачами государственной политики в сфере обеспечения информационной безопасности детей, то упоминание интеллектуальной собственности и авторского права выглядит, как искусственное внедрение нормы в логически чуждый контекст.

Наиболее удачными формулировками характеристик развития информационной культуры молодого поколения следует признать:

а) пункт 1 перечня, который может быть оценен путем подсчета количества ориентированных на социализацию и творческое развитие молодого поколения программ, приложений и социальных сервисов, а также подсчета аудитории, использующей подобные информационные ресурсы;

б) пункт 2 перечня, который может быть измерен количеством несовершеннолетних, посетивших объекты историко-культурного наследия, в том числе с использованием сети Интернет (виртуальных музеев, библиотек и т.п.);

в) пункт 6 перечня, который может быть оценен через подсчет несовершеннолетних, участвующих в спортивных секциях и общественных объединениях, а также посредством учета количества и популярности в социальных сетях информационных материалов, пропагандирующих здоровый образ жизни;

г) пункт 8 перечня, который может быть оценен на основе статистических данных МВД России о количестве совершивших деликты несовершеннолетних, а также о количестве административных правонарушений и преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. В широком понимании у каждого деликта есть информационная составляющая, однако для более точной оценки рассматриваемого критерия оценки следует учитывать лишь правонарушения, на совершение которых прямо повлияла информационная среда ребенка, а также административные правонарушения и преступления, связанные с оборотом вредоносной информации или совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Производство предложенной выборки требует совершенствования системы статистической отчетности правоохранительных органов, так как, на сегодняшний день, информационные причины и условия совершения противоправного деяния несовершеннолетним учитываются далеко не всегда.

Подводя итог сказанному, следует заключить, что государственная политика Российской Федерации в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних строится на конфронтации традиционной концепции невмешательства государства в дела семьи, характерной для советской правовой системы, и новаторских идей о целесообразности вторжения государства в процедуру информирования несовершеннолетних для защиты их психики от деструктивного воздействия

вредоносной информации. Существующий баланс сил достаточно хрупок и подвержен существенной деформации под воздействием человеческого и институционарного компонентов государственной политики. Полагаем, в подобной обстановке крайне важное значение будет иметь детальное закрепление принципов и основных задач системы обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних.

Тема 3. Правовой статус органов и учреждений, обеспечивающих информационную безопасность несовершеннолетних

Учебные вопросы:

1. Правовой статус и функциональное назначение органов власти, уполномоченных в сфере защиты детей от воздействия вредоносной информации.

2. Роль и место органов внутренних дел в организационно-правовом механизме обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних

1. Правовой статус и функциональное назначение органов власти, уполномоченных в сфере защиты детей от воздействия вредоносной информации

Правоохранительная деятельность государства должна развиваться параллельно с усложнением общественных отношений. Среди всех предметных отраслей права динамичнее других развивается сегодня, пожалуй, право информационное. В свою очередь, в составе науки информационного права наиболее активно формирующимся и резонансным является институт информационно-психологической безопасности личности и общества, частным направлением которого является защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Вместе с тем, без обеспечения соблюдения установленных законом правил посредством юридической ответственности и чёткого разграничения контрольной-надзорных и юрисдикционных полномочий органов власти они останутся лишь декларативной лексической конструкцией.

Употребляя термин «система обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних», мы подразумеваем не только совокупность материальных и процессуальных правовых норм, но и комплекс организационных и технических мер, которые реализуются специально уполномоченными органами государственной власти и органами местного самоуправления, общественными организациями и объединениями, а также физическими лицами. Необходимость согласованных действий всех этих субъектов при реализации норм различных отраслей права обуславливает сложность построения целостной и сбалансированной системы обеспечения информационно-психологической безопасности детей. Считая основным организующим субъектом в рассматриваемой сфере государство, мы сконцентрируемся на проблемах, разрешение которых входит в компетенцию именно этого публично-властного субъекта.

На сегодняшний день следует констатировать отсутствие единой системы органов государственной власти и местного самоуправления, уполномоченных вырабатывать и реализовывать государственную политику в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности детей. Федеральными законами «О защите детей от информации, причиняющей вред

их здоровью и развитию» и «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» сконструированы две параллельные системы органов, нацеленных на защиту информационных прав ребенка¹.

В соответствии с Указом Президента РФ от 12.05.2008 № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти»², деятельность по выработке и реализации государственной политики и нормативному правовому регулированию в сфере массовых коммуникаций и средств массовой информации осуществляет Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. В структуру данного министерства входит Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), к основным полномочиям которой в отнесено право применять в рассматриваемой нами сфере меры профилактического и пресекающего характера, направленные на недопущение нарушений юридическими лицами и гражданами обязательных требований в этой сфере и (или) ликвидацию последствий таких нарушений.

В соответствии с частью 1 статьи 20 первого из перечисленных законов «государственный надзор за соблюдением законодательства ... о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, осуществляют... федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, в том числе электронных, и массовых коммуникаций, информационных технологий и связи (Минкомсвязь России³ и подконтрольный ему Роскомнадзор⁴), федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий федеральный государственный надзор в области защиты прав потребителей (Роспотребнадзор⁵), и федеральный орган

¹ Подробнее см.: Рыдченко К. Д. «Недетские» проблемы обеспечения информационной безопасности детей / К. Д. Рыдченко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 2. – С. 40-45; Рыдченко К. Д. О совершенствовании взаимодействия государственных систем профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию / К. Д. Рыдченко // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии» (Воронеж, 10 июня 2015 г.). Часть 2. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2015. – С. 93-96.

² Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 12.05.2008 № 724 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 20. – Ст. 2290.

³ О Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 02.06.2008 № 418 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: постановление Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека: постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 322 // СПС «КонсультантПлюс».

исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор¹).

Принятые во исполнение данного Федерального закона Постановления Правительства РФ от 24.11.2011 № 859 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части распределения полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию»² и от 26.11.2012 № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено»³ de-jure детализировали функции этих органов по контролю за оборотом запрещенной (ограниченной) для детей вредоносной информации:

– Рособрнадзор – в отношении соблюдения образовательными учреждениями и научными организациями требований законодательства о защите детей от вредоносной информации, использования в образовательном процессе информационной продукции;

– Роспотребнадзор – в отношении информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства;

– Роскомнадзор – в отношении материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера.

К компетенции последнего органа, помимо того, отнесены:

1) разработка и реализация единой государственной политики в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию;

2) разработка и реализация федеральных целевых программ обеспечения информационной безопасности детей, производства

¹ Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки: постановление Правительства РФ от 15.07.2013 № 594 // СПС «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части распределения полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию: постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 859 // Собрание законодательства РФ. 2011. – № 44. – Ст. 6272.

³ О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено»: постановление Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 44. – Ст. 6044.

информационной продукции для детей и оборота информационной продукции;

3) установление порядка проведения экспертизы информационной продукции, предусмотренной данным Федеральным законом;

4) общий государственный надзор и контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию.

Примечательно, что в Постановлении Правительства РФ от 24.10.2011 № 859 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части распределения полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию»¹ три последних органа не указываются, однако полномочиями по надзору за обеспечением информационно-психологической безопасности несовершеннолетних при «кино- и видеообслуживании», обороте «аудиопродукции» и «информационной продукции, распространяемой посредством зрелищных мероприятий» наделяется Минкультуры России². Считая привлечение данного органа государственной власти к защите детей от вредоносной информации вполне оправданным, следует указать на необходимость обеспечения корреляции между законодательными нормами и правовыми актами Правительства РФ посредством дополнения части 1 статьи 20 ФЗ № 436 после слов «в сфере образования и науки» словами «*федеральный орган исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере культуры, искусства, культурного наследия и кинематографии*».

Исследование административно-правового статуса органов системы защиты детей от вредоносной информации позволяет сделать вывод о безоговорочном превалировании пресекательно-карательных полномочий. Они достаточно лаконично и однозначно закреплены в законодательстве и подзаконных актах о средствах массовой информации и об административных правонарушениях. Вместе с тем, профилактическим мерам, которые достаточно эффективны и важны в рамках ювенальной политики, следовало бы уделить более тщательное внимание. Отсутствие прямой и четко определенной обязанности организовывать предупреждение правонарушений в поднадзорной сфере влечет попустительство и бездействие. Приведем конкретный пример. Постановлением Нагатинского районного суда г. Москвы от 20.05.2015 работники Психиатрической больницы № 15 были привлечены к ответственности по статье 6.17 КоАП РФ. В ходе реабилитационных мероприятий они демонстрировали несовершеннолетним пациентам

¹ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части распределения полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию: постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 859 // СПС «КонсультантПлюс».

² О Министерстве культуры Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 20.07.2011 № 590 // СПС «КонсультантПлюс».

художественный фильм «Молчание ягнят»¹, запрещенный для показа лицам моложе 18 лет. Хотя администрация учреждения и была привлечена к ответственности, однако оценка опасности формирования девиантной модели поведения у просмотревших фильм подростков проведена не была, органы и учреждения системы профилактики и правонарушений несовершеннолетних, в том числе органы внутренних дел, уведомлены о данном происшествии не были. Причина тому кроется в нормативно закреплённом статусе Роскомнадзора. Утвержденный Приказом Минкомсвязи России от 10.04.2013 № 81 Административный регламент² допускает направление материалов о выявленном правонарушении в иные органы власти лишь в случае, если пресечение этого деликта не отнесено к компетенции должностных лиц министерства.

Усиление превентивной составляющей в рассматриваемом секторе публичного управления возможно осуществить двумя способами. Первый заключается в расширении административно-предупредительных полномочий указанных выше органов. Таковыми могут стать:

- подготовка и размещение на официальном сайте обзоров о совершенных за отчетный период правонарушениях, связанных с незаконным оборотом вредоносной информации;

- внесение в средства массовой информации и коммуникации предостережений о недопустимости злоупотребления свободой массовой информации, связанной с оборотом вредоносной информации;

- внесение в средства массовой информации и коммуникации представлений об устранении причин и условий, способствующих нарушениям законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию;

- проведение конференций, круглых столов и иных совещательных и образовательных мероприятий с представителями масс-медиа.

Помимо того, существенный профилактический потенциал содержится в мерах государственного стимулирования СМИ к соблюдению требований законодательства. Например, возможно субсидирование ориентированных на детскую аудиторию телевизионных каналов и радиостанций в случае недопущения нарушений законодательства о защите детей от вредоносной информации и выполнения рекомендаций Роскомнадзора относительно подбора и транслирования информационной продукции.

¹ Анонс фильма: ФБР занимается поимкой серийного убийцы, сдирающего кожу с убитых им женщин. Не находя зацепок, ФБР решает обратиться за советом к убийце-каннибалу, бывшему психиатру Ганнибалу Лектеру, пребывающему в изоляторе психбольницы...

² Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций государственной функции по осуществлению государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию: приказ Минкомсвязи России от 10.04.2013 № 81 // СПС «КонсультантПлюс».

Вместе с тем перечисленные действия не позволят осуществить полноценную профилактику и социализацию среди несовершеннолетних, подвергнутых вредоносному информационному воздействию. В связи с этим крайне важным представляется второй способ организации превенции информационно-психологической девиации среди несовершеннолетних, который заключается в организации конструктивного взаимодействия органов, надзирающих за средствами массового информирования, с органами, уже обладающими достаточными профилактическими полномочиями.

Согласно части 1 статьи 4 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в систему компетентных в данной сфере органов входят:

- комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- органы управления социальной защитой населения;
- органы власти, осуществляющие управление в сфере образования (федеральные, региональные и местные);
- органы опеки и попечительства;
- органы по делам молодежи;
- органы управления здравоохранением;
- органы службы занятости;
- органы уголовно-исполнительной инспекции;
- органы внутренних дел.

За годы совместной работы должностные лица указанных органов, несмотря на различия в их субординационном положении и дисбалансе компетенции, достигли положительных результатов в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, в том числе по вопросам их защиты от негативного информационного воздействия.

Может сложиться впечатление, что две указанные системы органов государственной власти являются самостоятельными и самодостаточными, однако это предположение достаточно легко оспорить, обратившись к целям и задачам функционирования каждой из них. В соответствии со статьей 2 ФЗ об основах системы профилактики к ее основным задачам отнесено, в том числе, «предупреждение правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому; обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних; выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, других противоправных и (или) антиобщественных действий, а также случаев склонения их к суицидальным действиям». Очевидно, что, говоря о защите прав ребенка, в эту сферу следует включать и информационные права, в том числе право на защиту от деструктивной информации, а между противоправным или антиобщественным поведением ребенка и внешним негативным влиянием на него зачастую может быть установлена прямая причинно-следственная связь. Помимо того, согласно Пояснительной записке «К проекту Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» актуальность законопроекта обосновывалась тем обстоятельством,

что «информация ... все чаще оказывает на детей психотравмирующее и растлевающее влияние, побуждает их к рискованному, агрессивному, жестокому, антиобщественному поведению, способствует их виктимизации, облегчает их вовлечение в преступления»¹.

Таким образом, следует признать единство целей системы защиты детей от вредоносной информации и системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. При этом налицо дублирование одной по содержанию функции в рамках двух систем властных органов, между которыми не выстроены ни вертикальные (субординационные), ни горизонтальные (координационные) административно-правовые взаимоотношения. В период, когда цели административной реформы государственного аппарата (среди которых, кстати, оптимизация функционального статуса органов государственной власти) признаются достигнутыми наличие столь масштабного «конфликта интересов» властвующих субъектов кажется неуместным. Отсутствие координации деятельности этих двух систем снижает эффективность государственной политики, целью которой является обеспечение информационно-психологической безопасности детей.

С учетом сказанного, представляется правильным объединить усилия перечисленных органов и учреждений на базе комиссий субъектов Российской Федерации и территориальных (муниципальных) комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. Коллегиальный формат работы данного органа, а также объем делегированных ему в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 06.11.2013 № 995 полномочий² позволяют предположить возможность эффективной организации межведомственного взаимодействия входящих в него субъектов.

В случае принятия решения о консолидации сил системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и системы защиты детей от вредоносной информации вопросами, требующими первоочередного разрешения, будут выступать:

– нормативная регламентация процедуры взаимного информирования органов и учреждений системы о выявленных признаках правонарушений в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию;

– перераспределение административно-юрисдикционных полномочий органов и учреждений системы по составам административных правонарушений, чья объективная сторона сопряжена с посягательством на информационно-психологическую безопасность несовершеннолетних.

¹ К проекту Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»: пояснительная записка // СПС «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав: постановление Правительства РФ от 06.11.2013 № 995 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Роль и место органов внутренних дел в организационно-правовом механизме обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних

Комплексный характер организационно-правовой системы защиты детей от вредоносной информации требует согласованных совместных усилий всего государственного аппарата по обеспечению научной разработки проблематики, законодательному сопровождению и организации контрольно-надзорных мероприятий в сфере защиты детей от информации, причиняющий вред их здоровью и развитию. В рамках последнего сегмента следует особо выделить органы внутренних дел, которые, хотя и являются наиболее крупным и мультифункциональным правоохранительным органом, однако не обладают четко очерченным функционалом в сфере защиты детей от вредоносной информации.

Сам факт совершения деликта ребенком, независимо от того, квалифицируется он по уголовному или административному законодательству, имеет обычно информационный подтекст и может расцениваться как результат негативного информационно-психологического воздействия. Органы внутренних дел, в свою очередь, являются основным субъектом правоохранения, работающим с такими деликтами.

Административно-правовые полномочия полиции в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних возможно структурировать по основным направлениям деятельности: контрольно-надзорная, административно-юрисдикционная и профилактико-предупредительная.

Контрольно-надзорная деятельность органов внутренних дел в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних. Можно предположить, что государственно-властная деятельность полиции в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних, как функционально универсального и наиболее крупного правоохранительного органа, достаточно многоаспектна. Однако, к сожалению, это не так. Предлагаемый С. А. Исмаиловым перечень основных государственно-правовых методов противодействия обороту вредоносной информации¹ позволяет заключить, что полиция обладает более чем скромными контрольно-надзорными полномочиями в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних.

Основными контрольно-надзорными обязанностями полиции в рассматриваемой сфере в соответствии со статьей 12 ФЗ «О полиции» являются:

1) выявление причин преступлений и административных правонарушений и условий, способствующих их совершению, а также принятие установленных мер по их устранению;

¹ См.: Исмаилов С. А. Обеспечение защиты от воздействия информации, разжигающей национальную ненависть и вражду: дис... канд. юрид. наук / С. А. Исмаилов. – М., 2003. – С. 128-129.

2) выявление лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проведение с ними индивидуальной профилактической работы;

3) участие в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

4) розыск лиц, совершивших преступления или подозреваемых и обвиняемых в их совершении; лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия или суда; несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей или специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации; несовершеннолетних, самовольно ушедших из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа; лиц, уклоняющихся от исполнения назначенных им судом принудительных мер медицинского характера или принудительных мер воспитательного воздействия; лиц, уклоняющихся от недобровольной госпитализации, назначенной судом в связи с наличием психического расстройства; лиц, пропавших без вести; осуществлять розыск похищенного имущества; устанавливать имущество, подлежащее конфискации.

Как мы можем видеть, приведенные нормы отсылают нас к ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», значительная часть установлений которого прямо затрагивает деятельность полиции.

В целях реализации указанных обязанностей сотрудники полиции наделены государственно-принудительным функционалом, определенным, в том числе, в статье 13 ФЗ «О полиции». В частности, полицейские вправе доставлять несовершеннолетних, совершивших правонарушения или антиобщественные действия, а также безнадзорных и беспризорных в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел, в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, либо в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции. Статья 20 рассматриваемого нормативного документа достаточно обще формулирует полномочия органов внутренних дел в ювенальной сфере: «Органы внутренних дел в пределах своей компетенции осуществляют деятельность по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в соответствии с законодательством Российской Федерации». Подобная формулировка призвана нивелировать коллизионность возможного перераспределения полномочий среди субъектов профилактики. Статьи 21 и 22 ФЗ № 120 имеют достаточно конкретный характер и определяют правовой статус подразделений по делам несовершеннолетних и центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей¹ органов внутренних дел. Основные функции ЦВСНП ограничены их собственной территорией и ориентированы на сохранение жизни и поддержание здоровья несовершеннолетнего делинквента, а также проведения с ним психодиагностической и психокоррекционной работы.

¹ Далее – ЦВСНП.

Значимыми контрольными полномочиями в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних наделены именно подразделения по делам несовершеннолетних. Осуществляемая ими индивидуальная профилактическая работа строится на базе профилактического учета и проявляется во внезапных посещениях подучетных по месту жительства, учебы или работы. Несмотря на заявленную в законе формулировку «профилактика» подобная работа наиболее сходна с административным надзором, осуществляемым сотрудниками органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. На профилактический учет ставятся как сами несовершеннолетние (критерии перечислены в подпунктах 4-14 пункта 1 статьи 5 ФЗ № 120), так и их родители, иные законные представители. Помимо того, к контрольным функциям ПДН следует отнести:

- выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступления и (или) антиобщественных действий;
- выявление лиц, совершающих в отношении несовершеннолетних иные противоправные деяния;
- выявление родителей или иных законных представителей несовершеннолетних и должностных лиц, не исполняющих или ненадлежащим образом исполняющих свои обязанности по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних;
- выявление несовершеннолетних, объявленных в розыск;
- выявление несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства.

Все перечисленные функции подразумевают наличие ситуаций, связанных с наличием непосредственной или косвенной угрозы для информационно-психологической безопасности ребенка. Эти ситуации могут характеризоваться активными действиями совершеннолетнего лица (например, при вовлечении в совершение антиобщественного действия) либо бездействием (например, невыполнение родителем обязанностей по воспитанию ребенка), однако независимо от целей, мотивов и форм выражения подобные деяния должны быть задокументированы и оценены с позиции закона. Этой цели, в том числе, служат нормы, зафиксированные в пункте 5 части 2 статьи 21 ФЗ № 120 и статье 17 ФЗ «О полиции». Благодаря этим нормоустановлениям должностные лица подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел имеют право собирать и обобщать информацию, необходимую для составления статистической отчетности, а также вести учет:

- 1) правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних;
- 2) несовершеннолетних делинквентов;
- 3) родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, не исполняющих своих обязанностей по воспитанию, обучению и (или) содержанию детей;

4) родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, отрицательно влияющих на их поведение либо жестоко обращающихся с ними.

Статья 17 ФЗ «О полиции» определяет универсальные для всех служб и подразделений органов внутренних дел основания и порядок формирования и ведения банков данных о гражданах. Пункт 5 части 2 рассматриваемой статьи расширяет приведенный выше перечень объектов контроля, дополняя его категорией «несовершеннолетних, освобожденных от уголовной ответственности либо освобожденных судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия».

Перечисленные категории несовершеннолетних и их родителей (законных представителей) образуют «сферу интересов» органов внутренних дел в целом и подразделений по делам несовершеннолетних в частности. Несмотря на легальное допущение постановки на профилактический учет «других несовершеннолетних, их родителей или иных законных представителей при необходимости предупреждения совершения ими правонарушений и с согласия начальника органа внутренних дел или его заместителя» (абзац 3 пункта 1 части 1 статьи 21 ФЗ № 120), неконкретность данной формулировки и необходимость взятия на себя руководителем ответственности за правомерность соответствующего решения провоцируют отказ от постановки на профилактический учет при отсутствии четко определенного основания. Так, подобный случай был выявлен при интервьюировании одного из воспитанников ЦВСНП ГУ МВД России по Воронежской области. Семья подростка до совершения им правонарушения не состояла на профилактическом учете, однако совершеннолетний брат респондента был осужден и к 20 годам уже отбыл уголовное наказание. Отсюда следует вывод о наличии в семье «проблем с законом», не входящих в перечень формальных оснований профилактического надзора за ней. Профилактическую работу, в том числе, следует распространить и на семьи, в которых воспитывается ребенок, если его совершеннолетний проживающий совместно родственник совершает преступление. Это должно повлечь постановку семьи на учет и усиленный надзор ПДН за несовершеннолетними, которые в ней воспитываются.

Нами приведен лишь один частный пример из всего спектра жизненных ситуаций, когда ребенку требуется поддержка со стороны государства. Точно и однозначно закрепить основания постановки на учет в законодательстве – задача невыполнимая в системе континентального права и в условиях перманентного усложнения общественных отношений. С другой стороны, оставление решения о постановке на профилактический учет несовершеннолетнего на усмотрение правоприменителя без каких-либо четких критериев потенциально деструктивно, так как имеет существенный коррупциогенный потенциал. Полагаем, существующая паритетная модель является оптимальной, хотя и требует обновления оснований постановки на профилактический учет. Механизм такой актуализации может быть выбран на усмотрение законодателя или уполномоченного на то органа власти. На наш

взгляд, следовало бы организовать проведение на основании государственного гранта научно-исследовательскую работу, в рамках которой была бы изучена практика постановки на профилактический учет по жестко не определенным в законе основаниям и причинно-следственная связь между фактом постановки на учет ребенка и сложившейся в его семье жизненной ситуации. Накопление и обобщение существенного массива подобных данных позволит сформулировать казуальные примеры, указывающие на возможность применения абзаца 3 пункта 1 части 1 статьи 21 ФЗ № 120, которые могут быть разъяснены в рамках судебных комментариев Верховного Суда РФ.

Кроме того, необходимо менять само отношение общества к институту профилактического учета несовершеннолетних, который по наследству от советской системы правоохранения воспринимается социумом в качестве первой ступени официального признания ребенка правонарушителем. Учет в «детской комнате милиции» в массовом сознании исключает возможность занятия в будущем ребенком престижной профессионально-социальной позиции, хотя предназначение профилактического учета диаметрально противоположно, – сформировать условия для социализации ребенка и проведение с ним психокоррекционной работы. Профилактический учет должен стать механизмом социальной защиты, а не государственно-карательной мерой.

Контрольно-надзорная деятельность полиции в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних выступает базисом для эффективной реализации профилактической и административно-юрисдикционной работы.

Предваряя изучение правового регулирования *профилактической деятельности полиции в сфере защиты несовершеннолетних от вредоносного воздействия информации*, следует соотнести между собой встречающиеся в правоохранительном законодательстве термины «воспитание», «пропаганда», «предупреждение» и «профилактика».

Относительно целесообразности осуществления правового воспитания населения полицией в научной литературе присутствует дискуссия. Пункт 4 части 1 статьи 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» устанавливает следующие обязанности в сфере информационно-психологического воздействия на граждан:

- 1) выявлять причины преступлений и административных правонарушений и условия, способствующие их совершению, принимать в пределах своих полномочий меры по их устранению;
- 2) выявлять лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу;
- 3) участвовать в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
- 4) участвовать в пропаганде правовых знаний.

Сам факт указания в тексте закона таких категорий, как «пропаганда» и «профилактика» является значительным достижением, так как в действовавшем ранее, а на данный момент утратившем силу Законе РФ «О

милиции» категория «пропаганда» вообще не упоминалась, а о профилактике совершения административных правонарушений, преступлений и асоциального поведения говорилось лишь косвенно.

Вместе с тем существующая формулировка полномочий сотрудников полиции в информационно-психологической сфере также несовершенна. Во-первых, непонятна позиция законодателя, в соответствии с которой профилактика осуществляется только в отношении несовершеннолетних лиц и лиц, имеющих намерение совершить уголовно наказуемое деяние, а из всего спектра видов асоциального поведения представлено лишь бродяжничество. Во-вторых, считаем не самой удачной формулировку «пропаганда правовых знаний», так как содержанием пропаганды являются не знания, а идеи. Помимо того, следует уточнить какие именно из общего объема правовых знаний должен пропагандировать сотрудник полиции. Полагаем, что законодатель имеет в виду правовую информацию, непосредственно связанную с деятельностью полиции.

Итак, правовое воспитание населения выступает для сотрудников органов внутренних дел одним из направлений информационно-психологической борьбы и преследует специфическую цель, обусловленную назначением полиции.

Говоря о правовом воспитании и профилактике правонарушений, мы чаще всего подразумеваем работу с молодежью, так как совершеннолетний гражданин, как правило, имеет устойчивые взгляды на законность и правопорядок, обусловленные уровнем индивидуальной правовой культуры, его взгляды трудно изменить. Ребенок же более податлив в этом контексте. Несмотря на это, отнесение правоохранительных органов (полиции) к основным субъектам формирования правовой культуры представляется нам несправедливым. Таковыми являются институты семьи, образования, средства массовой информации и средства массовой коммуникации. Позитивное информационно-психологическое воздействие полиции связано, в первую очередь, с предупреждением антисоциального и противоправного поведения и носит, как правило, восстанавливающий характер.

Осуществляемая полицией деятельность по правовому воспитанию несовершеннолетних имеет ряд характерных черт:

а) является информационной деятельностью, воздействующей на индивидуальную психику и общественное сознание;

б) имеет целью формирование правовой культуры личности, групповой правовой культуры;

в) осуществляется специально уполномоченными на то субъектами в рамках исполнения возложенных на них служебных полномочий;

г) осуществляется вербальными и невербальными способами;

д) содержит в себе призыв (побуждение) к соблюдению закона.

Таким образом, под *правовым воспитанием несовершеннолетних органами внутренних дел* следует понимать осуществляемый специально уполномоченными на то субъектами комплекс мер по передаче либо распространению вербальными и невербальными способами информации о

состоянии общественной безопасности и уровне преступности, направленный на привитие несовершеннолетним устойчивой психологической привычки соблюдения требований нормативных правовых актов, с целью формирования индивидуальной, групповой и общественной правовой культуры.

Осуществляемое полицией правовое воспитание близко по содержанию к профилактике правонарушений, что ставит вопрос о целесообразности выделения такого понятия в качестве самостоятельной категории. Для разрешения этого вопроса следует соотнести позитивное информационно-психологическое воздействие с профилактикой административных правонарушений и преступлений как видом административной деятельности полиции.

В Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹ дается следующее легальное определение профилактики правонарушений – «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения».

В зависимости от круга лиц, на которых осуществляется информационно-психологическое воздействие, профилактика разделяется на индивидуальную и общую. По содержанию воздействия она может быть адресована потенциальной жертве правонарушения (виктимологическая профилактика) либо потенциальному правонарушителю.

Следует сделать вывод, что правовое воспитание несовершеннолетних выступает содержанием профилактической деятельности полиции, которую можно классифицировать по объекту профилактики и в зависимости от содержания воспитательного воздействия на следующие группы:

1. Индивидуальная профилактика (посредством индивидуального правового воспитания) среди несовершеннолетних, склонных к совершению правонарушений, направлена на формирование индивидуальной правовой культуры;

2. Виктимологическая индивидуальная и групповая профилактика (посредством индивидуального правового воспитания), направленная на формирование моделей поведения в наиболее типичных ситуациях, минимизирующих возможность стать жертвой правонарушения;

3. Общая и групповая профилактика (посредством общего и группового правового воспитания), направленная на формирование общей правовой культуры.

Интересной представляется точка зрения А.В. Коркина относительно разграничения правовых категорий «предупреждение» и «профилактика». Им отмечается, что «полиция, являясь правоохранительным органом,

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

осуществляет, прежде всего, не профилактику, а именно предупреждение правонарушений. Под предупреждением правонарушений полицией им понимается урегулированная нормами федеральных законов деятельность полиции по выявлению причин и условий совершения правонарушений, а также по выявлению лиц, имеющих склонность к совершению правонарушений и по принятию мер к устранению этих причин и условий и недопущению правонарушений со стороны таких лиц, путем реализации полномочий полиции по применению мер административного принуждения»¹.

Иными словами, критерием разграничения предупредительной деятельности от профилактической является наличие в составе первой государственно-принудительных мер, предусматривающих в случае их невыполнения возможность применения юридической ответственности. В таком случае предполетный (предпосадочный) досмотр следовало бы отнести к профилактическим, а не предупредительным мерам, ведь за отказ от него лицо не допускается на определенную территорию, однако к нему не применяются какие-либо индивидуальные меры принуждения. Таким образом, последствием применения административно-предупредительных мер является либо меры административной ответственности (наказания), либо ограничение отдельных прав до момента добровольного выполнения требований представителя власти.

Наиболее ярким и однозначно интерпретируемым в теории и практике примером может служить деятельность полиции по проверке соблюдения освобожденным из мест лишения свободы лицом установленных административных ограничений, чье предназначение сводится к минимизации вероятности совершения им противоправного деяния. Несоблюдение административных ограничений влечет административную ответственность по статье 19.24 КоАП РФ и (в порядке административной преюдиции) по статье 314.1 УК РФ. Соглашаясь с высказанной идеей, хотелось бы все же отметить, что применительно к ювенальной сфере реализуемые полицией полномочия следует скорее называть профилактическими, нежели предупредительными. Исключение, пожалуй, составляют только доставка и направление несовершеннолетнего в ЦВСНП, а также участие в направлении его в СУВУЗТ.

Вместе с тем для однозначной интерпретации профилактической деятельности полиции по обеспечению информационно-психологической безопасности следует уделить внимание административно-предупредительным полномочиям органов внутренних дел, которые среди всех инструментов государственного принуждения имеют наиболее сложный и даже спорный характер. В отличие от мер административного пресечения, мер обеспечения производства по делам об административных

¹ Коркин А. В. Соотношение мер профилактики и предупреждения в административной деятельности полиции / А. В. Коркин // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2016. – № 5-1. – С. 75-79.

правонарушениях и мер наказания, предупредительные меры применяются еще до того, как совершается противоправное деяние.

Основными чертами административно-предупредительных мер являются:

- выступают элементом активной (действие, а не бездействие) деятельности государственных органов, а отдельных случаях – и деятельности негосударственных общественных формирований;
- могут иметь как принудительный, так и добровольный характер (например, в случае отказа от предполетного досмотра, гражданин не будет досмотрен принудительно, он просто будет не допущен на борт самолета)¹;
- их назначение заключается в предупреждении противоправных деяний, их негативных последствий или предотвращении иных условий и обстоятельств, угрожающих национальной безопасности России;
- нормативно закреплены в законодательном акте²;
- в случае применения, административно-предупредительные меры реализуются по определенному алгоритму, что говорит о процессуальной составляющей этих мер.

Целью применения административно-предупредительных мер выступают:

- а) предупреждение противоправных действий (проверка документов, удостоверяющих личность гражданина или проверка документов на транспортное средство);
- б) предотвращение возможных угроз общественной безопасности (например, карантин, комендантский час при введении режима чрезвычайного или военного положения).

Полномочия полиции по применению административно-предупредительных мер регламентируются как законодательными, так и подзаконными нормативными правовыми актами. Законами регламентируются общие правила и порядок, которые детализируются и толкуются ведомственными актами. Причем основной массив нормативного регулирования приходится именно на подзаконный уровень регламентации.

В целях реализации возложенных обязанностей статья 13 рассматриваемого Закона предоставляет полиции права на:

- 1) проверку удостоверяющих личность граждан документов;
- 2) патрулирование населенных пунктов;
- 3) организацию контрольных и контрольно-пропускных пунктов, использование иных постов и нарядов в целях охраны общественного порядка;
- 4) требование от граждан покинуть подлежащее оцеплению место в определенных законом случаях;

¹ Бочкарёв И. Е. Административно-предупредительные меры, применяемые милицией: по материалам органов внутренних дел Нижегородской области: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / И. Е. Бочкарёв. – М., 2001. – 209 с.

² Административное право России. Первая часть: учебник / А. П. Алехин, А. А. Кармолицкий. – М.: Зерцало-М, 2011. – С. 84.

5) доставление граждан в специальные служебные помещения и медицинские организации для установления личности гражданина, а также для защиты гражданина от угрожающей его жизни и здоровью опасности, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом;

б) проведение личного осмотра граждан, находящихся при них вещей при проходе на территории (в помещения), где проводятся массовые мероприятия;

7) ограничение доступа на территории (в помещения), где проводятся массовые мероприятия, граждан в случае их отказа от прохождения личного осмотра (осмотра находящихся при них вещей);

8) проверка документов на право пользования и управления транспортными средствами, а также документов на сами транспортные средства и перевозимые ими грузы;

9) требование от граждан соблюдения пропускного и внутриобъектового режимов на охраняемых полицией объектах;

10) реализация ограничений, предусмотренных законодательством о военном и чрезвычайном положении и другие.

Применяемые полицией административно-предупредительные меры можно разделить в зависимости от типовых ситуаций, в которых оказывается сотрудник полиции при реализации возложенных на него полномочий:

а) применяемые при введении режима чрезвычайного положения;

б) применяемые при введении режима контртеррористической операции;

в) применяемые при введении режима военного положения;

г) применяемые в ходе проведения массовых мероприятий;

д) применяемые при ликвидации последствий стихийных бедствий, техногенных аварий и катастроф, если режим ЧС не вводился;

е) применяемые в ходе осуществления контрольно-надзорной деятельности полиции;

ж) применяемые в ходе штатного несения службы по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в общественных местах.

Применяемые в ходе профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних меры вряд ли могут быть отнесены к административно-предупредительным, так как к самим несовершеннолетним меры юридической ответственности зачастую неприменимы, а действующим законодательством практически не предусмотрено ограничение конституционных прав несовершеннолетних. Точнее, законодатель уполномочивает органы власти на осуществление надзора за отдельными категориями несовершеннолетних, а также их родителями и иными законными представителями, но не возлагает на этих субъектов каких-либо дополнительных обязанностей по исполнению требований властных субъектов.

Так, Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» закрепляет обязанность государственных органов проводить индивидуальную профилактическую работу не только с несовершеннолетними, чьи деяния содержат признаки административных правонарушений или преступлений, но и в отношении:

- (1) безнадзорных и беспризорных;
- (2) занимающихся бродяжничеством или попрошайничеством;
- (3) содержащихся в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних, социальных приютах, центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей, специальных учебно-воспитательных и других учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи и (или) реабилитации.

Более того, иные перечисленные в части 1 статьи 5 рассматриваемого Федерального закона категории несовершеннолетних подпадают по надзору полиции и после совершения деликта и исполнения назначенного юридического наказания.

Из однозначно идентифицируемых в качестве предупредительных в сфере ювенальной преюдиции полномочиям полиции следует отнести доставку безнадзорного или беспризорного несовершеннолетнего в орган внутренних дел и содержание его в этом подразделении не более трех часов. Данное действие имеет четкий процедурный характер и применяется в ситуациях, когда сам несовершеннолетний не совершал противоправного наказуемого деяния. Однако алгоритм индивидуально-предупредительных мер в отношении несовершеннолетних, не совершивших противоправных действий, имеет некоторые пробелы.

Во-первых, для доставления и последующего сбора информации о несовершеннолетнем, необходимо установить его персональные данные. Однако, пункт 2 части 1 статьи 13 ФЗ «О полиции» не предоставляет сотрудникам полиции права проверять документы в рассматриваемой нами типовой ситуации. Хотя факультативной целью проверки документов может служить повышение самосознания и ответственности проверяемого лица, так как оно осознает, что сотруднику полиции известны его установочные данные, он следит за правомерностью действий лица.

Считаем правильным перечислить в статье 13 ФЗ «О полиции» исчерпывающий перечень оснований проверки документов, дабы обеспечить открытость и бесконфликтность применения сотрудниками полиции рассматриваемой меры административного принуждения. В противном случае налицо пробел в праве – на основании пункта 4 части 2 статьи 22 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» не установление личности несовершеннолетнего является основанием для помещения его в Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел, а полномочия на установление личности в ситуации, когда подросток не

совершал правонарушения, но находится в опасном состоянии, однозначно не прописаны.

Во-вторых, определенные вопросы возникают при трактовке норм Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной Приказом МВД России от 15.10.2013 № 845¹, касающихся применения такой административно-предупредительной меры, как доставление. В соответствии с пунктом 76.5 Инструкции в служебное помещение территориального органа МВД России и (или) ПДН доставляются несовершеннолетние безнадзорные и беспризорные, нуждающиеся в помощи государства, для последующего направления их в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, или в медицинские организации. Это, в первую очередь, оставшиеся без попечения родителей или законных представителей, не имеющие места жительства, места пребывания и (или) средств к существованию и проживающие в семьях, находящихся в социально опасном положении, и (или) находящиеся в социально опасном положении. Предполагается, что достаточные сведения о том, каков статус несовершеннолетнего, должны иметься у сотрудника полиции на момент выявления подростка, что объективно крайне маловероятно. Полагаем, правильным было бы разъяснить алгоритм действий сотрудника полиции на месте обнаружения нуждающиеся в помощи государства несовершеннолетнего.

Подводя предварительный итог исследованию контрольно-надзорной и профилактической работы полиции, и в частности подразделений по делам несовершеннолетних, в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности детей, в целях оптимизации правового регулирования и наделения сотрудников ПДН отвечающими современным вызовам и угрозам контрольно-надзорными полномочиями, предлагаем внести следующие изменения в Инструкцию:

1) пункт 2.14 Инструкции дополнить и изложить в следующей редакции:
«2.14. Ведут учет правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, лиц, их совершивших, родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, не исполняющих своих обязанностей по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних и (или) допускающих несовершеннолетних к информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, отрицательно влияющих на их поведение либо жестоко обращающихся с ними, собирают и обобщают информацию, необходимую для составления статистической отчетности».

2) пункт 3 Инструкции дополнить и изложить в следующей редакции:

¹ Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 // СПС «КонсультантПлюс».

«3. В осуществлении деятельности по предупреждению правонарушений несовершеннолетних и правонарушений в отношении несовершеннолетних в соответствии с законодательством Российской Федерации, в пределах своей компетенции участвуют все подразделения органов внутренних дел. Должностные лица органов внутренних дел обязаны информировать подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации о выявленных фактах совершения правонарушений в отношении несовершеннолетнего, а также о наличии обстоятельств и условий, способствующих совершению таких правонарушений».

3) дополнить Инструкцию пунктом 2.20 в следующей редакции:

«2.20. Систематически наблюдать и вести индивидуальную профилактическую работу с лицами, в отношении которых судом установлен административный надзор, если у них на иждивении находится несовершеннолетний».

Таким образом, применительно к ювенально-превентивной работе полиции профилактическая деятельность превалирует над мерами административного предупреждения. При этом профилактическая работа должностных лиц органов внутренних дел может быть классифицирована на:

- 1) индивидуальную профилактику среди несовершеннолетних, склонных к совершению правонарушений, направлена на формирование индивидуальной правовой культуры;
- 2) виктимологическая индивидуальная и групповая профилактика;
- 3) общая и групповая профилактика, направленная на формирование общей правовой культуры.

Формы профилактической работы имеют психолого-педагогические начала, достаточно полно изучены в рамках классической научной мысли и даже нашли легальное закрепление в части 1 статьи 17 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»:

- 1) правовое просвещение и правовое информирование;
- 2) профилактическая беседа;
- 3) объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения;
- 4) профилактический учет;
- 5) внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения;
- 6) профилактический надзор;
- 7) социальная адаптация;
- 8) ресоциализация;
- 9) социальная реабилитация;
- 10) помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми.

По-настоящему инновационными на сегодняшний день могут быть лишь источники получения оперативно значимой информации и способы ее обработки. Так, перспективным инструментом ранней профилактики девиации несовершеннолетних является мониторинг их аккаунтов в социальных сетях. Дело в том, что сущность профилактики правонарушений несовершеннолетних в идеальном понимании этого термина и в практике органов внутренних дел разнится. Если с теоретической точки зрения профилактика девиации несовершеннолетних представляет собой выявление признаков отклоняющегося поведения с последующим корректирующим воздействием, то на практике зачастую получается, что подобными признаками выступают совершение правонарушения или преступления, в том числе совершение содержащего признаки подобных деликтов деяния до достижения возраста привлечения к юридической ответственности.

Наглядным примером тому могут служить нормы Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, согласно пункту 2 которой индивидуальную профилактическую работу проводится в отношении категорий несовершеннолетних, уже *употребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо употребляющих одурманивающие вещества, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, пиво и напитки, изготавливаемые на его основе;*

Информационная среда ребенка одновременно может являться и причиной девиации, и индикатором уровня правовой культуры. Современные информационно-телекоммуникационные технологии предоставляют нам новые возможности по ранней профилактике девиации в молодежной среде, в том числе по профилактике наркотизации. Таким образом, можно утверждать о потенциальной эффективности мониторинга аккаунтов в социальных сетях для индивидуальной и групповой профилактической работы с несовершеннолетними.

Административно-юрисдикционная компетенция полиции в сфере защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации. Традиционные подходы к разделению уголовной и административной ответственности в последние годы претерпели существенные изменения, имеющие качественно новый и системный характер. Особенно заметна диверсификация административной ответственности при изучении составов административных правонарушений, обеспечивающих защиту общественной нравственности. В юридической науке общественная нравственность определяется как исторически выработанная и принятая людьми совокупность норм и правил поведения, отражающих представление о добре и зле, чести и достоинстве, справедливости, жестокости и милосердии¹.

¹ См.: Криминология: Особенная часть: учебник / под общ. ред. Ф. К. Зиннурова. – Казань: КЮИ МВД РФ, 2011. – С. 247.

Достаточно показательными в рамках темы исследования являются следующие статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях:

– статья 6.17 «Нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию», которая была введена Федеральным законом от 21.07.2011 № 252-ФЗ¹;

– статья 6.20 «Изготовление юридическим лицом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и оборот таких материалов или предметов», которая была введена Федеральным законом от 05.04.2013 № 58-ФЗ²;

– статья 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», которая введена Федеральным законом от 29.06.2013 № 135-ФЗ³.

В целом, применительно к сфере обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних, органы внутренних дел имеют достаточно широкую административно-юрисдикционную компетенцию, которую можно разделить по основным блокам вредоносной информации: недостоверной, непристойной и деструктивной.

Согласно статье 23.3 КоАП РФ органы внутренних дел (полиция) рассматривают дела об административных правонарушениях, связанных с оборотом недостоверной информации, по статье 19.22 КоАП РФ. Помимо того, статья 28.3 КоАП РФ делегирует должностным лицам полиции право составлять протоколы об административных правонарушениях по составам, предусмотренным статьями 5.11, 5.12, 5.36, 8.5, 14.7, 15.13, 17.9, 19.13, 19.23 КоАП РФ. Все перечисленные деликты имеют выраженный информационно-психологический характер, так как предусматривают ответственность за передачу или распространение недостоверной информации. Специфическим подвидом подобной информации являются сведения, направленные на разжигание ненависти, вражды и насилия. Должностные лица полиции имеют право составлять протоколы об административных правонарушениях,

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»: федеральный закон от 21.07.2011 № 252-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предупреждения торговли детьми, их эксплуатации, детской проституции, а также деятельности, связанной с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: федеральный закон от 05.04.2013 № 58-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей»: федеральный закон от 29.06.2013 № 135-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

предусмотренных частью 2 статьи 13.15, статьями 20.3, 20.28 и 20.29 КоАП РФ.

В соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 28.3 КоАП РФ, должностные лица органов внутренних дел (полиции) вправе составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 6.20 и 6.21 Кодекса, что указывает на значимость работы полиции в этой сфере и говорит о необходимости разъяснения уполномоченным лицам особенностей квалификации и производства по делам данной категории.

Статья 6.17 КоАП РФ является общим составом по отношению к двум остальным новеллам и предусматривает ответственность за распространение информационной продукции, содержащей сведения, причиняющие вред их здоровью и (или) развитию, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния. Основной вопрос здесь вызывает категория «информационная продукция». Пункт 5 статьи 2 ФЗ № 436 определяет информационную продукцию как предназначенные для оборота на территории РФ продукцию СМИ, печатную продукцию, аудиовизуальную продукцию на любых видах носителей, программы для ЭВМ и базы данных, а также информация, распространяемая посредством зрелищных мероприятий, посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей подвижной радиотелефонной связи.

Примечательно, что часть 1 статьи 1 ФЗ № 436 определяет сферу его действия следующим образом: «отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, в том числе от такой информации, содержащейся в информационной продукции». Таким образом, статьей 6.17 КоАП РФ не охватываются случаи распространения в отношении детей вредоносной информации, не включенной в состав информационной продукции. Полагаем, подобное положение вещей несправедливо. Распространение информационной продукции подразумевает принятие дополнительных мер для ее подготовки и производства, что указывает на повышенную опасность и прямой умысел правонарушителя. Однако это не означает, что передача информации в устной форме не может нанести ущерб здоровью и развитию ребенка. Полагаем, целесообразно отнести распространение информационной продукции к квалифицированному составу, дополнив статью 6.17 КоАП РФ частью первой в следующей редакции:

«1. Нарушение установленных требований распространения среди детей информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию (за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 4 настоящей статьи, статьями 6.20 и 6.21, частью 3 статьи 13.15 и частью 2 статьи 13.21 настоящего Кодекса), если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния».

Новым шагом на пути систематизации информационно-психологических правоотношений стало принятие Федерального закона от 29.06.2013 № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей». Этот нормативный акт внес изменения в правоустанавливающие нормы ФЗ № 436 и Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и дополнил КоАП РФ статьей 6.21. К сожалению, несмотря на тот факт, что данная новелла была введена уже достаточно давно, однозначных статистических данных о ее применении в органах внутренних дел не собрано.

Административно-юрисдикционная деятельность полиции в сфере противодействия обороту непристойной информации также обеспечена правомочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях по некоторым составам КоАП РФ. Так, в рамках состава статьи 20.1 «Мелкое хулиганство» КоАП РФ распространение вредоносной информации является вариативным противоправным процессом, осуществляющимся лишь при нецензурной брани в общественных местах и оскорбительном приставании к гражданам.

Более сложным с точки зрения формально-юридического анализа является выделение непристойного информационного содержания в административных правонарушениях, предусмотренных статьями КоАП РФ: 20.20 «Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ в общественных местах» и 20.21 «Появление в общественных местах в состоянии опьянения». Составы административных правонарушений, объективная сторона которых заключается в нарушении антиалкогольного и антинаркотического законодательства в общественных местах следует отнести к правовому институту деструктивной информации, так как информационно-психологическая опасность этих действий связана с публичным демонстрированием и пропагандой образа жизни, деструктивно отражающегося на здоровье. Составы же административных правонарушений, заключающиеся в появлении в общественных местах в состоянии опьянения, следует отнести к нормам, обеспечивающим запрет на оборот непристойной информации. Выделяется из общего контекста «непристойных» правонарушений составы статьи 6.21 КоАП РФ «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних».

Противодействие обороту деструктивной информации является одной из важнейших задач полиции. Должностные лица полиции имеют право рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 20.20 КоАП РФ «Распитие пива и напитков, изготавливаемых на его основе, алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление наркотических средств или психотропных веществ в общественных местах».

Отдельного внимания заслуживает специфическая сфера защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Как нами уже было отмечено, в целях обеспечения установленных правоограничений Федеральным законом от 21.07.2011 № 252-ФЗ были внесены достаточно

серьезные коррективы в федеральное законодательство, в том числе в КоАП РФ, особенная часть которого была дополнена новеллой – статьей 6.17 «Нарушение законодательства РФ о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию». Позже Кодекс был дополнен статьями 6.19, 6.20 и 6.21, также устанавливающими административную ответственность за создание угрозы информационной безопасности детей.

Основными формами объективной стороны статьи 6.17 КоАП РФ являются:

- 1) нарушение правил маркировки, ограниченной оборотом информационной продукции;
- 2) нарушение правил доступа к ограниченной оборотом информационной продукции;
- 3) продажа данной продукции лицу младше установленного возрастного ценза;
- 4) несоблюдение требований по расположению помещений для распространения ограниченной оборотом информационной продукции на достаточном удалении от культурных, образовательно-воспитательных, спортивных и иных общественных учреждений и организаций, мест массового скопления людей;
- 5) размещение рекламы, ограниченной оборотом информационной продукции в СМИ без специального предварительного предупреждения о характере и содержании сведений, а равно распространение рекламы данной продукции в дневное время суток.

Формы объективной стороны рассматриваемого правонарушения №№ 2-4 могут, и на наш взгляд, должны выявляться сотрудниками полиции. В этой связи представляется несправедливым исключение полицейских из числа должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы по статье 6.17 КоАП РФ. Информационная среда ребенка не может быть сведена лишь обмену информацией в сети Интернет или только к общению в семье и среди сверстников. Это комплексная сфера, и ее правовое охранение также должно быть комплексным. А это значит, что полномочия на составление протоколов по указанным статьям должны быть распределены не только среди инстанций, надзирающих за публичными информаторами, но и среди всех субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В пользу наделения органов внутренних дел (полиции) компетенцией по составлению протоколов по статье 6.17 КоАП РФ говорят следующие факторы:

1. Оба специальных состава (статьи 6.20 и 6.21 КоАП РФ) рассматриваемой статьи уже отнесены к административно-юрисдикционной компетенции полиции.

2. Основные формы объективной стороны административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.17 КоАП РФ могут быть выявлены сотрудниками полиции в ходе охраны общественного порядка, при

осуществлении контроля за несовершеннолетними, а также в ходе производства по делам об административных правонарушениях и уголовным делам. Полиция обладает широкими возможностями по выявлению административных правонарушений по рассматриваемой статье, однако для активизации этой работы следует дополнить часть 1 пункта 1 статьи 28.3 КоАП РФ, отнеся составление протоколов по статье 6.17 к компетенции должностных лиц органов внутренних дел (полиции).

Открытым остается вопрос о применении рассматриваемого состава правонарушения в отношении родителей и иных законных представителей несовершеннолетнего. По мнению автора, умышленное допущение этими субъектами ознакомления либо использования ребенком запрещенной информационной продукции должно быть квалифицировано по статье 5.35 КоАП РФ «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних».

Применительно ко всем административным правонарушениям, обеспечивающим защиту несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации и отнесенным к компетенции органов внутренних дел, внимания заслуживает вопрос об установлении более суровой ответственности за распространение подобных сведений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Подобный квалифицированный состав встречается в некоторых нормах уголовного закона, однако не во всех. Считаем правильным включение подобного квалифицирующего признака в статьи 150, 151, 205.2 и 240, а также в часть 3 статьи 239 (в части пропаганды создания некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан) УК РФ. Имеющаяся в настоящее время ситуация говорит о незаконности, фрагментарности внесения изменений в УК РФ.

Административно-деликтное законодательство в рассматриваемой сфере имеет еще больше недостатков. Во-первых, по сравнению с уголовным законом, КоАП РФ еще реже определяет распространение вредоносной информации через Интернет в качестве особого или квалифицирующего признака правонарушения (части 2 и 3 статьи 6.17 и часть 1 статьи 14.1.1 КоАП РФ). Неохваченными составами деликтов, связанных с посягательством на информационно-психологическую безопасность детей, при этом остаются статьи КоАП РФ: 5.61 «Оскорбление», 6.10 «Вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции или одурманивающих веществ», 6.13 «Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры», 6.20 «Изготовление юридическим лицом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и оборот таких материалов или предметов», 6.23 «Вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака», 6.27 «Распространение

экземпляров аудиовизуальной продукции и фонограмм на любых видах носителей, экземпляров печатной продукции, содержащих нецензурную брань, без специальной упаковки и текстового предупреждения», 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций».

Во-вторых, особенности приведенной выше лексической формулировки части 1 статьи 6.17 КоАП РФ провоцирует конкуренцию общего состава с указанными выше статьями. Приведем наглядный пример. Пользователь социальной сети в Интернет разместил на странице сайта в общем доступе сообщение, пропагандирующее употребление наркотических средств и последующее за ним состояние эйфории, которое было переадресовано несколькими несовершеннолетними лицами на собственные страницы той же социальной сети. Состав какого административного правонарушения следует вменять правонарушителю – 6.17 или 6.13 КоАП РФ? С одной стороны, часть 1 статьи 6.17 КоАП РФ не указывает в качестве специального состава статью 6.13 КоАП РФ, с другой – санкция второго состава тяжелее, что указывает на приоритетность применения именно этой статьи. Следует понимать, что одновременное вменение двух составов невозможно, так как в таком случае будет нарушен принцип справедливости наказания, ведь объективная сторона данных правонарушений идентична. На наш взгляд, для устранения этой коллизии необходимо внести изменения в часть 1 статьи 6.17 КоАП РФ и изложить ее (с учетом высказанных выше предложений) в следующей редакции:

«1. Нарушение установленных требований распространения среди детей информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, если это деяние не образует состав иного административного правонарушения и не содержит уголовно наказуемого деяния».

Подводя итог изучению административной юрисдикции полиции в сфере защиты детей от воздействия вредоносной информации, следует сделать вывод о ее масштабности и исключительной значимости для общегосударственной системы обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних. Анализ компетенции полиции в этой сфере позволяет определить ее назначение – это выявление и фиксация (документирование) факта административного правонарушения.

В стратегической перспективе МВД России важно включиться в работу по защите детей от вредоносной информации на правах полномочного субъекта системы. Уже сегодня руководителям территориальных органов МВД России целесообразно наладить постоянный контакт с органами системы защиты детей от вредоносной информации и организовать своевременное взаимное информирование о фактах деструктивного воздействия на несовершеннолетних. Данные органы могут быть заинтересованы в получении информации о неудавшихся попытках вовлечения несовершеннолетних в противоправную и иную антиобщественную деятельность, так как в этих действиях может быть усмотрен состав

правонарушений, отнесённых к их юрисдикции. Кроме того, следует ориентировать действующих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, по исполнению административного законодательства, участковых уполномоченных полиции, сотрудников дознания и следственных подразделений на выявление причинно-следственной связи между совершенным ребенком правонарушением и негативным информационным воздействием на него. Для этого требуется корректировка программ подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, позволяющая привить учащимся навыки выявления, пресечения и профилактики правонарушений, посягающих на информационно-психологическую безопасность детей.

Тема 4. Правовая защита несовершеннолетних от воздействия информации, оправдывающей противоправное и антиобщественное поведение

Учебные вопросы:

1. Защита несовершеннолетних от информации, оправдывающей противоправное и иное антиобщественное поведение (теоретико-правовой аспект).
2. Особенности документирования вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий сотрудниками органов внутренних дел.

1. Защита несовершеннолетних от информации, оправдывающей противоправное и иное антиобщественное поведение (теоретико-правовой аспект)

Авторы-разработчики проекта Концепции информационной безопасности детей¹ отмечали, что «противоправное поведение является довольно широкой юридической категорией, включающей в себя действия, описанные в других пунктах статьи 5 ФЗ № 436. В этой связи, необходимо обратиться к понятию противоправности. Легальное определение противоправности поведения не выработано, в связи с чем следует обратиться к научной литературе. В Комментарий к Федеральному закону «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» по этому поводу сказано следующее: «признаки противоправного поведения определяются законом или другими нормативными актами. Таким образом, к противоправному поведению следует отнести любые действия, которые признаны таковыми любой отраслью права (гражданского, трудового, административного, семейного и т.д.)»².

Социологи определяют противоправное поведение как социально опасное поведение индивидов или групп, подконтрольное их сознанию и воле, движимое мотивами корысти, ненависти, агрессивности, нарушающее, существующие в обществе правовые нормы и влекущие юридические последствия³.

Итак, следует говорить о том, что все без исключения действия, перечисленные в статье 5 ФЗ № 436, содержат оправдание противоправной деятельности, так как за каждое из них наступает юридическая

¹ Проект Концепции информационной безопасности детей: Официальный сайт Роскомнадзора РФ [Электронный ресурс] // URL: <http://rkn.gov.ru/mass-communications/p700/p701> (дата обращения 01.05.2014).

² Комментарий к Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (постатейный) / Т. А. Бирюкова, Ю. В. Егоров, Н. А. Захарова, Т. Н. Михалева, А. Б. Юдина, под ред. Н. Н. Ковалевой // СПС «КонсультантПлюс».

³ Социологический словарь [Электронный ресурс] // URL: www.mirslovarei.com/soc_a (дата обращения 01.05.2014).

ответственность. Подобная логико-лексическая ошибка в классификации «детской» вредоносной информации может затруднить процедуру доказывания в ходе привлечения правонарушителей к административной ответственности по статье 6.17 Кодекса РФ об административных правонарушениях «Нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию».

На наш взгляд, более логичным с позиций лексико-юридической техники закона было бы закрепление рассматриваемого вида сведений не в пункте 5 части 2 статьи 5, а последним – в пункте 8 в редакции:

«8) иная информация, оправдывающая противоправное поведение».

Подобная формулировка во многом сняла бы вопросы разграничения видов запрещенной для детей вредоносной информации, приводя классификацию к более-менее единому критерию градации, однако она не решает вопросы расширительной трактовки указанной позиции закона. При этом следует учитывать, что термин «оправдание» имеет множество лексических толкований. Так, в Толковом словаре Ушакова¹ приведены следующие трактовки глагола «оправдать-оправдывать»:

- 1) признать правым, поступившим правильно;
- 2) признать невиновным, не заслуживающим наказания, кары;
- 3) признать при известных условиях допустимым, возможным, счесть извинительным, заслуживающим снисходительного отношения;
- 4) подтвердить на деле, доказать правильность, пригодность, истинность чего-нибудь;
- 5) возместить чем-нибудь (затраченное);
- б) официально удостоверить что-нибудь, представить свидетельство чему-нибудь.

Какую же из приведенных выше определений законодатель положил в основу категории «оправдание противоправного поведения»?

Комментаторы ФЗ № 436, понимая многозначность приведенной фразы, пытаются соотнести ее с категорией «информация, провоцирующая детей на противоправные деяния», однако эта формулировка хотя и более уместна, но значительно уже законодательно закреплена. В таком случае мы вынуждены обратиться к нормам проекта Концепции информационной безопасности детей², которая во многом позиционируется, как официальный комментарий ФЗ № 436.

В проекте Концепции перечисляется система критериев для отнесения информации к оправдывающей противоправное поведение:

- а) в зависимости от наличия в информации представлений, несоответствующих реальности: безобидность противоправных действий;

¹ Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] // URL: www.dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov (дата обращения 01.05.2014).

² Роскомнадзор выносит на общественное обсуждение Концепцию информационной безопасности детей [Электронный ресурс] // URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news22857.htm> (дата обращения: 10.05.2016).

безнаказанность противоправных действий; допустимость противоправных действий;

б) в зависимости от наличия в информации неадекватных эмоциональных реакций и состояний: эмоциональная привлекательность противоправных действий; утрата критичности;

в) в зависимости от наличия в информации антисоциальных образцов и моделей поведения: модели противоправного поведения без осуждения; описания противоправного поведения; примеры людей, совершающих противоправные действия;

г) в зависимости от наличия в информации неадекватной Я-концепции и негативного самоотношения: противоправные действия как средство самоутверждения; социальное одобрение противоправных действий.

В соответствии с пунктом 5 раздела VI проекта Концепции, помимо простого оправдания противоправного поведения, когда оно прямо называется правильным и допустимым, запрещено доведение до сведения детей сведений:

1) характеризующих противоправные действия, как нормальную, распространенную в обществе практику, относительно безопасную и допустимую при определенных условиях;

2) формирующих у детей интенсивные положительные эмоции к противоправному поведению: чувство интереса, радости, удовольствия;

3) содержащей примеры моделей противоправного поведения, которые несмотря даже на сопровождающее их осуждение, могут формировать у ребенка представления об оправданности и допустимости подобного поведения;

4) трактующих противоправное поведение как способ решения личных проблем ребенка.

Приведенные формулировки указывают на чрезвычайно широкое толкование категории «информация, оправдывающая противоправное поведение» в информационно-правовых нормативных актах. Примечательно, что легшие в основу рассматриваемого Федерального закона положения Модельного закона государств-участников СНГ от 03.12.2009 № 33-15 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹ при определении запрещенной к обороту в отношении детей информации называют следующие категории сведений:

- информация, содержащая пропаганду антиобщественных и противоправных действий;

- информация, содержащая пропаганду преступлений;

В основу данной классификации информации положен признак, характеризующий степень общественной опасности, а в описании видов информации активно употребляется термин «пропаганда», который однозначно определен в пункте 27 статьи 3 Модельного закона: «под

¹ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: модельный закон государств-участников СНГ от 03.12.2009 № 33-15 // СПС «КонсультантПлюс».

пропагандой понимается деятельность физических и (или) юридических лиц по распространению информации, направленная на формирование в сознании детей установок и (или) стереотипов поведения либо имеющая цель побудить или побуждающая лиц, которым она адресована, к совершению каких-либо действий или к воздержанию от их совершения».

Пропаганда противоправного поведения является деянием идеальным, не требующим наступления каких-либо материальных последствий. Следовательно, для доказывания по делам об административных правонарушениях и по уголовным делам в таком случае достаточно будет подтвердить факт призыва к противоправному поведению, который был воспринят (услышан, увиден, прочитан) несовершеннолетним.

Итак, полагаем правильной наименование рассматриваемой разновидности информации «пропагандирующая противоправное поведение». Более того, критерии, на основе которых выявляются эти сведения, должны быть жестко и однозначно закреплены в Концепции информационной безопасности детей таким образом, чтобы исключить возможность расширительного толкования.

Категория «оправдание противоправного поведения», как было сказано ранее, представляется нам неуместной в перечне запрещенной для распространения среди детей информации, однако это не значит, что она вообще не может быть использована ФЗ № 436. Специалисты в сфере детской психологии отмечают, что четкая грань между тем, что «хорошо» и что «плохо» у ребенка окончательно формируется к 4-5 годам¹. Следовательно, до этого возраста даже простое демонстрирование моделей противоправного поведения может негативно повлиять на дальнейшее психофизиологическое развитие ребенка, вызвать «слепое» подражание такому поведению.

Конечно, этот вопрос требует самостоятельного и компетентного психологического исследования, мы не претендуем на однозначную верность выбранной нами концепции. Однако, в случае, если психика ребенка позволяет адекватно воспринимать сцены противоправного поведения с 4-5 лет, то наличие в статье 8 ФЗ № 436, определяющей виды информационной продукции для детей, достигших возраста шести лет, пункта 3 в редакции «не побуждающие к совершению антиобщественных действий и (или) преступлений эпизодическое изображение или описание этих действий и (или) преступлений при условии, что не обосновывается и не оправдывается их допустимость и выражается отрицательное, осуждающее отношение к лицам, их совершающим» следует признать полностью оправданным.

Вместе с тем барьеры и ограничения на доступ к информации, содержащей модели противоправного поведения, должны сниматься с достижением возраста 12 и 16 лет. В противном случае мы столкнемся с ситуацией, когда в 16 лет несовершеннолетний имеет право знакомиться с

¹ Голдстейн Р., Гэлланд Д. Как соблюдать дисциплину, нужно ли наказывать ребенка? [Электронный ресурс] // URL: www.adalin.mospsy.ru/1_03_00/10301167.shtml (дата обращения 01.05.2014).

материалами эротического характера, а художественный фильм-детектив, скажем «Улицы разбитых фонарей», окажется для него под запретом.

Вопрос профилактики является наиважнейшим независимо от того, о каком правонарушении идет речь. Применительно к профилактике доступа несовершеннолетних к информации, пропагандирующей противоправное поведение, следует говорить о принятии мер по трем направлениям:

а) профилактика совершения правонарушений среди субъектов массового информирования, к которым возможно отнести:

- средства массовой информации;
- иные средства массовой коммуникации;
- дошкольные образовательные учреждения;
- образовательные учреждения среднего и специального образования;
- специальные субъекты информирования несовершеннолетних (разработчики «детского» контента, руководители и члены секций, кружков, детских общественных организаций);

б) профилактика совершения правонарушений среди родителей, опекунов, попечителей и иных лиц, ответственных за морально-нравственное развитие ребенка;

в) формирование у несовершеннолетних «информационного иммунитета» к воздействию вредоносной информации.

Вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: понятие, сущность и содержание. Доведение до сведения несовершеннолетнего информации, оправдывающей противоправное или антиобщественное поведение, может являться стадией вовлечения в преступную или иную антиобщественную деятельность. Именно в подростковом возрасте ребенок поддается сильному влиянию взрослых, своих старших товарищей и знакомых. Деструктивное влияние на несовершеннолетнего может привести к совершению им противоправного деяния, квалифицируемого как по уголовному, так и по административно-деликтному законодательству.

Оборот информации, способной вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, пиво и напитки, изготавливаемые на его основе, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством, входит в состав таких преступлений, как вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (статья 151 УК РФ), незаконная организация и проведение азартных игр (статья 171.2 УК РФ), незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 228.1 УК РФ) и другие. Статьи 280, 280.1, 282, 282.2 УК РФ зачастую подразумевают оборот информации, обосновывающей или оправдывающей допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающей осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным. Оборот информации порнографического характера криминализован в рамках статей 242-242.2 УК РФ. Наконец, статья 150 УК РФ «Вовлечение

несовершеннолетнего в совершение преступления» предусматривает ответственность за крайние формы распространения среди детей информации, оправдывающей противоправное поведение. С побуждением детей к совершению противоправных или антиобщественных действий, а также действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью могут быть сопряжены преступления, квалифицирующиеся по статье 110 УК РФ «Доведение до самоубийства», статье 110.1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», статье 110.2 УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

Российское законодательство об административных правонарушениях использует в качестве формы объективной стороны деликта, сопряженного с деструктивным информационным влиянием на ребенка, категорию «вовлечение». Изучение содержания КоАП РФ позволяет из всего спектра составов, возбуждение дел по которым отнесено к компетенции полиции, выделить два, использующие термин «вовлечение»: статья 6.10 «Вовлечение несовершеннолетнего в употребление пива и напитков, изготавливаемых на его основе, спиртных напитков или одурманивающих веществ» и статья 6.23 «Вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака».

Единого взгляда на содержание этого термина в научной среде все еще не выработано. Сложившаяся ситуация требует разрешения, так как неопределенность в лексической форме закона порождает казуальные ошибки при привлечении лиц к административной ответственности. А. В. Филатова считает, что объективную сторону правонарушения, предусмотренного статьей 6.10 КоАП РФ, составляют противоправные действия, выраженные в совместном с несовершеннолетними распитии спиртных напитков или употреблении одурманивающих веществ¹. А. Г. Авдейко предполагает, что подобное правонарушение считается оконченным с момента дачи согласия несовершеннолетнего на употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ².

В целях разрешения указанных противоречий следует обратиться к трактовке уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (статья 150 УК РФ) и систематическое вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (статья 151 УК РФ). По мнению С. А. Разумова, само по себе вовлечение в совершение преступления несовершеннолетнего не означает, что им это преступление должно быть совершено. Вовлечение считается, по его мнению, с того момента, когда оно состоялось, то есть когда подросток дал согласие на

¹ См.: Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях / под ред. Э. Г. Липатова, С. Е. Чаннова. – М., 2008. – С. 136.

² См.: Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под общ. ред. Н. Г. Салищевой. – М.: Проспект, 2009. [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.kodeks.ru/document/902125576#> (дата обращения 20.03.2017).

совершение преступления. С учетом этого вовлечение может быть совершено только с прямым умыслом¹.

В. С. Савельева отмечает, что преступление по статье 150 УК РФ следует считать оконченным с момента совершения действий, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, независимо от того, совершил он его или нет. При этом дополняет, что в случаях, когда, несмотря на оказанное воздействие, взрослому не удалось вызвать желание несовершеннолетнего совершить преступление, действия виновного должны быть признаны покушением на совершение указанного преступления². Данный автор опирался на Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»³ (утратило силу) и от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»⁴. Последнее содержит определение исследуемого нами процесса.

Под *вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий* понимается действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий.

Пунктом 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 устанавливаются следующие исходные положения:

– при рассмотрении дел о преступлениях в отношении взрослых лиц, которые совершили преступление с участием несовершеннолетних, надлежит выяснять характер взаимоотношений между ними, поскольку эти данные могут иметь существенное значение для установления роли взрослого лица в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступлений или антиобщественных действий;

– к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий могут быть привлечены лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста и

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко, А. С. Михлина. – М.: Проспект, 2010. – С. 268.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Рапог. – М., 2008. – С. 266.

³ О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

совершившие преступление умышленно. Аналогичное правило действует и при квалификации статьи 6.10 КоАП РФ¹.

– необходимо устанавливать, осознавал ли взрослый, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий;

– преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий;

– антиобщественными действиями признаются систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством;

– если указанные последствия не наступили по не зависящим от виновных обстоятельствам, то их действия могут быть квалифицированы по части 3 статьи 30 УК РФ (покушение на преступление) и по статье 150 УК РФ либо статье 151 УК РФ. Административная ответственность в том же случае неприменима, так как административно-деликтное законодательство не предусматривает возможности привлечь к ответственности за неоконченное административное правонарушение;

– в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель.

К сожалению, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»² и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»³ не дают аналогичного толкования административно наказуемого вовлечения несовершеннолетнего. Во многом это обуславливает то обстоятельство, что на сегодняшний день отсутствует единый подход к определению термина «вовлечение» не только на уровне субъектов РФ, но на районном, муниципальном уровне.

¹ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2007 года: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 30.05.2007 (извлечение) // СПС «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 // СПС «КонсультантПлюс».

³ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

Теоретико-правовой анализ административной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественные действия. Соотнесем полученные результаты с толкованием вовлечения, которое дается комментаторами КоАП РФ и УК РФ. *Объектом* правонарушения, предусмотренного статьями 6.10 и 6.23 КоАП РФ, выступает здоровье населения. Вместе с тем комментаторы статей 150 и 151 УК РФ называют в качестве объекта преступления общественные отношения, связанные с обеспечением нормального физического развития и нравственного воспитания несовершеннолетних, а уже в качестве дополнительного объекта – здоровье несовершеннолетнего. Полагаем второй подход более основательным.

Предметом противоправного посягательства являются:

1) алкогольная продукция – пищевая продукция, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции, за исключением пищевой продукции в соответствии с перечнем, установленным Правительством Российской Федерации. Алкогольная продукция подразделяется на такие виды, как спиртные напитки (в том числе водка, коньяк), вино, фруктовое вино, ликерное вино, игристое вино (шампанское), винные напитки, пиво и напитки, изготавливаемые на основе пива, сидр, пуаре, медовуха (пункт 7 статьи 2 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»¹);

2) спиртосодержащая продукция – пищевая или непищевая продукция, спиртосодержащие лекарственные препараты, спиртосодержащие медицинские изделия с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции:

а) спиртосодержащие лекарственные препараты – лекарственные препараты для медицинского и ветеринарного применения в жидкой форме выпуска, определенные в соответствии с Федеральным законом от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»² и содержащие фармацевтическую субстанцию спирта этилового (этанол);

б) спиртосодержащие медицинские изделия – медицинские изделия в жидкой форме выпуска, содержащие фармацевтическую субстанцию спирта этилового (этанол) или этиловый спирт;

в) спиртосодержащая пищевая продукция – пищевая продукция, в том числе виноматериалы, любые растворы, эмульсии, суспензии, виноградное

¹ О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Об обращении лекарственных средств: федеральным законом от 12.04.2010 № 61-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

сусло, иное фруктовое сусло, пивное сусло (за исключением алкогольной продукции) с содержанием этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, более 0,5 процента объема готовой продукции;

г) спиртосодержащая непищевая продукция – непищевая продукция (в том числе денатурированная спиртосодержащая продукция, спиртосодержащая парфюмерно-косметическая продукция, любые растворы, эмульсии, суспензии), произведенная с использованием этилового спирта, иной спиртосодержащей продукции или спиртосодержащих отходов производства этилового спирта, с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции (пункты 3-5 статьи 2 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ);

3) новые потенциально опасные психоактивные вещества – вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен (абзац 30 статьи 1 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»¹). Порядок формирования и содержания данного Реестра утвержден Приказом ФСКН России от 18.02.2015 № 69², однако в связи с передачей функций по государственному контролю за оборотом психоактивных веществ от упраздненной ФСКН России в МВД России, Министерством 22.03.2017 подготовлен Проект Приказа МВД России «О Порядке формирования и содержания Реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен»³

4) одурманивающие вещества – средства, позволяющие получить одурманивающий эффект (т.е. изменяющие психику и поведение), как правило, не являющиеся предметом широкого повседневного потребления населением. К одурманивающим веществам относятся: а) смесь Клофелина с алкоголем; б) смесь Димедрола с алкоголем; в) смесь барбитуратов с алкоголем; г) хлороформ; д) эфир; е) толуол; ж) хлорэтил; з) закись азота; и) спиртовые экстракты растений, содержащих алкалоиды тропановой группы (Красавка (Белладонна), Дурман индийский и др.); к) ксенон; л) смесь Доксиламина сукцината с алкоголем; м) смесь Клозапина с алкоголем⁴.

¹ О наркотических средствах и психотропных веществах: федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Порядка формирования и содержания Реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен: приказ ФСКН России от 18.02.2015 № 69 // СПС «КонсультантПлюс».

³ О Порядке формирования и содержания Реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен: проект Приказа МВД России / Сайт ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 10.10.2017).

⁴ Нормативно закрепленного определения «одурманивающее вещество» и критериев отнесения веществ к таковым не существует. Утвержденный Протоколами Постоянного комитета по контролю наркотиков от 09.10.1996 № 51/7-96, от 22.04.1998 № 2/64-98, от 14.04.1999 № 2/71-99, от 13.04.2005 № 2/98-2005 Список одурманивающих веществ носит справочно-рекомендательный характер. В примечании 3 к Списку отмечается: «3. Список

Объективная сторона – совершение действий по вовлечению несовершеннолетнего в употребление указанных средств и веществ, которые могут выражаться в уговорах, угощении, обещании какой-либо выгоды, угрозе, обмане и т.д. Ю. В. Сокол к иным способам вовлечения относил «убеждение, предложение, дачу совета о месте и способах совершения деяния, запугивание, подкуп, возбуждение чувства мести, зависти и иных низменных побуждений»¹. Правонарушение окончено с момента дачи однозначно интерпретируемого согласия несовершеннолетнего на употребление указанных напитков или веществ либо непосредственного употребления при подразумеваемом согласии.

В случае, если несовершеннолетний не дал согласие на употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ по не зависящим от вовлекавшего лица причинам, его действия следует квалифицировать по статье 6.13 КоАП РФ «Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ».

В случае, если пропаганда потребления алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ осуществляется в рамках реализации информационной продукции, на которую в соответствии со статьей 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» распространяется его действие, следует рассматривать вопрос о наличии в действиях виновного состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.17 КоАП РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию». Запрет на распространение среди несовершеннолетних информации, способной «вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством» закреплена в пункте 2 части 2 статьи 5 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ. Под информационной продукцией при этом следует понимать предназначенные для оборота на территории Российской Федерации продукция средств массовой информации, печатная продукция, аудиовизуальная продукция на любых видах носителей, программы для

одурманивающих веществ является динамичным и при появлении официальных данных об использовании конкретных веществ с целью получения одурманивающего эффекта Постоянным комитетом по контролю наркотиков принимается решение по этим веществам, и они включаются в данный список».

¹ Сокол Ю. В. К вопросу о способах вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий / Ю. П. Сокол // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2009. – № 4. – С. 120-123.

электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ) и базы данных, а также информация, распространяемая посредством зрелищных мероприятий, посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей подвижной радиотелефонной связи (пункт 5 статьи 2 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ).

С субъективной стороны правонарушение совершается с прямым умыслом. Лицо осознает, что вовлекает несовершеннолетнего в совершение указанных действий и желает этого. Мотивы правонарушения могут быть разнообразны (корысть, личный интерес, стремление поднять свой авторитет в глазах несовершеннолетних и т.д.), на квалификацию влияния они не оказывают, однако могут быть учтены при назначении наказания.

Субъектом административного правонарушения по части 1 статьи 6.10 КоАП РФ является вменяемое физическое лицо, достигшее 18-летнего возраста; по части 2 – родители, иные законные представители несовершеннолетних (попечители, усыновители и т.д.), лица, на которых возложены обязанности по обучению и воспитанию несовершеннолетних (воспитатели, учителя и т.д.).

Квалифицированный состав административного правонарушения. В соответствии с частью 2 рассматриваемой статьи административная ответственность предусмотрена за совершение предусмотренного в части 1 действия, совершенного родителями или иными законными представителями несовершеннолетних. Не должны быть квалифицированы по части 2 статьи 6.10 КоАП РФ деяния, охватываемые специальным составом – частью 2 статьи 6.18 КоАП РФ «Нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним» КоАП РФ.

С учетом высказанных замечаний, предлагаем внести изменения в статью 6.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и изложить ее в следующей редакции:

«Статья 6.10. Пропаганда совершения антиобщественных действий среди несовершеннолетних

1. Пропаганда среди несовершеннолетних употребления алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 6.18 настоящего Кодекса, – ...

2. Вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 6.18 настоящего Кодекса, – ...

3. Те же действия, совершенные родителями или иными законными представителями несовершеннолетних, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 6.18 настоящего Кодекса, а также лицами, на которых возложены обязанности по обучению и воспитанию несовершеннолетних, – ...».

Рассмотренный состав административного правонарушения тесно связан с преступлением, предусмотренным статьей 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий», что обусловлено применением административной преюдиции (неоднократное совершение административного правонарушения влечет наложение уголовно-правовой санкции) при их лексическом изложении.

Теоретико-правовой анализ уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий. Объект противоправного посягательства, предусмотренного статьей 151 УК РФ – общественные отношения, связанные с обеспечением нормального физического развития и нравственного воспитания несовершеннолетних, а также их здоровье.

Объективная сторона данного преступления состоит в вовлечении несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством и попрошайничеством. Систематическое употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ предполагает склонение несовершеннолетнего к этому *более двух раз* в течение непродолжительного времени (например, один раз в неделю, каждый месяц). Законодатель не уточняет период времени, в течение которого должно быть совершено систематическое вовлечение в употребление. По мнению авторов, а также согласно логике закона, этот отрезок времени не должен превышать закрепленный в статье 4.6 КоАП РФ срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию за первый и второй эпизоды вовлечения. Данный срок составляет один год со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания. Аналогичного мнения придерживаются и специалисты в области уголовного права¹.

Отметим, что объективная сторона рассматриваемого деяния не охватывает систематическое употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ, однако предусматривает уголовную ответственность за систематическое вовлечение в занятие бродяжничеством и попрошайничеством, административная ответственность за однократное вовлечение в которые не предусмотрена.

Под *бродяжничеством* обычно понимается образ жизни в виде беспрестанного перемещения, скитания из одной местности в другую либо в пределах одной местности (города, района) без постоянного места жительства и занятия с существованием за счет случайных заработков, мелких хищений или попрошайничества. Е. В. Ельцова, исследуя подростковую девиацию «бродяжничество», отмечала: «повторяющиеся побег и бродяжничество преимущественно бывают в период с 7 до 16 лет, в основном у мальчиков. Это своеобразная форма выражения протеста или обиды на учителей, родителей.

¹ См., например: Сокол Ю. В. Типичные недостатки при выявлении, раскрытии и расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий / Ю. П. Сокол // Общество и право. – 2011. – № 1. – С. 200-205; Уголовное право России. Часть особенная: учебник / под ред. Л. Л. Кругликова. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 839 с.

Иногда подобные побегі обусловлены страхом перед возможным физическим наказанием за совершенный неблаговидный поступок или плохую отметку. Значительно реже уходы из дома и бродяжничество возникают без очевидных мотивов»¹.

Попрошайничество представляет собой постоянное (зачастую назойливое) выпрашивание у посторонних лиц денег, продуктов питания, одежды, других предметов, из которых можно извлечь материальную выгоду. Попрошайничество, сопряженное с оскорблением окружающих или нецензурной бранью, следует квалифицировать по статье 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство». Практика показывает, что вовлечение несовершеннолетнего в попрошайничество совершается, как правило, в целях паразитического существования взрослого за счет средств, добываемых несовершеннолетним.

Согласно примечанию к рассматриваемой статье, ее «действие не распространяется на случаи вовлечения несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством, если это деяние совершено родителем вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств, вызванных утратой источника средств существования или отсутствием места жительства». Также при оценке действий взрослого лица необходимо обратить внимание на то, что вовлечение в совершение антиобщественных действий не одного, а нескольких несовершеннолетних по смыслу закона не образует совокупности преступлений, предусмотренных статьей 151 УК РФ.

С субъективной стороны рассматриваемое преступление во всех его формах характеризуется прямым умыслом: виновный осознает, что вовлекает несовершеннолетнего в ту или иную антиобщественную деятельность, и желает совершить эти действия. Если лицо объективно способствовало этому, но не имело намерений вовлечь несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность, формы которой перечислены в статье 151 УК РФ, в его действиях нет состава преступления, предусмотренного этой статьей. Отсутствует состав преступления и в тех случаях, когда лицо не осознавало, что вовлекаемый не достиг совершеннолетия.

Субъект преступления общий – любое вменяемое физическое лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста.

Квалифицированные составы преступления. Согласно части 2 статьи 151 УК РФ уголовная ответственность предусмотрена за предусмотренное в части 1 деяние, совершенное родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, часть 2 статьи 151 УК РФ признает наказуемыми деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения.

¹ Ельцова Е. В. Социально-психологические особенности подростков с типом девиации «бродяжничество» / Е. В. Ельцова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2008. – № 1. – С. 10-16.

К родителям, педагогическим работникам либо иным лицам, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего следует относить:

1) для несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста (малолетних), – родителей (в том числе лишенных родительских прав лиц), усыновителей и опекунов (статья 28 Гражданского кодекса РФ (часть первая)¹, статья 64 Семейного кодекса РФ²);

2) для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет – родителей (в том числе лишенных родительских прав лиц), усыновителей и попечителей (статья 28 Гражданского кодекса РФ (часть первая), статья 64 Семейного кодекса РФ);

3) для несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, до передачи в семью на воспитание (усыновление (удочерение), под опеку или попечительство, в приемную семью либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в патронатную семью), а при отсутствии такой возможности в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, – органы опеки и попечительства (статья 123 Семейного кодекса РФ, статьи 7 и 8 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»³);

4) для несовершеннолетних, находящихся под опекой или попечительством, если действия опекунов или попечителей по представлению законных интересов подопечных противоречат законодательству Российской Федерации и (или) законодательству субъектов Российской Федерации или интересам подопечных либо если опекуны или попечители не осуществляют защиту законных интересов подопечных, – органы опеки и попечительства (статья 123 Семейного кодекса РФ, статьи 7 и 8 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»);

5) для несовершеннолетних, помещенных под надзор в образовательные организации, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги, или иные организации, в том числе в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, – администрацию и персонал соответствующих организаций (статья 35 Гражданского кодекса РФ);

б) для несовершеннолетних пациентов, признанных в установленном законом порядке недееспособными, но не имеющих законного представителя – администрацию и медицинский персонал психиатрического стационара

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ Об опеке и попечительстве: федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

(статья 39 Закона РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»¹)

7) для несовершеннолетних в процессе образовательно-познавательной или спортивной деятельности – педагогов, а также персонал детского учреждения, выполняющих воспитательные функции (например, воспитатель детского дома, учитель в школе, тренер спортивной секции).

Смежным с рассмотренным составом преступления является уголовно наказуемое деяние, предусмотренное статьей 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления». Его состав во многом повторяет элементы рассмотренного выше уголовно-правового деликта. Отчасти специфичным является лишь *объективная сторона* данного преступления – для его квалификации необходимо подтверждение факта о приготовлении, покушении или оконченом совершении несовершеннолетним преступления в результате целенаправленного психофизиологического влияния взрослого лица.

Квалифицированные составы преступления:

часть 2: то же деяние, совершенное родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего;

часть 3: деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения;

часть 4: деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в преступную группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Итак, изучение трактовки категории «вовлечение» позволяет нам выявить некоторые особенности и проблемы применения статьи 6.10 КоАП РФ и статей 150 и 151 УК РФ, а также внести некоторые предложения по совершенствованию организационно-правового обеспечения выявления и документирования указанных составов.

Во-первых, основой доказательственной базы по этой категории дел являются показания несовершеннолетнего. Согласно статье 425 Уголовно-процессуального кодекса РФ² предусматривает обязательное участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в возрасте от 14 до 16 лет, а в возрасте от 16 до 18 лет – при условии, что он страдает психическим расстройством или отстает

¹ О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 // СПС «КонсультантПлюс».

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

в психическом развитии. Показания такого подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, полученные без участия педагога или психолога, в силу части 2 статьи 75 УПК РФ являются недопустимыми доказательствами. В соответствии с частью 4 статьи 25.6 КоАП РФ при опросе несовершеннолетнего свидетеля, не достигшего возраста четырнадцати лет, обязательно присутствие педагога или психолога. В случае необходимости опрос проводится в присутствии законного представителя несовершеннолетнего свидетеля. Следует понимать, что особенности психики и личные интересы ребенка, участвующего в административном процессе в присутствии родителя, усыновителя, опекуна или попечителя, могут спровоцировать отрицание факта согласия на совершение противоправных действий при вовлечении.

Во-вторых, административное законодательство не предусматривает разграничение процесса совершения правонарушения на стадии, что делает невозможным привлечение виновного лица к ответственности за покушение на совершение административного правонарушения, предусмотренного статьями 6.10 КоАП РФ. Более того, вовлечение является информационным процессом межличностного уровня коммуникации. Учитывая значимость защиты несовершеннолетних от угроз информационно-психологического характера и важность документирования каждой попытки вовлечения несовершеннолетнего в противоправную или антиобщественную деятельность, представляется допустимым дополнить объективную сторону данного правонарушения наименее общественно вредной формой – пропагандой употребления алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ. Подобное решение позволит должностным лицам полиции пресекать попытки вовлечения несовершеннолетних в противоправную или антиобщественную деятельность, не дожидаясь наступления вредных последствий, а значит и профилактировать девиацию несовершеннолетнего на начальной стадии. Более того, расширение перечня информационных процессов, лежащих в основе квалификации рассматриваемого административного правонарушения, с персональной передачи до групповой или персональной передачи и распространения соответствует вектору государственной политики в сфере обеспечения информационной безопасности детей. Так, Федеральным законом от 03.02.2015 № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, помимо дополнения диспозиции статьи 6.10 КоАП РФ запретом на вовлечение несовершеннолетних в употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ, была введена и административная ответственность за пропаганду новых потенциально опасных психоактивных веществ.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 03.02.2015 № 7-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

В-третьих, сравнение статей 6.10 КоАП РФ и 151 УК РФ при общей их преювенности говорит о различном содержании объективной стороны составов. В составе административного правонарушения не предусмотрена ответственность за вовлечение в занятие бродяжничеством и попрошайничеством, однако допускается назначение административного наказания за вовлечение в употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ. Вопрос об установлении административной ответственности за одноразовое вовлечение несовершеннолетнего в бродяжничество или попрошайничество, равно как и самой административной ответственности за эти деяния, на протяжении многих лет обсуждается в среде ученых и законодателей. Существуют обоснованные доводы как в пользу такого решения, так и против него, в связи с чем рассчитывать на скорое разрешение этого вопроса не приходится. Дополнение же диспозиции статьи 151 УК РФ запретом на систематическое вовлечение несовершеннолетнего в употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ представляется нам вполне логичным и справедливым.

2. Особенности документирования вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий сотрудниками органов внутренних дел

По общему правилу основными шагами по сбору доказательств будут являться:

1. Определение сущности совершенного несовершеннолетним антиобщественного действия: даты, времени (периода времени), места и разновидности антиобщественного действия. Доказательственная база по вовлечению в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих и новых потенциально опасных психоактивных веществ будет существенно отличаться от требуемой для доказывания вовлечения в занятие бродяжничеством или попрошайничеством информации. Основу доказательственной базы здесь составляют показания подозреваемого (лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении), свидетелей и самого несовершеннолетнего. Дополнительными доказательствами могут быть аудио, фото и видеоматериалы с камер видеонаблюдения, домофонов, сотовых телефонов и т.д. Значимая для дела информация будет содержаться в рапортах и иных служебных документах сотрудников полиции, выявивших факт вовлечения. Фиксируя время вовлечения следует стремиться к максимальной точности. Описывая место вовлечения и место совершения ребенком антиобщественного действия, которые не всегда совпадают, целесообразно связывать их с участвующими в производстве лицами.

Примерами корректного изложения перечисленных сведений могут быть приговор судьи Сергиевского районного суда Самарской области Шохина Т. Н. от 27 октября 2010 года, в котором отмечается, что в течение 4-х дней «*Лаврикова Е. В., ... находясь у себя дома по адресу ... намеренно*

возбуждала у несовершеннолетней дочери желание употребить спиртные напитки...»¹, и приговор судьи Жуковского районного суда Брянской области Злотниковой В. В. от 10 сентября 2010 года по делу № 1-134/2010, согласно которому «...*Маякина Н. Н., находясь каждый раз в занимаемом ими жилом доме по адресу ... предлагала своему несовершеннолетнему сыну ... употребить по 100 грамм водки и угощала его указанным крепким спиртным напитком*»².

2. Фиксация оконченного состава правонарушения или покушения на систематическое вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность. Предусмотренное статьей 150 УК РФ преступление являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним хотя бы одного из антиобщественных действий. Так, в соответствии с приговором Сунженского районного суда Республики Ингушетия зафиксировано, что «*подсудимая ФИО-1, с осени 2010 года по ... вовлекала свою несовершеннолетнюю дочь ФИО-2 2002 года рождения в систематическое занятие попрошайничеством на территории Сунженской ЦРБ и центрального рынка «Привоз» с.п. Орджоникидзевское Сунженского муниципального района ..., представляющее собой назойливое выпрашивание у посторонних лиц денег, создавая при этом видимость безвыходного материального положения*»³.

В отношении к статье 6.10 КоАП РФ правоприменительная практика складывается не столь однозначно. Так, в решении судьи Пинежского районного суда Архангельской области по делу об административном правонарушении, предусмотренного частью 2 статьи 6.10, № 12-11/12 от 12.03.2012, отмечается, что «*правонарушение считается оконченным с момента дачи согласия несовершеннолетнего на употребление спиртных напитков*»⁴.

3. Определение способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий также является обязательным элементом, который должен быть установлен в кратчайшие сроки. Следует разграничивать и четко устанавливать информационную составляющую способа (например, «*путем уговоров и используя свой родительский*

¹ Приговор судьи Сергиевского районного суда Самарской области 27.10.2010 по ч. 1 ст. 151 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: http://yufu.infocourt.ru/car_serгиеvsky-sam_samarskob1_pfo/ug/1177010/prigovor-v-otnoshenii-lavrikovoy-ev-po-ch-1-st-151-uk-rf.html (дата обращения 10.09.2017).

² Приговор судьи Жуковского районного суда Брянской области от 10.09.2010 по делу № 1-134/2010 по ст. 151 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

³ Приговор Сунженского районного суда Республики Ингушетия [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/b55IsTZw1fUr> (дата обращения 10.09.2017).

⁴ Решение Пинежского районного суда Архангельской области по делу об административном правонарушении, предусмотренного ч. 2 ст. 6.10 от 12.03.2012 № 12-11/12 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

авторитет, вовлекла»¹, «предложила распить спиртные напитки несовершеннолетней дочери совместно, тем самым побудив у нее желание к употреблению спиртного, после чего в присутствии несовершеннолетней распивала указанный спиртной напиток»²) и материальное обеспечение вовлечения («покупая на свои деньги и стипендию ... спиртные напитки»³, «угостила его указанным крепким спиртным напитком, который он по предложению матери выпил»⁴). К материальному обеспечению вовлечения также следует относить предоставление помещения или иного объекта для употребления алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих и новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Игнорирование указанных требований приводит к прекращению производства по делу. Так, решением судьи Тальменского районного суда Алтайского края по делу № 5.1-88/2010 от 22.04.2010 производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 6.10 КоАП РФ, было прекращено, так как «...из протокола об административном правонарушении и объяснений несовершеннолетних ФИО-1, ФИО-2 и ФИО-3, составленных инспектором ПДН ОВД..., не усматривается, каким образом совершеннолетняя ФИО-4 вовлекла их в употребление пива, ... только указано, что они вместе распивали пиво на привокзальной площади. Не указано, кто является инициатором распития спиртного, кто приобретал пиво, на чьи деньги оно приобретено»⁵.

4. Подтверждение осведомленности вовлекающего лица о несовершеннолетии вовлекаемого и антиобщественности предлагаемых действий может показаться применительно к конкретной ситуации очевидным и именно поэтому нередко упускается сотрудниками полиции. В качестве примера можно привести решение судьи Красноборского районного суда Архангельской области от 27.06.2012 о прекращении производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 6.10 КоАП РФ, в отношении Перфильева А. Д. Суд отметил, что «обстоятельства, связанные с тем, что последний знал и осознавал, что, приобретая и угощая М. В. пивом и напитком, изготовленным на его основе, совершает указанное административное, не выяснились. Содержание

¹ Приговор Басманного районного суда города Москвы от 17.12.2013 по уголовному делу № 1-465/2013 по ст. 151 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

² Приговор Лазаревского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 20.03.2012 по уголовному делу № 1-84/2012 по ст. 151 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

³ Приговор Сергиевского районного суда Самарской области от 27.10.2010 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/YOEO57jnBRLX> (дата обращения 10.09.2017).

⁴ Приговор Жуковского районного суда Брянской области от 10.09.2010 по уголовному делу № 1-134/2010 по ст. 151 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

⁵ Решением Тальменского районного суда Алтайского края от 22.04.2010 по делу № 5.1-88/2010 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

объяснений Перфильева А. Д. в той части, что возраста М. В. он не знал, при рассмотрении дела на заседании КДН и ЗП не проверялись... Согласно Перфильева А. Д. с протоколом об административном правонарушении и признании им своей вины, выраженные им при составлении протокола, противоречат пояснениям последнего, данным в тот же день, о неосведомленности о возрасте М. В. Эти пояснения ... не опровергаются имеющимися в административном деле материалами»¹. Приведенный пример не единичен, аналогичное решение было принято 12.03.2012 судьей Пинежского районного суда Архангельской области по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 6.10 КоАП РФ, №12-11/12. Суд пришел к выводу, что «в объяснениях самого привлекаемого к ответственности лица отсутствуют данные о том знал ли он, что Ж. является несовершеннолетним и какие действия были совершены им для вовлечения Ж. в употребление спиртных напитков», притом «как это следует из объяснений несовершеннолетнего Ж., спиртное (пиво) он употреблял, гуляя по улице, и его ему приобрёл незнакомый мужчина»².

Возраст несовершеннолетнего может быть известен или очевиден правонарушителю. Косвенными доказательствами осведомленности могут быть действия вовлекающего лица, стремящегося скрыть момент вовлечения (например, маскировка предлагаемой несовершеннолетнему для распития алкогольной продукции под безалкогольные напитки) или желающего дистанцироваться во время непосредственного осуществления несовершеннолетним антиобщественных действий (например, наблюдение со стороны за попрошайничеством ребенка).

5. Определение разновидности и характеристик употребляемых веществ и продукции: наименования и вина продукции, вида упаковки, емкости бутылки, емкости употребленного, % содержащегося в напитке спирта, государственного стандарта или технических условий, по которым изготовлена продукция и т.д. Ошибка их определении влечет направление дела на доработку (доследование) и может быть причиной освобождения виновного от наказания. Так, в основанном на протесте прокурора г. Троицка Московской области решении судьи Подольского городского суда Московской области по делу № 12-12\11 отмечается, что при производстве по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 6.10 КоАП РФ, в отношении Жугиной Я. С. неверно был определен вид напитка, в употребление которого она вовлекала своего несовершеннолетнего сына. Сотрудники ПДН, а вслед за ними и КДН и ЗП посчитали его спиртосодержащей продукцией, в то время как согласно представленной Жигулиной этикетке «напиток «Виноградный день» к таковым не относится,

¹ Решение Красноборского районного суда Архангельской области от 27.06.2012 № 12-57/2012 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/CNPic9c7IeNq/> (дата обращения 10.09.2017).

² Решение Пинежского районного суда Архангельской области по делу об административном правонарушении, предусмотренного ч. 2 ст. 6.10 от 12.03.2012 № 12-11/12 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

а является пивом специальным пастеризованным»¹. В связи с этим дело было возвращено в ПДН и впоследствии прекращено в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности.

6. Рекомендуемым шагом на пути к доказыванию факта вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий является *документальная фиксация наступления неблагоприятных последствий:* «было обнаружено нахождение несовершеннолетней Т. В. В. в состоянии алкогольного опьянения, ... по месту жительства потерпевшей была вызвана «скорая помощь» для оказания медицинской помощи несовершеннолетней»², «систематически вовлекал несовершеннолетнего ... в совершение антиобщественных действий – систематическое употребление спиртных напитков, что негативно сказалось на умственном, психическом и социальном развитии несовершеннолетнего ..., который, находясь в состоянии алкогольного опьянения, совершал противоправные деяния»³, «несовершеннолетняя потерпевшая ... пояснила, что действительно употребляла вместе с матерью и ее друзьями пиво, от чего ей стало плохо. Прибывшие на квартиру работники полиции застали ее в состоянии опьянения. Она просит Ткачук И. Ю., которая является ее матерью, строго не наказывать»⁴.

7. Установление характера взаимоотношений вовлекающего и вовлекаемого, роли совершеннолетнего лица в вовлечении и мотив его противоправных действий. Напомним, умышленная форма вины выступает обязательным условием для привлечения совершеннолетнего лица к ответственности. Так, согласно приговору судьи Сергиевского районного суда Самарской области от 27.10.2010 по части 1 статьи 151 УК РФ «*Лаврикова Е. В. ... осуществляя свои преступные антиобщественные намерения, направленные на свои низменные желания употреблять спиртные напитки, пользуясь безвольным характером несовершеннолетней ФИО-1, покупая на свои деньги и стипендию ФИО-1 спиртные напитки, зная, что является примером для подражания, путем предложений и уговоров намеренно возбуждала у последней желание употребить их»⁵. Налицо*

¹ Решение Подольского городского суда Московской области от 08.02.2011 по делу № 12-12\11 [Электронный ресурс] // URL: <https://rospravosudie.com/court-podolskij-gorodskoj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-100522230> (дата обращения 10.09.2017).

² Приговор Лазаревского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 20.03.2012 по уголовному делу № 1-84/2012 по ст. 151 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

³ Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 17.12.2012 по делу № 1-542/2012 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

⁴ Приговор Лазаревского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 20.03.2012 по уголовному делу № 1-84/2012 по ст. 151 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

⁵ Приговор Сергиевского районного суда Самарской области от 27.10.2010 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/YOEO57jnBRLX> (дата обращения 10.09.2017).

корыстный мотив Лавриковой Е. В., так как она была заинтересована в приобретении спиртного на стипендию своей дочери. Нередко мотивом вовлечения несовершеннолетнего в употребление алкогольной продукции выступает ложная забота о взрослении ребенка, в таком случае употребление будет приурочено к какому-либо событию или празднику: *«по случаю своего дня рождения, предложила несовершеннолетнему сыну ... употребить около 170 гр. водки и угостила его указанным крепким спиртным напитком, который он по предложению матери выпил»*¹

Следует помнить, что стечения тяжелых жизненных обстоятельств, вызванных утратой источника средств существования или отсутствием места жительства, является обстоятельством, исключающим привлечение лица к уголовной ответственности только за вовлечения несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством. То обстоятельство, что *«подсудимая ФИО-1 в связи с тяжелым материальным положением вовлекла свою несовершеннолетнюю дочь ФИО-2 в систематическое занятие попрошайничеством»* не явилось преградой к назначению ей уголовного наказания в соответствии с указанным ранее приговором Сунженского районного суда Республики Ингушетия. Помимо того, важным обстоятельством при доказывании систематического вовлечения в попрошайничество является распределение полученных таким образом денежных средств и иных ценностей, которое бы указывало на корыстный мотив совершеннолетнего лица. Так, согласно приговору Басманного районного суда города Москвы по делу № 1-465/2013 от 17.12.2013 *«В результате вовлечения в попрошайничество несовершеннолетние ФИО-1 и ФИО-2 получили от пассажиров Московского метрополитена денежные средства в общей сумме ... рублей, которые передали матери Мирзаеровой А. Ж., находившейся в том же вагоне электропоезда и наблюдавшей за антиобщественными действиями своих детей»*².

8. Материал, характеризующий личность вовлекающего и вовлекаемого. Изучение материалов дел об административных правонарушениях и уголовных дел позволяет заключить, что обычно речь идет о данных о наличии (отсутствии) судимости; привлечении лица к административной ответственности; сведениях о нахождении под административным надзором за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; характеристиках с места работы и (или) учебы; характеристике по месту жительства (наличие жалоб от соседей и т.д.); справочной информации о нахождении на учете у врача-нарколога и врача-психиатра (в психоневрологическом и (или) наркологическом диспансере), причинах постановки на такой учет; сведениях о злоупотреблении алкогольной и (или)

¹ Приговор Жуковского районного суда Брянской области от 10.09.2010 по уголовному делу № 1-134/2010 по ст. 151 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

² Приговор Басманного районного суда города Москвы от 17.12.2013 по уголовному делу № 1-465/2013 по ст. 151 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

спиртосодержащей продукцией; о семейном положении, количестве находящихся на иждивении детей; об ограничении или лишении родительских прав.

В рамках названной стадии следует также обратить внимание на проблему использования специальных знаний психиатрии и психологии при оценке личности, которая справедливо отмечалась Ю. В. Соколом¹. Основными формами использования этих знаний выступают судебно-психиатрическая и судебно-психологическая экспертизы. Несовершеннолетним присущи повышенная внушаемость, ограниченность кругозора и практической ориентации, недостаточная сформированность мотивационно-волевой и ценностной сфер, склонность к фантазированию и иные психические качества, которые отражаются на правильности восприятия обстоятельств, имеющих значение для дела, и на возможности давать о них показания². Согласно результатам проведенных в РФ исследований, распространенность психических расстройств среди подростков по разным данным достигает от 40 % до 80 %³.

Однако проведенное исследование показывает, что на практике часто игнорируются имеющиеся в наличии основания для проведения психолого-психиатрических экспертиз. Содержание экспертной оценки способности давать показания может быть различным в зависимости от динамики психического состояния и уровня развития отдельных психических функций несовершеннолетнего в различных ситуациях. Например, с момента совершения преступления до экспертизы проходит большой промежуток времени. У несовершеннолетнего недостаточно сформирована долговременная память с отсроченным воспроизведением событий прошлого при ограничении ее возможности понимания сложного смысла воспринимаемого, и в то же время отсутствуют нарушения или особенности психики, препятствующие отражению реальных событий. В этом случае правомерным будет экспертный вывод о том, что несовершеннолетний мог правильно воспринимать внешнюю сторону конкретных обстоятельств дела и давать о них правильные показания непосредственно после случившегося, но в настоящее время он не может давать правильных показаний об обстоятельствах дела⁴.

¹ Сокол Ю. В. Типичные недостатки при выявлении, раскрытии и расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий / Ю. П. Сокол // Общество и право. – 2011. – № 1. – С. 201.

² Каневский Л. Л. Расследование и профилактика преступлений несовершеннолетних / Л. Л. Каневский. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 87.

³ Гатауллина Г. И. Криминалистические особенности расследования общеуголовных корыстных преступлений, совершаемых несовершеннолетними с психическими аномалиями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г. И. Гатауллина. – Саратов, 2004. – С. 3.

⁴ Сокол Ю. В. Типичные недостатки при выявлении, раскрытии и расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий / Ю. П. Сокол // Общество и право. – 2011. – № 1. – С. 204.

9. Выявление и фиксацияотягчающих и (или) смягчающих наказание обстоятельств, закрепленных, соответственно в статьях 61 и 63 УК РФ и статьях 4.2 и 4.3 КоАП РФ. Применительно к рассматриваемым составам следует сделать два замечания. Во-первых, перечень смягчающих наказание обстоятельств не является закрытым, что позволяет уполномоченному должностному лицу оценивать отдельные жизненные обстоятельства в качестве таковых самостоятельно. Чаще других по рассматриваемой категории дел судами в качестве смягчающих наказание признаются активное способствование раскрытию преступления (расследованию по делу); чистосердечное признание вины; раскаяние в содеянном; трудное материальное положение.

Во-вторых, согласно части 2 статьи 63 УК РФ и части 3 статьи 4.3 КоАП РФ не может быть отнесено к отягчающим наказание обстоятельствам то, что предусмотрено соответствующей статьей Особенной части перечисленных Кодексов в качестве признака преступления. Вместе с тем, сотрудниками ПДН при составлении протоколов и членами КДН и ЗП при рассмотрении дел об административных правонарушениях по статье 6.10 КоАП РФ подобные ошибки все еще допускаются. Об этом свидетельствует, в частности, решение суда Красноборского районного суда Архангельской области от 27.06.2012, в котором оспаривается постановление КДН и ЗП администрации МО «Красноборский муниципальный район» от 16.05.2012, которым Перфильев А. Д. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 6.10 КоАП РФ, и ему назначено административное наказание в виде административного штрафа. Постановление по делу было отменено, а само оно возвращено на новое рассмотрение в КДН и ЗП на основании пункта 4 части 1 статьи 30.7 КоАП РФ в связи с существенными нарушениями процессуальных требований, где было прекращено за истечением сроков давности. Причиной принятого судом решения стал тот факт, что *«в качестве обстоятельства, отягчающего административную ответственность Перфильева А. Д., признано вовлечение несовершеннолетнего в совершение административного правонарушения»*¹.

10. Доказывание системности вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность. Ранее мы отмечали административную преюдицию как основополагающий прием квалификации преступлений по статье 151 УК РФ, когда трехкратное совершение административного правонарушения по статье 6.10 КоАП РФ приводит к возбуждению уголовного дела². Вместе с тем правоприменительная практика указывает на

¹ Решение Красноборского районного суда Архангельской области от 27.06.2012 № 12-57/2012 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/CNPic9c7IeNq/> (дата обращения 10.09.2017).

² См., например: Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 17.12.2012 № 1-542/201 по ч. 1 ст. 151 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

возможность иных способов доказывания системности вовлечения. Приведем несколько примеров.

Приговором Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 15.09.2010 по уголовному делу № 1-489/2010¹ Шалыманова Е. А. была признана виновной в совершении преступления по статье 151 УК РФ, которое выразилось в том, что она «трижды (точные даты обезличены) вовлекала четверых несовершеннолетних в распитие спиртных напитков (коктейлей и пива), приглашая их в принадлежащую ей комнату в коммунальной квартире». Также в приговоре отмечалось, что «Шалыманова Е. А. ранее не судима и к административной ответственности не привлекалась», то есть ни один из фактов вовлечения не был квалифицирован по статье 6.10 КоАП РФ. Систематичность вовлечения доказывалась в данном случае показаниями самих несовершеннолетних, которые не находились с вовлекавшим их совершеннолетним лицом в родственной связи.

В соответствии с приговором Басманного районного суда города Москвы от 17.12.2013 по уголовному делу № 1-465/2013² Мирзаёрова А. Ж. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 151 УК РФ. При этом непосредственно сотрудниками полиции факт вовлечения был выявлен лишь единожды (01.10.2013 в 11.45 в вагоне электропоезда на станции «Курская» Кольцевой линии Московского метрополитена), остальные же эпизоды были установлены в ходе рассмотрения материала в порядке, предусмотренном статьями 144-145 УПК РФ. В приговоре суда моменты совершения антиобщественных действий определены формулировкой «в период времени до 01.10.2013», что представляется крайне неточным. Построение обвинения лишь на свидетельских показаниях в данном случае чревато, так как находящиеся в родственной связи участники процесса могут на любом его этапе отказаться от них на основании статьи 51 Конституции Российской Федерации. Обвинительный приговор суда по рассматриваемому уголовному делу во многом был обусловлен наличием видеозаписи с объектов Московского метрополитена.

В целом, не основывающиеся на систематическом совершении административно наказуемого вовлечения несовершеннолетних уголовные дела по статье 151 УК РФ характеризуются краткосрочностью совершения. Примером тому является приговор Лазаревского районного суда г. Сочи

¹ Приговором Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 15.09.2010 по уголовному делу № 1-489/2010 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

² Приговор Басманного районного суда города Москвы от 17.12.2013 по уголовному делу № 1-465/2013 по ст. 151 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

Краснодарского края от 20.03.2012 по делу № 1-84/2012¹, на основании которого Ткачук И. Ю. была привлечена к уголовной ответственности за систематическое вовлечение своей несовершеннолетней дочери в употребление «спиртного напитка пива «Охота» содержащего 12 % спирта». Согласно материалам дела, факты совместного употребления датировались 23, 24, 25 и 26 января 2012 года. В последний из этих дней сотрудниками ПДН совместно с представителем администрации района было выявлено нахождение несовершеннолетней по месту жительства в состоянии опьянения.

В завершение хотелось бы обратить внимание на сроки давности по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 6.10 КоАП РФ. В правоприменительной практике встречаются случаи, когда срок привлечения к ответственности по делам данной категории определяется на основании положений части 5 статьи 4.5 КоАП РФ в размере двух месяцев.

¹ Приговор Лазаревского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 20.03.2012 по уголовному делу № 1-84/2012 по ст. 151 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

Тема 5. Правовая защита несовершеннолетних от воздействия сведений экстремистского характера

Учебные вопросы:

1. Понятие и содержание информации экстремистского характера.
2. Некоторые проблемы, свойственные для отечественной правовой системы защиты личности и общества от воздействия сведений экстремистского характера.
3. Экстремистские административные правонарушения в сети Интернет: сущность и классификация.

1. Понятие и содержание информации экстремистского характера

Проблема противодействия экстремистской деятельности была и остается для Российской Федерации – государства федеративного многонационального и многоконфессионального – крайне актуальной. Особое значение это направление обеспечения национальной безопасности принимает в условиях ведущегося уже не первый год информационно-внешнеполитического противоборства между Россией и рядом государств.

Создание и эскалация внутренних проблем в иностранном государстве-противнике за счет различий в религиозных взглядах или национальной вражды, – исторически проверенный информационный прием, который в XX и XXI веках активно применялся в таких государствах, как Югославия, Ирак, Афганистан, Украина. Однако, и на это мы бы хотели обратить особое внимание, идеология экстремизма не создается искусственно, заинтересованная сторона лишь поощряет те чувства общества и инстинкты людей, которые обусловлены существующим социально-экономическим положением в стране и самим архетипом человека и опираются на категоризацию «свой-чужой». Экстремистская идеология первична, а ее проявления, в том числе и вызванные извне, – вторичны. Прежде, чем перейти к рассмотрению вопросов противодействия обороту сведений экстремистского характера среди несовершеннолетних, мы предпримем попытку определить некоторые сущностные характеристики внутриорганизационной структуры экстремизма, а затем соотнести их с содержанием нормативных правовых актов, чья цель заключается в противодействии этому деструктивному явлению.

Развитие гражданских прав привело к закреплению в Конституциях развитых государств гарантии равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Данный тезис закреплён и в статье 19 Конституции Российской Федерации. В первую очередь к этой основополагающей идее, как нам представляется, должно быть обращено определение экстремизма,

которое закреплено в статье 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Критическому анализу указанного термина посвящены многие исследования ученых юристов¹, при этом ими неоднократно указывалось на пробельность и прецедентный характер легальных формулировок. Например, до настоящего времени не закреплены критерии определения принадлежности человека к конкретной социальной группе², на прецедентность перечня форм экстремизма указывает тот факт, что рассматриваемый Федеральный закон, являясь по сути сборником правоустанавливающих норм, содержит отсылки к нормам охранительным – пункту «е» части 1 статьи 63 УК РФ (абзац 8 пункта 1 статьи 1) и статье 20.3 КоАП РФ (абзац 9 пункта 1 статьи 1).

Полагаем, эти недостатки обусловлены отсутствием целостного понимания феномена экстремизма, которое можно получить через изучение его обязательных элементов. Деятельностный подход позволяет говорить о наличии в составе этого явления мотива экстремистской деятельности (экстремистской идеологии), субъекта, объекта и собственно самого противоправного действия.

Сущность экстремистской идеологии имеет самые различные трактовки, которые нередко бывает достаточно трудно увязать между собой. Так, Хоровинников А. А. с позиции философии говорит о том, что в экстремизме отражается «деструктивно-деятельностный характер человеческой сущности, направленный на периферию процесса укоренения бытийного статуса», а сам он представляет «специальную форму отчуждения, ориентированную на уничтожение регулярной идентичности»³. Сергун Е. П. с позиции уголовного права определяет экстремистскую идеологию, как систему взглядов и идей, основанную на нетерпимости к основополагающим принципам конституционного строя РФ и охраняемым государством демократическим правам и свободам человека и гражданина»⁴. Сергеева Ю. В. с административно-правовой позиции отмечала, что «основой идеологии экстремизма является мировоззрение определенного индивида или общности людей, составляющих обособленную социальную группу, базирующееся на

¹ См., например: Петрова Т. А. Административно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму в молодежной среде : дис. ... канд. юрид. наук / Т. А. Петрова. – М., 2009. – 219 с.; Фридинский С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России : социально-правовое и криминологическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук / С. Н. Фридинский. – М., 2011. – 366 с.; Хлебушкин А. Г. Экстремизм : уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография / А. Г. Хлебушкин. – Саратов, 2007. – 160 с. и др.

² Хлебушкин А. Г. Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации. Вопросы квалификации и судебная практика: монография / А. Г. Хлебушкин. – М.: Проспект, 2015. – 192 с.

³ Хоровинников А. А. Экстремизм как социальное явление (философский анализ): автореф. дис. ... канд. философ. наук / А. А. Хоровинников. – Саратов, 2007. – С. 8.

⁴ Сергун Е. П. Экстремизм в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. П. Сергун. – Тамбов, 2009. – С. 9.

национальном, расовом, религиозном, социальном, политическом превосходстве, и являющееся мотивом для совершения противоправных действий»¹. Отмечая последнее умозаключение в качестве наиболее близкого автору, хотелось бы сделать ремарку относительно того, что экстремистская идеология может формироваться на базе тезиса как о превосходстве одной группы, так и об ущербности другой. При этом обязательными признаками ее будут деструктивность (дезорганизирующий характер) и противоправность.

Субъектом экстремистской деятельности может выступать индивид или группа людей, в силу индивидуально-психологических (в том числе, обусловленных возрастом), социально-экономических, культурных и иных причин восприимчивых к экстремистской идеологии.

Объект, против которого формируется экстремистская идеология, на наш взгляд, имеет основополагающее значение при юридической квалификации последующего деяния в качестве экстремистского. При этом следует понимать, что этот объект не всегда совпадает с объектом посягательства в рамках экстремистской деятельности. В научной литературе встречаются кардинально противоположные мнения об объекте экстремистской идеологии. Одни выделяют в качестве таковых публичную власть (ее структурные элементы), либо социальную группу, либо одновременно оба этих объекта. Другие называют в качестве объекта экстремизма основы конституционного строя Российской Федерации, которые закреплены в главе 1 Конституции России. Предпримем попытку объединить эти мнения и найти «золотую середину».

Говоря о социально-политической дискриминации, следует понимать, что сама классификация ее объектов достаточно условна, так как нередко экстремистские проявления в отношении социальной группы сопровождаются недовольством государственной политикой, защищающей эту группу и противодействующей экстремистской деятельности. Так, Пролетенкова С. Е. справедливо отмечала, что «целью любой из разновидностей современного экстремизма является, помимо решения конкретных идеологических потребностей, желание заявить о себе в обществе, подорвать его ценностные ориентиры, что и переводит явление в политическую плоскость». Вместе с тем ею же применительно к религиозному экстремизму отмечено, что не всегда он преследует политические мотивы, в отдельных случаях формируясь «на основе деструктивной религиозности отдельных религиозных групп и сект»². Башкиров Н. В., взяв за «точку отсчета» политический экстремизм, отмечал противоположную динамику процесса дискриминации, называя среди форм

¹ Сергеева Ю. В. Административно-правовое регулирование противодействия молодежному экстремизму органами внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук / Ю. В. Сергеева. – М., 2014. – С. 10-11.

² Пролетенкова С. Е. Административно-правовое регулирование противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. Е. Пролетенкова. – М., 2013. – С. 32.

его проявления социально-правовой нигилизм¹. На наш взгляд, тесная взаимосвязь общества и власти в демократическом государстве очевидна, однако этот факт не является преградой для разделения их в качестве самостоятельных участников правоотношений, не должен вводить в заблуждение при классификации социальных страт и публичной власти в качестве самостоятельных целевых объектов экстремистской идеологии.

Применительно к социальной дискриминации мы хотели бы сделать одну ремарку. Отечественная история знает пример коренного слома существовавшей на протяжении нескольких веков системы государственного управления под воздействием идеи К. Маркса о классовом противостоянии, поддержанной широкими массами политически активных субъектов. Вместе с тем сегодня классовая напряженность в обществе не включает в себе столь серьезной угрозы, при этом ранее не признававшийся столь опасным религиозный экстремизм вышел в последние годы на первый план. Иными словами, социальный экстремизм, в отличие от публично-властного, отличается многообразием и непостоянством форм проявления, будучи обусловлен географическим положением, уровнем экономического и культурного развития и даже климатическими условиями конкретного государства. На наш взгляд, применительно к понятию и содержанию социального экстремизма следует применить юридическую фикцию, при которой теоретическим социальным экстремизмом будет признаваться любая противоправная дискриминация в отношении группы людей по любому признаку социальной градации, а фактическим экстремизмом – дискриминация лишь по тем признакам, которые в настоящее время на территории конкретной страны вызывают наибольшую социальную напряженность, обуславливающую повышенную общественную опасность экстремистских проявлений. Фактический экстремизм вычленяется из теоретического посредством официального государственного осуждения этой деятельности через установление юридической ответственности.

Далее рассмотрим основы конституционного строя как возможный объект посягательства экстремистской идеологии. В числе этих конституционных принципов обычно выделяются: человек, его права и свободы, как высшая ценность; демократия; федерализм; правовой, социальный и светский характер государства; народовластие, государственный суверенитет и территориальная целостность; республиканская форма правления; экономические основы конституционного строя, выражающиеся в свободе экономической деятельности². Зададимся вопросом, всегда ли экстремистские организации ставят перед собой столь «высокую» цель – изменение основ конституционного строя? Полагаем, что нет. Например, молодежный экстремизм нередко представляет из себя лишь

¹ Башкиров Н. В. Меры административно-правового противодействия политическому экстремизму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Башкиров. – М., 2005. – С. 12.

² Безруков А. В. Конституционное право России: учебное пособие / А. В. Безруков. – М.: Юстицинформ, 2015. – С. 19-21.

протест и браваду, обусловленные психологическим стремлением обозначить свой статус в социуме посредством дискриминации «чужой» группы людей. Такой группой могут быть как учащиеся соседней школы или болельщики спортивной команды-противника, так и иностранцы или иноверцы. Криминологические исследования говорят о том, что свидетелями или участниками конфликтных ситуаций на почве разной национальной или религиозной принадлежности становятся более трети школьников¹. Можно ли считать, что своими действиями эти лица посягают на основы конституционного строя?

При определенном допущении можно предположить, что дискриминация одной социальной группы (установление идеи превосходства другой над остальными) посягает на человека, его права и свободы, как одну из основ конституционного строя. Однако доля условности этого тезиса, на наш взгляд, чрезмерно высока. Большая часть административных правонарушений и преступлений посягают на права и свободы граждан, и при подобном допущении все эти составы пришлось бы признать экстремистскими. Например, совершение хищений из квартир, – как дискриминацию собственников жилья, угонов, – собственников транспортных средств, вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность, – дискриминация прав лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста и т.д. Очевидно, что такое положение является юридическим фарсом.

С другой стороны, следует понимать, что международный религиозный терроризм, чья идеология является экстремистской, зачастую нацелен не просто на закрепление превосходства одной религиозной группы, а именно на изменение основ конституционного строя – исключения принципа светскости публичной власти, подмену закона «правом религии» и т.д. Лишь через посягательство на суверенитет и территориальную целостность, как основы конституционного строя, можно определить экстремистский потенциал сепаратизма. Обратим внимание на юридическую лексику, использованную при формулировке абзаца 2 части 1 статьи 1 ФЗ о противодействии экстремизму: «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации». Полагаем, применительно к основам конституционного строя, как объекту экстремизма, применима только категория «насильственное изменение» при ее строгой трактовке. Таким образом, запрещающие дискриминацию положения статьи 19 Конституции России могут быть насильственно изменены лишь посредством государственного переворота или иного захвата власти, что следует отличать от поправок реализации конституционно-правовых установлений в рамках конкретного деликта.

Специалисты в области конституционного права отмечают, что правовые принципы, выступающие основой конституционного строя, не

¹ Соловьев В. С. Криминологическая диагностика масштабов школьного насилия (по материалам анонимного Интернет-опроса школьников) / В. С. Соловьев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. – 2014. – № 4 (19). – С. 224.

являются самодостаточными, а лишь «в совокупности конституируют Российское государство», дополняют и корректируют друг друга¹. Применительно к определению перечня объектов экстремистской идеологии мы считаем допустимым отойти от этого тезиса и постулировать идею о том, что непосредственными объектами таковой из числа принципов конституционного строя могут выступать демократия и народовластие, федерализм, суверенитет и территориальная целостность, республиканская форма правления, правовой, социальный и светский характер государства, многообразие форм собственности, а также сама Конституция России, как документ, определяющий правовой статус человека и органов власти.

Таким образом, нами предлагается выделить три разновидности объектов экстремистской идеологии:

1) дискриминируемая социальная группа, выделяемая из общества по какому-либо признаку;

2) диффаматируемая или противоправно саботируемая публичная власть или ее структурные элементы;

3) подлежащие насильственному изменению принципы демократии и народовластия, федерализма, суверенитета и территориальной целостности, республиканской формы правления, правового, социального и светского государства, многообразия форм собственности, а также сама Конституция России.

Последним элементом экстремизма выступает сама деятельность, посредством которой субъектом реализуется противоправный умысел, обусловленный деструктивной идеологией. Ранее мы уже отмечали прецедентность закрепленных в статье 1 ФЗ о противодействии экстремистской деятельности 13 форм ее проявления. Полагаем, следует несколько абстрагироваться от этого перечня и провести собственную классификацию, опирающуюся на виды объектов экстремизма, а также на разделение всех форм экстремизма на основную и обеспечивающую деятельность. К последней мы отнесем информационное и иное обеспечение реализации основных форм экстремизма. Не изменяя сущности закрепленных в статье 1 рассматриваемого закона видов деятельности, нами получена следующая классификация:

1. Основные формы дискриминации социальной группы, выделяемой из общества по какому-либо признаку:

– нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы

– воспрепятствование законной деятельности общественных и религиозных объединений или иных организаций по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или

¹ Конституционное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. С. И. Носова. – М.: Статут, 2014. – С. 30.

вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

2. Основные формы диффамации или противоправного саботажа публичной власти, ее структурных элементов, государственных служащих:

- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления по мотивам политической ненависти или вражды, соединенное с насилием либо угрозой его применения,

- публичное заведомо ложное обвинение в совершении преступления или административного правонарушения лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, по мотивам политической ненависти или вражды, а равно в целях подрыва служебной репутации органа власти и (или) дезорганизации осуществляемой им государственно-властной деятельности;

3. Основные формы экстремистской деятельности, посягающие на основы конституционного строя Российской Федерации:

- насильственное изменение принципов демократии и народовластия, федерализма, суверенитета и территориальной целостности, республиканской формы правления, правового, социального и светского государства, многообразия форм собственности, а также Конституции России;

- террористическая деятельность, содержание которой определено в статье 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»;

- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, а равно воспрепятствование законной деятельности избирательных комиссий соединенные с насилием либо угрозой его применения;

4. Информационное обеспечение основных форм экстремистской деятельности, осуществляемое через:

- возбуждение ненависти и вражды к человеку, а равно пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по его расовой, национальной, религиозной, идеологической, языковой принадлежности или его принадлежности к иной социальной группе;

- изготовление, хранение, передачу, распространение, пропаганду и публичное демонстрирование экстремистских материалов, символики и атрибутики нацизма, фашизма и экстремистских организаций, в том числе символики и атрибутики, сходных с таковыми до степени смешения;

- публичное оправдание или призыв к осуществлению указанных деяний;

5. Финансовое, материально-техническое, полиграфическое, информационно-коммуникационное или иное организационное обеспечение реализации основных форм экстремистской деятельности либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлению.

В рамках предложенной классификации были модернизированы некоторые позиции действующего законодательства, что требует пояснений.

Во-первых, категория «возбуждение ненависти и вражды к человеку, а равно пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по его расовой, национальной, религиозной, идеологической, языковой принадлежности или его принадлежности к иной социальной группе» была сформирована из абзацев 4 и 5 части 1 статьи 1 ФЗ о противодействии экстремистской деятельности, так как эти пункты имеют общую социально-дискриминационную природу.

Во-вторых, существенной редакции мы подвергли абзац 12, который определял в качестве формы экстремизма «публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением». Полагаем, сам факт клеветы на государственного служащего независимо от того, в чем он публично обвиняется, не может свидетельствовать об экстремистском подтексте этого действия. Лицо может преследовать корыстные интересы или быть движимо личными неприязненными отношениями к чиновнику, при этом избрать первый попавшийся состав преступления для ложного обвинения. С тем же успехом можно было бы признавать коррупционером лицо, ложно обвинившее государственного служащего в получении взятки. На наш взгляд, важен не состав деликта, а мотив обвинения. Для квалификации диффамации в качестве экстремистской деятельности, это публичное заявление должно быть осуществлено с целью подрыва служебной репутации органа власти и (или) дезорганизации осуществляемой им государственно-властной деятельности. Помимо того, считаем, что определенным дезорганизующим и диффамационным потенциалом обладают не только обвинения в совершении преступлений, но и административных правонарушений.

В-третьих, по аналогичным причинам неоправданно широкой нам представляется формулировка абзаца 8 той же статьи: «воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения». Именно мотив воспрепятствования деятельности, например, общественной организации обуславливает ее дискриминационность. В разработанном перечне форм экстремистской деятельности нами сделана соответствующая корректировка.

В-четвертых, неуместным представляется нам использование в рассматриваемом Законе бланкетно-отсылочных норм на нормы УК РФ (абзац 9 части 1 статьи 1). Полагаем, достаточно полное описание содержания и форм выражения экстремизма позволяет отказаться от использования этого приема юридической техники в рамках позитивной нормы права.

В-пятых, нами были систематизированы и объединены содержащиеся в рассматриваемой норме права способы оборота информации экстремистского характера и формы информационного обеспечения экстремистской деятельности. Подобная унификация будет способствовать

установлению прочных связей между нормами исследуемого закона и иными нормативными правовыми актами, такими как Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Кроме того, предложенная формулировка, как нам представляется, существенно упрощает восприятие текста ФЗ о противодействии экстремизма, что обеспечивает его доступность для лиц, не обладающих специальными знаниями в области юриспруденции.

2. Некоторые проблемы, свойственные для отечественной правовой системы защиты личности и общества от воздействия сведений экстремистского характера

1. Отсутствие четкого определения термина «экстремизм». На эту проблему отечественные ученые-юристы обращали внимание неоднократно, однако несмотря на несколько предложенных ими определений этого социально-правового явления, до настоящего времени в статье 1 Федерального закона от 25.06.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» содержится «прецедентная» трактовка экстремизма через перечисление основных форм этой деятельности.

Простой контент-анализ составов Кодекса РФ об административных правонарушениях позволяет выявить некоторые противоречия в рассматриваемой сфере. Так, категория «экстремистские материалы» используется в статьях 13.15, 20.3 и 20.29 КоАП РФ. Помимо того, согласно пункту 5 части 2 статьи 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» к запрещенной для распространения среди детей относится информация, оправдывающая противоправное поведение. Следовательно, к этой же сфере следует отнести и состав административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.17 «Нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию». Какова же ситуация с применением этих норм? Она характеризуется рядом проблем. Во-первых, вопросы разграничения квалификации указанных составов практически не изучены, что вызывает серьезные проблемы у правоприменителя.

Во-вторых, категория «нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии» имеет чрезвычайно широкую трактовку, в связи с чем возникают прецеденты, когда за распространение сведений экстремистского характера привлекают редактора газеты и лицо, которое направило в нее объявление о сдаче в поднаем квартиры «русской семье»¹. Отсутствие законодательного разграничения между экстремизмом и правомерным предпочтением или

¹ Прокуратура сочла экстремизмом объявление «сдам квартиру русской семье» и вынесло газете официальное предупреждение [Электронный ресурс] // URL: <http://news2.ru/story/281969> (дата обращения: 20.04.2015).

объективным умозаключением предоставляет правоприменителю чрезмерно широкие полномочия по трактовке закона.

В-третьих, использование в статье 20.29 КоАП РФ термина «Массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов» с одной стороны расширительно трактует правоустанавливающую норму, отказываясь по сути от признака заведомости, однако с другой сужает ее содержание, устанавливая ответственность только за оборот информации, уже признанной экстремистской. Помимо того, тавтологией представляется использование словосочетания «массовое распространение».

В-четвертых, вызывает определенную тревогу противоречия при толковании статьи 20.3 КоАП РФ. Ярким примером такового является недавнее решение Роскомнадзора не расценивать демонстрацию нацистской символики без целей пропаганды в качестве административного правонарушения¹. Примечательно, что буквально накануне публикации рассматриваемого пресс-релиза, Конституционный суд РФ подтвердил противоправный статус демонстрации свастики независимо от используемого контекста². Загвоздка заключается в том, что ФЗ № 114 запрещает пропаганду и публичное демонстрирование соответствующей атрибутики или символики, в то время как статья 20.3 КоАП РФ признает административно наказуемым «пропаганду *либо* публичное демонстрирование». Проводившие лексико-юридическое исследование по заказу Роскомнадзора специалисты посчитали, что использование союза «либо» вместо «и» – лексическая ошибка, которая позволяет выходить правоохранительным органам за пределы запрета, установленного ФЗ № 144. Однако это мнение представляется нам спорным по трем причинам:

1) далеко не все статьи Особенной части КоАП РФ непосредственно опираются на правоустанавливающие нормы отраслевого законодательства;

2) кодифицированное законодательство стоит в иерархической лестнице юридической силы нормативных актов никак не ниже отраслевого законодательства;

3) говорить о неумышленной ошибке использования союза «либо» вряд ли можно, ведь в исходной версии диспозиция статьи 20.3 КоАП РФ содержала именно союз «и», однако в 2012 году статья подверглась корректировке, в рамках которой и появился союз «либо».

Справедливость позиции Роскомнадзора не вызывает сомнения, однако возникает логичный вопрос: на каком основании Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций взяла на себя функцию толкования статьи 20.3 КоАП РФ? Для

¹ Демонстрация нацистской символики без целей пропаганды не должна трактоваться как нарушение закона о противодействии экстремизму: Официальный сайт Роскомнадзора [Электронный ресурс] // URL: <http://rkn.gov.ru/news/rsoc/news31736.htm> (дата обращения: 20.04.2015).

² «Вань» вне закона: Официальный сайт «Российская газета» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rg.ru/2015/03/04/svastika.html> (дата обращения: 20.04.2015).

ответа на этот вопрос следует соотнести нормы Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и административно-деликтного законодательства. Первый нормативный акт относит к экстремистской деятельности, в том числе, «пропаганду и публичное демонстрирование» нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций. В то же время статья 20.3 КоАП РФ признает административно наказуемым «пропаганду либо публичное демонстрирование» тех же объектов. Дьявол, согласно известному афоризму, кроется в деталях. В данном случае деталью является использование союзов «и» / «либо». Следует отметить, что существующая формулировка диспозиции статьи 20.3 КоАП РФ была заимствована из утратившего силу Закона города Москвы от 15.01.1997 № 1 «Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории города Москвы»¹. Этот комплексный нормативный акт, помимо ответственности, устанавливал также и пределы ее применения, которые сводились к «декриминализации» случаев воспроизведения «нацистской (фашистской) символики в рамках художественных или научных фильмов и публикаций, осуждающих фашизм либо излагающих исторические события, а также отображающих культовые обряды, традиции с использованием знаков национальной геральдической символики России и других стран, когда соответствующая символика не может рассматриваться в качестве нацистской (фашистской)». Инкорпорировать эту норму законодатель в КоАП РФ не мог, рассчитывая, видимо, включить ее в законодательство об экстремизме. Однако, и этого не произошло.

При отказе в возбуждении административного производства по факту использования запрещенной атрибутики и символики в научной и художественной информационной продукции правоприменитель порой апеллирует к положениям Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов»², однако при изучении данного нормативного акта нами не выявлено каких-либо юридических оснований для принятия подобных решений. Более того, абзац 3 статьи 6 данного нормативного акта запрещает пропаганду либо публичное демонстрирование «атрибутики или символики организаций, сотрудничавших (выделено мной – К.Р.) с группами, организациями, движениями или лицами, признанными преступными либо виновными в совершении преступлений в соответствии с приговором...

¹ Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории города Москвы: закон города Москвы от 15.01.1997 № 1 – утратил силу [электронный ресурс] // http://www.lawrussia.ru/texts/legal_884/doc884a880x748.htm (дата обращения: 15.04.2015).

² Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов: федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Нюрнбергского трибунала либо приговорами..., основанными на приговоре... Нюрнбергского трибунала либо вынесенными в период Великой Отечественной войны, Второй мировой войны», то есть расширяет перечень запрещенной к распространению символики и атрибутики.

Наиболее уместное для рассматриваемой сферы правоотношений толкование категории «организация» дано в статье 11 части 1 Налогового кодекса РФ от 31.07.1998 № 146-ФЗ: «организации – юридические лица, образованные в соответствии с законодательством Российской Федерации (далее - российские организации), а также иностранные юридические лица, компании и другие корпоративные образования, обладающие гражданской правоспособностью, созданные в соответствии с законодательством иностранных государств, международные организации, филиалы и представительства указанных иностранных лиц и международных организаций, созданные на территории Российской Федерации»¹. Что при этом следует признавать сотрудничеством? Предположим, речь идет о материально-финансовых взаимоотношениях (в том числе – помощи), а также непосредственном участии и (или) содействии в совершении деяний, признанных приговором Нюрнбергского трибунала преступными. В таком случае под признаки рассматриваемых «организаций-соучастников», например, могут подойти известные компании- автопроизводители. Вряд ли законодатель ставил перед собой цель запретить логотипы этих юридических лиц.

Далее предположим, что административная ответственность за подобные действия охватывается составом административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.3 КоАП РФ, в рамках формулировки «иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами». В таком случае принятое во исполнение статьи 6 Федерального закона от 19.05.1995 № 80-ФЗ Постановление Правительства РФ от 11.06.2015 № 574 «Об утверждении Правил определения перечня организаций, указанных в частях третьей и четвертой статьи 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов», а также атрибутики и символики этих организаций»² должно разъяснить порядок признания символики и атрибутики, запрещенной к обороту. Пункт «б» части 4 данного нормативного документа декларирует правило, согласно которому Минюст России включает атрибутику и символику названных организаций в перечень «в случае представления федеральными органами государственной власти официальных документов (в том числе иностранных) и (или) копий постановлений судов о назначении административного наказания за

¹ Налоговый кодекс РФ (ч. 1) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Правил определения перечня организаций, указанных в частях третьей и четвертой статьи 6 Федерального закона "Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов", а также атрибутики и символики этих организаций: постановление Правительства РФ от 11.06.2015 № 574 // СПС «КонсультантПлюс».

совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.3 КоАП РФ, подтверждающих принадлежность атрибутики и символики организациям». Следует понимать, что ни правоохранительные органы, ни суды самоуправно не будут квалифицировать демонстрацию символики рассматриваемых организаций в качестве противоправной до внесения самой организации в перечень, в то время как для внесения ее в перечень вариативно требуется факт привлечения лица к ответственности по статье 20.3 КоАП РФ. Круг замкнулся. Причем для включения в перечень недостаточно лишь судебного постановления по делу, так как инициатором такого могут быть лишь федеральные органы государственной власти.

Таким образом, неконкретность и некоторые лексические ошибки привели нас к ситуации, когда административно-деликтное законодательство стало противоречить правоустановительной норме ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», а безмолвствие по этому поводу законодателя привело к толкованию норм КоАП РФ федеральным органом исполнительной власти, что безусловно является превышением возложенных на него полномочий.

Подводя предварительный итог сказанному, хотелось бы сформулировать основную, на наш взгляд, проблему правового регулирования в рассматриваемой сфере, которая имеет непосредственное негативное влияние на правоприменительную практику, – это реакционность формирования нормативной правовой базы противодействия экстремизму. Значимость обеспечения национальной безопасности в рассматриваемой сфере диктует необходимость проведения кардинальной ревизии всех законодательных и подзаконных норм, касающихся противодействию экстремизму. Лишь единообразный и взвешенный подход позволит урегулировать эту совокупность общественных отношений.

3. Экстремистские административные правонарушения в сети Интернет: сущность и классификация

Ранее мы отмечали, что все внешние проявления экстремизма могут быть разделены на следующие группы:

- 1) дискриминация выделяемой из общества по какому-либо признаку социальной группы;
- 2) диффамация или противоправный саботаж публичной власти, ее структурных элементов, государственных служащих;
- 3) посягательство на основы конституционного строя Российской Федерации;
- 4) информационное обеспечение указанных выше форм экстремистской деятельности;
- 5) финансовое, материально-техническое, полиграфическое, информационно-коммуникационное или иное организационное обеспечение реализации указанных выше форм экстремистской деятельности либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлению.

Каждая из перечисленных групп включает несколько конкретных форм проявления экстремизма, однако для нас наиболее интересна четвертая группа, так как отнесенные к ней деяния имеют идеальный (не материальный) характер, что обуславливает возможность их реализации с использованием сети Интернет. Это:

- возбуждение ненависти и вражды к человеку, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по его расовой, национальной, религиозной, идеологической, языковой принадлежности или его принадлежности к иной социальной группе;
- оборот материалов и иной информации, которая в соответствии с законом признана экстремистской;
- публичное оправдание или призыв к осуществлению экстремистской деятельности.

Данное разделение в определенной мере условно, так как сложность и многогранность общественных отношений, которые связаны с экстремистской деятельностью, не позволяют провести четких граней. Так, квалифицируемый в рамках статьи 13.15 КоАП РФ деликт (злоупотребление свободой массовой информации) в зависимости от содержания распространяемых сведений может быть отнесен к любой из трех групп, а порой и ко всем трем одновременно. С учетом данного тезиса нами предлагается следующая классификация административных правонарушений по указанным группам:

К первой группе следует отнести составы статьи 5.26 КоАП РФ «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях», статьи 5.62 КоАП РФ «Дискриминация» и статьи 13.11.1 «Распространение информации о свободных рабочих местах или вакантных должностях, содержащей ограничения дискриминационного характера».

Ко второй группе считаем правильным отнести составы, предусмотренные следующими нормами КоАП РФ:

- частью 2 статьи 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации», которой предусмотрена ответственность за распространение сведений об общественном объединении или иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете и внесенных в соответствующий перечень;
- части 1 и 2 статьи 20.3, которые обосновывают наказуемость пропаганды, публичного демонстрирования, а также осуществленных в этих целях изготовления, сбыта либо приобретения атрибутики или символики, в том числе нацистской или схожей с нацистской до степени смешения, публичное демонстрирование которых запрещено;
- статьей 20.29, которой предусмотрена ответственность за распространение, а также осуществленные в этих целях производство либо хранение, экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов.

К третьей группе возможно отнести ряд правонарушений, некоторые из которых могут быть признаны экстремистскими в зависимости от конкретной ситуации. К таковым, например, следует отнести составы статьи 5.8 КоАП РФ «Нарушение предусмотренных законодательством о выборах и референдумах порядка и условий проведения предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума на каналах организаций, осуществляющих теле- и (или) радиовещание, и в периодических печатных изданиях», части 1 статьи 13.21 КоАП РФ «Нарушение порядка изготовления или распространения продукции средства массовой информации», статьи 17.10 КоАП РФ «Незаконные действия по отношению к государственным символам РФ», части 4 статьи 20.27 КоАП РФ «Нарушение правового режима контртеррористической операции».

Прямо могут быть отнесены к данной группе лишь пять составов административных правонарушений:

– распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, либо публичное осквернение символов воинской славы России (часть 4 статьи 13.15 КоАП РФ);

– распространение сведений, содержащих инструкции по самодельному изготовлению взрывчатых веществ и взрывных устройств (часть 5 статьи 13.15 КоАП РФ);

– производство либо выпуск продукции СМИ, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, материалы, публично оправдывающие терроризм, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности (часть 6 статьи 13.15 КоАП РФ);

– организация или участие в функционировании общественного или религиозного объединения, деятельность которого приостановлена на законных основаниях (часть 1 статьи 20.28 КоАП РФ);

– организация или участие в функционировании некоммерческой организации-иностранного агента, деятельность которого приостановлена на законных основаниях (часть 1 статьи 20.28 КоАП РФ).

Приведенная классификация не претендует на признание единственно верной или наиболее универсальной. Так, административные правонарушения в рассматриваемой сфере по форме объективной стороны можно разделить на две группы:

1) правонарушения, объективная сторона которых заключается в осуществлении действий экстремистского характера;

2) правонарушения, реализация объективной стороны которых потенциально может повлечь распространение информации экстремистского характера или способствует распространению таковой.

К первой группе следует отнести правонарушения, предусмотренные следующими статьями КоАП РФ: статьей 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях»;

статьей 5.62 «Дискриминация»; статьей 13.11.1 «Распространение информации о свободных рабочих местах или вакантных должностях, содержащей ограничения дискриминационного характера»; статьей 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики»; статьей 20.29 «Производство и распространение экстремистских материалов».

Ко второй группе следует отнести правонарушения, предусмотренные следующими нормами КоАП РФ: статьей 5.8 «Нарушение предусмотренных законодательством о выборах и референдумах порядка и условий проведения предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума на каналах организаций, осуществляющих теле- и (или) радиовещание, и в периодических печатных изданиях», статьей 5.12 «Изготовление, распространение или размещение агитационных материалов с нарушением требований законодательства о выборах и референдумах», частью 2 статьи 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации»; статьей 13.21 «Нарушение порядка изготовления или распространения продукции средства массовой информации»; статьей 17.10 «Незаконные действия по отношению к государственным символам РФ»; статьей 20.28 «Организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности».

Представленные классификации экстремистских административных деликтов, совершение которых возможно с использованием Интернет, имеет сугубо научно-теоретический характер, однако опираясь на ее положения возможно выявить некоторые закономерности формирования умысла и избрания способа совершения подобных правонарушений, а следовательно, сформулировать на ее основе рекомендации по профилактике совершения и выявлению административных деликтов, связанных с осуществлением экстремистской деятельности.

Применение полицией административно-правовых мер по противодействию экстремизму в молодежной среде. Осуществляемое в рамках административной деятельности полиции противодействие обороту информации экстремистского характера на современном этапе развития российского государства представляется крайне важным. Криминологическими исследованиями установлено, что распространенными является проявления экстремизма в форме имплицитной реакции коренного населения (постоянно проживающего на определенной местности) на интенсивную миграцию, на появление конкурирующей рабочей силы, демпингующей на рынке труда за счет более низких ожиданий оплаты труда. Фактически преступления экстремистской направленности представляют собою реакцию коренного населения на наличие в нем «не ассоциированных членов». Согласно материалам судебной практики, сегментация общества происходит по наиболее очевидным признакам – внешность и язык, отличные от общераспространенных, как правило «славянская» внешность и «русский язык». Причины негативного отношения со стороны коренного населения к мигрантам заключаются в том, что они не обладают минимальными знаниями

русского языка, не осведомлены о положениях законодательства и не соблюдают элементарные правила поведения¹.

Социологи признают, что в молодежной, особенно подростковой, среде деление на «своих» и «чужих» происходит по иным, чем у взрослых основаниям. Большое значение в этом имеют субкультурные факторы. Принадлежность к той или иной субкультуре сопровождается противостоянием традиционной культуре, эпатажем ее образцов и носителей. «Чужие» могут стать «врагами» только потому, что они другие. Не важно, живут ли в другом дворе, приехали ли из другого города, имеют ли другую национальность, веру, внешность. Поэтому социокультурные особенности среды общения являются значимым фактором формирования экстремального типа сознания молодежи². Именно в силу этих причин распространение экстремистских настроений в молодежной среде существенно повышает общественную опасность этого явления и усугубляет социальные последствия.

Все перечисленные криминологические особенности экстремистских проявлений в молодежной среде ставят перед государством задачу по разработке эффективных уголовно-правовых и административно-правовых мер противодействия этому негативному социальному явлению. К сожалению, существующие в настоящее время меры, направленные на недопущение распространения сведений экстремистского характера, не в полной мере отвечают социальным реалиям и не способны защитить общество от экстремизма. Не отличается эффективностью и механизм применения этих мер.

Причины подобного положения дел кроются, на наш взгляд, в правоустановительной сфере. Нечеткость определения таких категорий, как «сведения экстремистского характера» и «экстремизм» не позволяют выстроить стройную систему административной и уголовной ответственности, оставляя ее формирование на откуп политической конъюнктуры³.

Не отличается совершенством и административно-деликтное законодательство, обеспечивающее запрет экстремистских действий, в том числе оборот информации экстремистского характера. Изучение содержания составов подобных административных правонарушений указывает на определенный дисбаланс правовой защиты, при которой охране права на свободу совести и свободу вероисповедания уделяется приоритетное

¹ Халлиулина Л. И. Экстремизм. Обзор судебной практики за последние годы [Электронный ресурс]. URL: <http://rospravosudie.com/society/extremizm> (дата обращения 01.10.2013).

² Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 37-46.

³ Рыдченко К. Д., Соловьев В. С. Правовые меры противодействия экстремизму в молодежной среде / К. Д. Рыдченко, В. С. Соловьев // Вестник Воронежского института МВД России. – 2013. – № 4. – С. 33-40.

внимание. Вместе с тем статья 19 Конституции России декларирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Логично предположить, что по общему правилу дискриминационные проявления на основе указанных социальных критериев должны иметь симметричную правовую защиту, однако это не так. В частности, статья 5.26 КоАП РФ и статья 148 УК РФ обеспечивают правовую защиту от экстремистских проявлений религиозного характера. Сложившееся положение вещей, на наш взгляд, обусловлено чрезвычайной политизированностью процесса деликтного нормотворчества, исходящего не из интересов формирования сбалансированной системы законодательства, а из необходимости урегулировать единичный прецедент, вызвавший широкий общественный резонанс. Данные негативные тенденции следует преодолеть.

Во-первых, внесенные Федеральным законом «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» дополнения следует признать недостаточно проработанными. Действуя в режиме исполнения общественно-политического заказа, законодатель не обратил внимание на тот факт, что дополнение статьи 148 УК РФ частями 1 и 2, предусматривающими ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, de-facto является пересмотром общественной опасности административного правонарушения, предусмотренного статьей 5.26 КоАП РФ «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях». В результате, часть 2 данной статьи, предусматривающая ответственность за оскорбление религиозных чувств граждан либо осквернение почитаемых ими предметов, знаков и эмблем мировоззренческой символики вообще не может быть применена в связи с доминантой уголовного законодательства над административным. Следует устранить выявленную коллизию, исключив из статьи 5.26 КоАП РФ часть 2 и дополнив диспозицию части 1 статьи фразой «, если такое деяние не влечет уголовной ответственности».

Во-вторых, считаем возможным провести градацию дискриминационных действий в рассматриваемой сфере на основе способа распространения информации об экстремистской деятельности. Вряд ли так называемый «панк-молебен» группы «Pussy Riot» вызвал столь широкий резонанс, если бы его фрагменты не транслировались средствами массовой информации и коммуникации. Взяв за основу юридико-лексическую форму диспозиции статьи 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», нами предлагается разграничить «простое публичное действие» от «публичного действия с использованием средств массовой информации и коммуникации». Во втором случае состав

административного правонарушения или преступления экстремистского характера должен быть квалифицированным и предусматривать более суровое наказание.

В-третьих, для более эффективной профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде следует установить механизм раннего выявления и пресечения соответствующих правонарушений. В частности, статьи 280 и 282 УК РФ в качестве обязательного признака предусматривают публичность распространения экстремистской информации, что позволяет расширить административно-правовую сферу защиты, распространив ее на случаи персонального возбуждения ненависти либо вражды по какому-либо социальному признаку, а также случаи непубличных призывов к осуществлению экстремистской деятельности.

В-четвертых, как и преступления, многие административные правонарушения могут быть совершены по дискриминационным мотивам. Однако, часть 1 статьи 4.3 КоАП РФ не относит такой мотив к обстоятельствам, отягчающими административную ответственность. Используя аналогию права, считаем необходимым дополнить часть 1 статьи 4.3 КоАП РФ пунктом 7 в следующей редакции: *«7) совершение административного правонарушения по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы»*.

Подводя итог, следует констатировать существенные проблемы при установлении и реализации правовых мер противодействия экстремизму. Предложенные нами дополнения и поправки законодательных актов не претендуют на всеобъемлющий охват проблемы правовой борьбы с этим явлением, имея целью оперативную корректировку базовых составов правонарушений. Их реализация, на наш взгляд, будет способствовать повышению эффективности противодействия экстремистским проявлениям в молодежной среде, однако выработки стратегии осуществления этой деятельности необходима масштабная правовая ревизия действующих норм КоАП РФ и УК РФ, использование единого терминологического аппарата и единого объектового охвата.

Тема 6. Правовая защита детей от воздействия информации деструктивного характера. Профилактика суицидов в среде несовершеннолетних

Учебные вопросы:

1. Информационные способы противодействия суицидальной идеологии в школьной среде.
2. Организационно-правовые формы защиты несовершеннолетних от сведений деструктивного характера на региональном уровне.

1. Информационные способы противодействия суицидальной идеологии в школьной среде

Суицид-идеология среди несовершеннолетних появилась в России относительно недавно, хотя еще два десятилетия назад имели место отдельные субкультуры (эмо, сатанисты и т.д.), почитавшие культ смерти. Ребенок, особенно в пубертатном периоде, одновременно отдаляется от родителей и становится более восприимчив на критику, его легко вывести из состояния психофизиологического спокойствия, а любые неудачи интерпретируются зачастую чрезмерно фатально. Как и любое новое поведенческое явление требует оценки с позиции закона и принятия соответствующих решений. Относительно недавно УК РФ был дополнен статьями, вводящими ответственность, в том числе, за склонение несовершеннолетнего к суициду. Вместе с тем, основную сложность у правоприменителя вызывают именно организационно-процедурные, а не правовые аспекты борьбы с суицидами несовершеннолетних.

Заслуживает внимания опыт МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 11» г. Калуги. Там создана и функционирует «Школьная служба примирения (медиации)», которая способствует расширению знаний о применении методов примирительных процедур в процессе разрешения конфликтов. Под медиацией понимается процесс, в ходе которого участники конфликта через посредничество одного или нескольких независимых и нейтральных лиц (медиаторов) приходят к соглашению по спорным вопросам, причем медиатор не имеет никакого права вмешиваться в деятельность сторон и склонять их к какому-либо решению.

Основанием практики этой службы является идея восстановительного правосудия, а шире – подхода, который предполагает восстановление отношений, разрушенных в ходе конфликтов, насилия, буллинга, преступлений.

Школьная медиация МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 11» г. Калуги придерживается профилактической модели службы, одним из приоритетных направлений работы является профилактика суицидального поведения. В состав школьной службы примирения включаются учащиеся, родители, педагоги-психологи и классные руководители.

В профилактике суицидов среди подростков одной из самых важных составляющих является умение родителей установить доверительные

отношения с детьми, что не всегда дается легко, нередко школа сталкивается с минимизацией детско-родительских отношений, отстранением родителей от решения проблем их детей. Включение родителей в состав школьной службы примирения позволило привлечь их к решению конфликтов внутри семей. Родители-медиаторы, принимают участие и в профилактической работе, выступая на родительских собраниях, рассказывают о детских проблемах и возможностях их благополучного разрешения, делятся опытом по выбору стратегии установления конструктивного взаимоотношения с детьми.

Классные руководители всегда были включены в профилактическую работу школы, обучение их медиативным технологиям позволяет избежать ошибок в общении учителя с детьми, тем самым обеспечивая их «комфортное» общение. Профилактика суицидального поведения подростков также осуществляется учителями на классных часах, пропагандирующих ценность жизни, тренингах, повышающих самооценку учащихся.

В школе был подготовлен и реализуется следующий план мероприятий¹:

№	Мероприятия	Сроки проведения	Ответственные
І. Работа с учащимися			
1.	Выявление неблагополучных детей и семей. (индивидуальные беседы, наблюдение). Составление списков.	В течение года	Соц. педагог, кл. руководители
2.	Индивидуальные беседы с учащимися, попавшими в трудную жизненную ситуацию.	В течение года	Кл. руководители, соц. педагог
3.	Оформление выставки рисунков, пропагандирующих ценность человеческой жизни «Я люблю тебя, жизнь!». 1-8 класс.	Апрель	Учитель ИЗО, кл. руководители
4.	Оформление фотовыставки «Радуга жизни», 1-11 классы	Декабрь	Кл. руководители, педагог-психолог
5.	Занятие «Что мне снег, что мне зной, когда близкие со мной...!!!»	В течение года	Педагог-психолог, соц. педагог, кл. руководители,
	Групповые занятия «Я учусь владеть собой»		
	Групповые занятия по программе «Профилактика агрессивного поведения»		
	Занятия с учащимися 9 класса с высоким уровнем тревожности.		

¹ Осипов Г. В., Онипченко О. Г. Медиация - как способ профилактики суицидального поведения в школе // Open innovation. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2017. С. 221-224.

№	Мероприятия	Сроки проведения	Ответственные
	Групповые занятия «Я учусь владеть собой»		
6.	Классные часы, пропагандирующие ценность человеческой жизни.	1 раз в полугодие	Классные руководители.
7.	Диагностическая работа с детьми (по индивидуальному запросу); исследования самооценки психических состояний (по Г. Айзенку); методика «Незаконченные предложения»; тест «НСВ 10». Исследование по шкале Зунге (Т. И. Балашовой).	В течение года (по необходимости)	Педагог-психолог
8.	Организация работы с учащимися на каникулах.	В течение года	Зам.директора по ВР, соц. педагог, кл. руководители
9.	Уроки Интернет-безопасности.	В течение года	Учитель информатики
10.	Конкурс рисунков на асфальте «Мой разноцветный мир», посвященный международному дню защиты детей.	Июнь	Начальник ГОЛ
11.	Акция «Детский телефон доверия»	Май	Кураторы школьной службы примирения
12.	Консультационная работа (по индивидуальному запросу).	В течение года	Педагог-психолог
13.	Конкурс «Я собой горжусь!»	Май	Кл.руководители
II. Работа с родителями			
1.	Посещение на дому неблагополучных семей.	В течение года, не менее 2-х раз в год	Кл. руководители, соц. педагог
2.	Работа с семьями учащихся, проведение родительского всеобуча.	В течение года	Администрация, кл. руководители, соц. педагог, педагог-психолог
3.	Общешкольное родительское собрание «Подростковый суицид»	Апрель	Соц.педагог, педагог-психолог, кл. руководители

№	Мероприятия	Сроки проведения	Ответственные
4.	Индивидуальные беседы и консультации с родителями.	В течение года	Администрация, кл. руководители, соц. педагог, педагог-психолог
III. Работа с педагогами			
1.	Заседание методического объединения классных руководителей «Новые вызовы времени: риски модных тенденций молодежных субкультур или кибератаки на молодое поколение».	Март	Председатель МО классных руководителей, педагог-психолог.
2.	Совещание при зам. директоре по ВР «Результаты профилактики семейного неблагополучия и суицидального поведения детей и подростков».	Май	Зам. директора по ВР, соц. педагог
3.	Отслеживание контактов учащихся в социальных сетях.	В течение года	Кл.руководители
4.	Работа творческой группы по разработке классных часов по профилактике суицида.	Апрель - май	Председатель МО классных руководителей.

2. Организационно-правовые формы защиты несовершеннолетних от сведений деструктивного характера на региональном уровне

Интересен опыт работы волонтеров в Тюменской области, где при администрации города Тюмени реализуется проект «Киберпатруль». Основными направлениями проекта являются поиск запрещенного контента в сети Интернет и передача информации о нем в правоохранительные органы и Роскомнадзор. Данный проект сопровождается УМВД России по Тюменской области. Более 200 ссылок, указывающих на опасный контент, направлено киберволонтерами для дальнейшей работы в правоохранительные органы и на сайт Роскомнадзора¹.

В целях реализации мер по профилактике суицидального поведения населения на территории Омской области, одной из первых принявшей нормативный акт по профилактике суицидов, выстроена многоуровневая система межведомственного взаимодействия.

Во-первых, был принят Указ Губернатора Омской области, определяющий процедуру осуществления профилактики и организации

¹ Киберволонтеры Тюменской области ищут запрещенный контент в Интернете [Электронный ресурс] // URL: https://moi-portal.ru/novosti/359944-kibervolontery-tyumenskoj-oblasti-ishchut-zapreshchennyu-kontent-v-internete/?sphrase_id=63008 (дата обращения: 30.05.2018).

мониторинга суицидального поведения на территории Омской области. В соответствии с Указом выявление суицидального поведения населения, в том числе среди несовершеннолетних, осуществляется государственными учреждениями здравоохранения; социального обслуживания населения; государственными учреждениями, находящимися в ведении Министерства по делам молодежи, физической культуры и спорта Омской области; образовательными организациями; органами внутренних дел при проведении индивидуальной профилактической работы с категориями граждан, в том числе несовершеннолетними, подпадающими под учеты органов внутренних дел. Кроме того, в случае незавершенной суицидальной попытки осуществляется информирование комплексного центра социального обслуживания населения, на базе которого действует межведомственная комиссия по профилактике суицидального поведения населения.

Комиссиями устанавливаются причины незавершенных суицидальных попыток, разрабатываются планы профилактической и реабилитационной работы в отношении граждан, обеспечивается их реализация в целях недопущения повторных суицидальных попыток.

Во-вторых, в области реализуется комплексный межведомственный план мероприятий по профилактике суицидального поведения населения, регулирующий порядок совершенствования механизмов межведомственной координации в сфере профилактики суицидального поведения; организации информационно-просветительской работы; профилактики кризисных состояний и суицидального поведения населения; оказания медико-социальных, социально-психологических, социально-педагогических услуг лицам, склонным к суицидальному поведению; проведения культурных мероприятий, направленных на повышение качества жизни и создание условий для привлечения к различным формам творческой деятельности жителей Омской области.

В-третьих, во всех муниципальных районах Омской области и г. Омске разработаны порядки профилактики и организации мониторинга суицидального поведения населения на соответствующей территории.

Ставропольский край стал одним из первых регионов, где начали практиковать межведомственное взаимодействие с целью получения информации о лицах, находящихся в «закрытых группах», и дальнейшего оказания им как юридической, так и практической, с задействованием психологов, психиатров, помощи. Определен круг первоочередных мер, которые следует предпринимать при выявлении участников «групп смерти», игр типа «синий кит». Сотрудниками полиции проводится проверка по каждому факту суицида (попытки самоубийства) несовершеннолетнего с целью установления причин и условий, способствовавших этому, а с учетом полученной информации принимаются меры по их устранению в дальнейшем.

Отдельно стоит отметить положительный опыт республики Башкортостан по созданию единого регионального банка данных, содержащего развернутые сведения о несовершеннолетних, находящихся в

социально-опасном положении, нуждающихся в получении профессиональной помощи.

В качестве положительного примера превентивной деятельности в образовательных организациях можно привести опыт некоторых классных руководителей, которые регистрируются в социальных сетях с целью наблюдения за поведением своих учеников. Кроме того, среди родителей и учеников активно распространяются буклеты с информацией о самостоятельном блокировании нежелательных сайтов, в местных газетах размещаются статьи о контроле родителей за досугом детей. Такая практика существует и эффективно работает во многих регионах¹.

¹ Пучнина М.Ю. Анализ регионального опыта в сфере профилактики подросткового суицида // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 4. С. 89.

Тема 7. Правовая защита несовершеннолетних от воздействия информации порнографического характера. Профилактика и пресечение правонарушений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних с использованием сети Интернет

Учебные вопросы:

1. Нормативная природа формирования информации порнографического характера с ограниченным доступом для несовершеннолетних.
2. Основные угрозы половой свободе и неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет, а также профилактические мероприятия в данной сфере.

1. Нормативная природа формирования информации порнографического характера с ограниченным доступом для несовершеннолетних

Правовая защита несовершеннолетних от порнографического информационного контента представляется весьма актуальной задачей для органов внутренних дел, в настоящее время. Федеральный закон № 436¹ в части 1 статьи 5 определяет информацию, которая причиняет вред здоровью и развитию ребёнка. Так, пункт 7 относит к данной категории «сведения, содержащие информацию порнографического характера». При этом часть 3 рассматриваемой статьи допускает ознакомление несовершеннолетнего с информацией, представляемой в виде изображения или описания половых отношений между мужчиной и женщиной с определенного возраста.

Использование законодателем термина «мониторинг оборота информации и доступа детей к информации» (пункт 2 статьи 21), требует легального разъяснения его содержания. Например, часть 1 статья 67 Земельного кодекса РФ от 25.11.2001 № 136-ФЗ трактует государственный мониторинг земель, как часть государственного экологического мониторинга и представляет собой систему наблюдений за состоянием земель. Удачное толкование похожего термина приведено в Проекте Федерального закона № 68702-6 «О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг», в соответствии с которым мониторинг представляет собой сбор, обобщение, систематизацию и анализ информации о ходе и итогах реализации планов закупок и планов-графиков. Полагаем, статью 3 рассматриваемого Закона следует дополнить легальным определением термина «мониторинг оборота информации и доступа детей к информации», которым была бы дополнена статья 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

¹ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»

Наконец, обратим внимание на вызвавшую наибольший общественный резонанс норму Закона, в соответствии с которой вводится внесудебная последующая информационно-психологическая цензура киберпространства, распространяющаяся на:

а) материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера;

б) информацию о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, местах приобретения таких средств, веществ и их прекурсоров, о способах и местах культивирования наркосодержащих растений;

в) информацию о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства.

Каждый из перечисленных пунктов может стать объектом научной дискуссии. Например, детская порнография, безусловно, является наихудшим проявлением девиации в морально-культурной сфере, однако остается неразрешенным вопрос об оценке материалов, в которых принимает участие лицо, чей возраст не очевиден и неизвестен.

Формулировка второго пункта также не идеальна. Следует помнить, что в России запрещен лишь незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. О воздействии наркотика на организм человека повествуется во многих как научно-документальных материалах (например, медицинского характера), художественных фильмах и книгах, которые уже давно стали достоянием всего человечества. Расширительная трактовка, в соответствии с которой подлежит изъятию из сети любая информация о местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, может привести к повсеместному запрету размещения, например, рекламы аптек и онкологических центров.

Аналогичный недостаток содержит и третий пункт рассматриваемой новеллы: информацию о способах совершения самоубийства содержит, например, бессмертное творение Шекспира «Ромео и Джульетта». Следовательно, распространение этого и многих других произведений может быть ограничен или запрещен вовсе. Подобный фарс вполне реален. Так, отечественная правоприменительная практика знает примеры, когда из-за несовершенства норм КоАП РФ и Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» за публичную демонстрацию фашистской атрибутики и символики привлекались коллекционеры и лица, воссоздающие сражения Великой отечественной войны.

Определенные вопросы возникают и при исследовании статьи 6.20 КоАП РФ «Изготовление юридическим лицом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и оборот таких материалов или предметов». В частности, почему административно-деликтное законодательство не предусматривает ответственность за изготовление и

оборот юридическим лицом «простой порнографии»? Уголовный кодекс РФ включает две статьи, предусматривающие персональную ответственность в сфере оборота порнографии: статья 242 признает наказуемыми все случаи *незаконного* изготовления и оборота порнографических материалов или предметов, а статья 242.1 содержит специальные нормы, предусматривающие ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов *с порнографическими изображениями несовершеннолетних*. До введения последней статьи можно было предположить, что формулировка «незаконные изготовление и оборот» обусловлена возможностью правомерного оборота таких материалов и предметов в ходе производства предварительного следствия по уголовным делам, однако в диспозиции статьи 242.1 УК РФ слово «незаконный» отсутствует, что опровергает это предположение. Отсутствуют в законодательстве и указания о возможности использования порнографии в научных и медицинских целях.

В этом контексте представляет интерес Письмо Президента РФ от 10.05.1999 № ПР-603¹ об отклонении проекта Федерального закона «О государственной защите нравственности и здоровья граждан и об усилении контроля за оборотом продукции сексуального характера», принятого Государственной Думой 07.04.1999. Абзац 7 данного документа буквально гласит: «... Уголовным кодексом Российской Федерации допускается возможность законного оборота указанной (*порнографической*) продукции».

Таким образом, несовершенство лексических форм уголовного закона не позволяет применять и меры административно-юрисдикционного характера. Покуда в уголовном законодательстве имеется формулировка «незаконный оборот порнографии» привлечение юридических лиц к административной ответственности за изготовление соответствующих предметов и материалов будет невозможно. Каковы же возможные выходы из сложившейся ситуации? Во-первых, возможно принятие коррективов в УК РФ, в соответствии с которым любая порнография окажется вне закона. Вторым выходом является легализация «простой» порнографии с установлением для нее возрастного ценза в 18 лет. При этом запрет на сексуальную продукцию с участием несовершеннолетних, естественно, сохранится. Выбор одного из путей – вопрос политической воли.

В случае реализации первого варианта, исходя из общей концепции защиты личности и общества от оборота вредоносной информации, необходимо будет внести изменения в лексико-юридическую формулировку статьи 6.20 КоАП РФ и изложить ее в следующей редакции:

Статья 6.20. Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов

1. Изготовление, приобретение, хранение, перевозка, распространение, публичная демонстрация либо рекламирование юридическим лицом порнографических материалов или предметов – ...

¹ Письмо Президента РФ от 10.05.1999 № ПР-603 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Действия, указанные в части 1 настоящей статьи, совершенные в отношении материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних – ...».

Таким образом, в рамках вывода отметим очевидное несовершенство нормативной базы как на федеральном, так и на региональном уровне, которая могла бы осуществлять исчерпывающее правовое регулирование рассматриваемой сферы общественных отношений.

2. Основные угрозы половой свободе и неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет, а также профилактические мероприятия в данной сфере

Бурное развитие коммуникации в настоящее время приводит к ряду негативных последствий, а именно: снижение возраста потенциального пользователя социального контента; определенная анонимность участников социальной площадки; возможности удаленного доступа к ресурсу; скорость распространения информации и возможность консолидирования определенной аудитории. Все эти факторы могут служить способом сближения лиц с нарушением сексуальных предпочтений и несовершеннолетних. Сложившаяся ситуация актуализирует процедуры борьбы с правонарушениями против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних.

В рамках реализации данной задачи были запущены несколько государственных проектов: «Безопасное детство», «Горячая линия», «Мониторинговые центры» и некоторые другие. Безусловно, решение данной задачи невозможно исключительно организационными мерами воздействия. Учитывая, что речь идет об информационном пространстве несовершеннолетнего, представляется актуальными использовать также правовые и технические меры противодействия правонарушениям в данной сфере.

Представляется возможным разделить информационные угрозы, направленные на половую свободу и неприкосновенность несовершеннолетних, следующим образом:

1. Правонарушитель пишет ребенку текстовые сообщения с сексуальным подтекстом или присылает порнографические материалы, в том числе собственные фотографии, которые могут его склонить к виртуальному сексу, при помощи видео чатов;

2. Правонарушитель путем обмана или требования получает от несовершеннолетнего его интимные фото (видео) материалы и под угрозой их дальнейшего распространения начинает склонять ребенка к конкретным действиям сексуального характера;

3. Виртуальные чаты позволяют общаться с несовершеннолетними на сексуальные темы, при этом их могут не склонять к передаче интимных фото (видео) материалов, но при этом контекст разговора может быть весьма откровенным, в процессе которого несовершеннолетний сам согласиться предоставить желаемую информацию;

4. Информацию порнографического характера с несовершеннолетними предлагали взрослым пользователям сети Интернет, в том числе и на платной основе;

4. Взрослые оказывали несовершеннолетним пользователям иные признаки внимания, к примеру «поставить лайк» под фотографией, либо «добавить в друзья»;

5. Правонарушители знакомились с несовершеннолетними, общались на сексуальные темы и договаривались по поводу реальных встреч с интимным подтекстом;

6. На различных социальных площадках взрослые из реальной жизни пишут несовершеннолетним сообщения сексуального характера (например, учитель, родитель одноклассника, семейный знакомый);

7. Взрослый человек знакомится и ведет переписку с несовершеннолетним от имени его сверстника;

8. Подростки переписываются в группе с сексуальным контентом, обмениваются интимными фото (видео) материалами, предлагают половые контакты за материальное, либо иное вознаграждение;

9. Взлом личных аккаунтов несовершеннолетних с целью получения личной информации о нем, либо его друзьях.

Предложенная классификация отмечает наиболее распространённые посягательства на половую свободу и неприкосновенность несовершеннолетних и может быть использована при организации процедур профилактики, в том числе и с родителями несовершеннолетнего пользователя.

Современной юридической наукой и ранее отмечалось, что социальные сети обеспечивают весьма удобную платформу для поиска и переписки правонарушителей с детьми, «личная страничка» ребенка дает возможность узнать его увлечения и интересы, круг общения и даже какое эмоциональное настроение сейчас у ребенка, благодаря «статусам» в социальных сетях. Пользуясь этими возможностями, взрослые индивидуумы ищут подростков, страдающих от нехватки внимания, заботы, тех, кому не с кем поговорить или же любознательных особ, желающих узнать подробности на тему секса. Для построения общения преступнику необходимо понять ход мыслей жертвы, они способны ловко манипулировать эмоциями ребенка, вычисляют, в ком он нуждается: в друге, советчике или же жертве необходимо внимание и ласка¹.

В данном контексте представляется уместным говорить о необходимости повышенного внимания со стороны государственных органов исполнительной власти, в чьи задачи входит защита прав и свобод несовершеннолетних. Учитывая современные тенденции развития информационных технологий и заинтересованность в техническом прогрессе преимущественно молодого «продвинутого» социального слоя, который

¹ Степанова О.Ю. Проблема привлечения к уголовной ответственности за педофилию в социальных сетях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. №2 (66)

зачастую является несовершеннолетним подростком, уместно говорить о необходимости системного подхода в данном процессе.

Тема 8. Методика выявления и профилактики девиации несовершеннолетних под воздействием вредоносной информации

Учебные вопросы:

1. Модели мониторинга информационной среды ребенка и нивелирование деструктивных информационных факторов
2. Организация и проведение правовой пропаганды и просвещения в общеобразовательных организациях, направленных на противодействие вовлечению несовершеннолетних в противоправную деятельность. Вовлечение несовершеннолетних в социально значимую деятельность
3. Механизмы включения несовершеннолетних в социально значимую деятельность посредством сервисов сети «Интернет»

1. Модели мониторинга информационной среды ребенка и нивелирование деструктивных информационных факторов

Формы профилактической работы имеют психолого-педагогические начала и достаточно полно изучены в рамках классической научной мысли и даже нашли легальное закрепление в части 1 статьи 17 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»:

- 1) правовое просвещение и правовое информирование;
- 2) профилактическая беседа;
- 3) объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения;
- 4) профилактический учет;
- 5) внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения;
- 6) профилактический надзор;
- 7) социальная адаптация;
- 8) ресоциализация;
- 9) социальная реабилитация;
- 10) помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми.

Вместе с тем по настоящему инновационным, на сегодняшний день, инструментом ранней профилактики девиации несовершеннолетних является мониторинг их аккаунтов в социальных сетях. Дело в том, что сущность профилактики правонарушений несовершеннолетних в идеальном понимании этого термина и в практике органов власти различается. Если с теоретической точки зрения профилактика девиации несовершеннолетних представляет собой выявление признаков отклоняющегося поведения с последующим корректирующим воздействием, то на практике зачастую получается, что подобными признаками выступают совершение правонарушения или преступления, в том числе совершение содержащего признаки подобных

деликтов деяния до достижения возраста привлечения к юридической ответственности.

Информационная среда ребенка одновременно может являться и причиной девиации, и индикатором уровня правовой культуры. Современные информационно-телекоммуникационные технологии предоставляют нам новые возможности по ранней профилактике девиации в молодежной среде, в том числе по профилактике наркотизации. Таким образом, можно утверждать о потенциальной эффективности мониторинга аккаунтов в социальных сетях для индивидуальной и групповой профилактической работы с несовершеннолетними. С учетом полученных данных нами был разработан алгоритм мониторинга. Упрощенно он состоял из следующих стадий (на примере сайта «ВКонтакте»):

1) регистрация и авторизация в социальной сети под мнимым именем;

2) выборка зарегистрированных пользователей сети по встроенным фильтрам;

3) изучение аккаунта по алгоритму:

а) проверка достоверности выборки;

б) изучение микроблога аккаунта от последнего до первого сообщения, обращая внимание на:

- сообщества и аккаунты других лиц, с которых сделан репост сообщения (особенно если такое лицо достигло совершеннолетия и не является родственником ребенка; сообщество имеет ярко выраженный вредоносный характер);

- оповещения о достижениях в играх-приложениях;

- содержание видео и аудио контента, размещенного на «стене» (микроблоге);

в) изучение раздела «Интересные страницы»;

г) изучение раздела «Фотоальбом»;

д) изучение раздела «Видеозаписи»;

е) изучение раздела «Аудиозаписи» (особое внимание к пропаганде употребления наркотиков, алкоголя и табака; оправданию противоправного поведения);

ж) изучение раздела «Друзья», в рамках которого особое внимание обращается на факты неродственного общения с совершеннолетними, «фейковые» аккаунты, иногородцев и иностранцев, а также не попавших в первоначальную выборку одноклассников несовершеннолетнего;

4) заполнение специально разработанного бланка мониторинга;

5) замена в выборке года выпуска на год меньше, изучение результатов новой выборки;

б) объединение собранных данных в единый отчет с разделением по возрасту объекта исследования и «индикаторам риска». Таковыми являются:

Блок 1. «Девиация»:

1) употребление алкоголя (в т.ч. пива и изготавливаемой на его основе продукции) и табакокурение;

2) пропаганда, употребление и описание способов изготовления (выращивания) наркотических средств и психотропных, одурманивающих веществ;

3) демонстрация сведений экстремистского характера (дискриминации по социальным признакам);

4) азартные игры;

5) оборот сведений порнографического характера;

6) пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений;

7) приверженность к криминальной субкультуре;

8) жестокость и насилие (к людям);

9) жестокое обращение с животными;

10) иное (письменное обоснование).

Блок 2. «Риск»:

1) эротика и секс-видео, не являющееся порнографией;

2) нецензурная брань;

3) видеозапись не соответствует возрастному цензу;

4) аудиозапись не соответствует возрастному цензу;

5) игра не соответствует возрастному цензу;

6) унижение и оскорбление ровесников;

7) унижение и оскорбление совершеннолетних, находящихся в беспомощном состоянии;

8) Иное (письменное обоснование).

Блок 3. «Жертва»:

1) суицид, вред здоровью;

2) участие в конкурсах, розыгрышах чего-либо;

3) нарушение или пренебрежение Правилами дорожного движения, управление транспортными средствами лицами, не имеющими соответствующего специального права;

4) опасное для жизни и здоровья увлечение или «хобби»;

5) неродственное общение со взрослыми;

6) публичная демонстрация значительных материальных ценностей;

7) иное (письменное обоснование)

Всего на момент написания этих срок изучено 510 аккаунтов несовершеннолетних возрастом от 12 до 17 лет, обучающихся в 15 общеобразовательных организациях г. Воронежа. Результаты были получены следующие:

1. На страницах детей в возрасте 12-13 лет (всего 207 аккаунтов) признаки наркотизации не обнаружены.

2. Из 303 аккаунтов несовершеннолетних в возрасте 14-17 лет были обнаружены следующие признаки наркотизации:

а) в 4 % случаев (11 аккаунтов) на страницах в разделах «Видеозаписи» и «Фотографии» обнаружены изображения, связанные с незаконным оборотом наркотиков (видео с изображением лиц, находящихся в состоянии сильного наркотического опьянения; фотографии со шприцами и иными предметами,

используемыми для употребления наркотиков; фотографии с растениями, которые используются для извлечения наркотических средств);

б) в 12 % случаев (38 аккаунтов) на страницах аккаунтов в разделе «Аудиозаписи» и «Видеозаписи» обнаружены звуковые композиции и клипы на песни, содержащие описание последствий употребления или пропаганду употребления наркотических средств.

Учет сотрудниками полиции и иных органов и учреждений системы профилактики правонарушений несовершеннолетних этих данных позволит усовершенствовать систему ранней профилактики. Согласно проведенному нами исследованию, достоверность сообщаемых несовершеннолетними в возрасте до 16 лет сведений о себе в сети Интернет составляет 82 %, при этом изучение размещенного в социальной сети контента указывает на наличие признаков девиации или виктимности на 43 % аккаунтов. Полученная информация может быть использована как в целях выявления противоправных действий, так и для организации точечной целевой профилактики правонарушений и виктимности несовершеннолетних.

2. Организация и проведение правовой пропаганды и просвещения в общеобразовательных организациях, направленных на противодействие вовлечению несовершеннолетних в противоправную деятельность.

Вовлечение несовершеннолетних в социально значимую деятельность

Воспитание правовой культуры и законопослушного поведения школьников – это целенаправленная система мер, формирующая установки гражданственности, уважения и соблюдения права, цивилизованных способов решения споров, профилактики правонарушений. К структурным элементам правовой культуры личности относится знание системы основных правовых предписаний, понимание принципов права, глубокое внутреннее уважение к праву, законам, законности и правопорядку, убежденность в необходимости соблюдения их требований, активная жизненная позиция в правовой сфере и умение реализовывать правовые знания в процессе социально-активного поведения.

Проводя в общеобразовательных организациях беседы общепрофилактического характера, представители органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних готовят школьников к самореализации в обществе в качестве полноценных граждан, способных оказывать позитивное влияние на социально-экономическую и общественно-политическую ситуацию в стране.

Результатом проведения бесед должны стать:

- стабилизация, снижение темпов роста наркомании и других видов зависимости;

- уменьшение факторов риска употребления наркотиков и других психотропных веществ среди детей, подростков и молодежи;

- развитие системного подхода к профилактике злоупотребления психоактивными веществами;

- приобщение к здоровому образу жизни и формирование высокоэффективных поведенческих стратегий и личностных ресурсов у подростков и молодежи;

- профилактика правонарушений, преступлений, в том числе проявлений экстремистского характера, среди несовершеннолетних;

- профилактика самовольных уходов несовершеннолетних из семьи и учреждений различного профиля;

- формирование навыков обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних родителями и классными руководителями.

Встреча с подростками в образовательных учреждениях и проведение бесед с целью предупреждения преступлений и административных правонарушений является неотъемлемой частью работы инспектора по делам несовершеннолетних ОВД. Такие беседы всегда действенны, заставляют несовершеннолетних задуматься о своем поведении, и об ответственности за совершение противоправных поступков.

Исходя из специфики профилактической деятельности, можно говорить, что сотруднику ПДН необходимо ориентироваться на ряд воздействий, которые он может оказывать на ребенка в процессе осуществления данных профилактических мероприятий. Это: нейтрализующие воздействия; компенсирующие; предупреждающие; контролирующие (мероприятия по осуществлению последующего контроля над проведенной профилактической работой и ее результатами). В работе с подростками необходимо учитывать особенности поведения детей: неадекватность поступков, склонность к конфликтам, эмоциональная неустойчивость, резкие колебания самооценки, аффективные вспышки, повышенная критичность по отношению к окружающим, особенно к родителям и учителям, отвращение к запретам и поучениям. Только с учетом этих факторов возможно проведение эффективной профилактической работы.

Главным условием совершения несовершеннолетними правонарушений является ослабление наблюдения или контроля над формированием личности и поведением несовершеннолетних со стороны семьи, а также государственных и общественных организаций.

Практика показывает, что правонарушения несовершеннолетними зачастую совершаются по причинам: «ложного» героизма, самоутверждения и лидерства в группе подростков; распространения среди подростков представления о допустимости насильственных действий в конфликтных ситуациях, под влиянием средств массовой информации, пропагандирующих «суперменство», жестокость, культ насилия, презрение к окружающим; несвоевременного выявления криминальных семейно-бытовых ситуаций, неудовлетворительного реагирования на такие конфликты; неадекватных мер, принятых к подросткам, за ранее совершенное преступление или правонарушение, породившие чувство безнаказанности и вседозволенности; нерешенности проблемы досуга и трудовой занятости несовершеннолетних; слабой организации по выявлению несовершеннолетних, страдающих психическим заболеванием.

Общепрофилактическая работа по предупреждению правонарушений и профилактике асоциального поведения должна проводиться сотрудниками ПДН в тесном контакте с администрацией школы и классными руководителями. Для повышения эффективности проводимых мероприятий могут привлекаться представители средств массовой информации и заинтересованных ведомств, общественные формирования, в том числе из числа родителей.

В рамках общей профилактики сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних проводят лекции-беседы по направлениям: предупреждение преступлений и административных правонарушений; профилактика экстремизма в молодежной среде; предупреждение негативного информационного воздействия в сети Интернет; профилактика употребления алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ; профилактика самовольных уходов несовершеннолетних из семьи и учреждений различного профиля; и др.

Конкретная тематика и содержание профилактических лекций-бесед могут быть достаточно разнообразными. Так, в 2016 году авторским коллективом Воронежского института МВД России подготовлено учебно-методическое пособие «Организация общей профилактической работы инспектора по делам несовершеннолетних в образовательных организациях», включающее в себя шесть базовых лекций-бесед следующего содержания:

1) лекция-беседа «Профилактика экстремизма в молодежной среде» ориентирована на учащихся старших классов и раскрывает понятие, формы, признаки экстремизма, а также в ней рассматриваются основы юридической ответственности за совершение действий экстремистского характера. Следует отметить, что к проведению этой лекции, равно как и к проведению занятий с учащимися по вопросам профилактики употребления наркотических средств, психотропных веществ, одурманивающих веществ, алкогольной и спиртосодержащей, а также табачной продукции, следует подходить крайне щепетильно, так как одна неосторожно сказанная фраза может вызвать у подростка интерес к самому противоправному или антиобщественному действию, а сама лекция окажет агитационно-пропагандистский, а не профилактический эффект. Кроме того, к данной лекции прилагается анонимная анкета для учащихся старших классов, изучение результатов заполнения которой позволит скорректировать дальнейшее профилактическое воздействие на класс.

2) лекция-беседа «Профилактика употребления наркотических средств и психотропных веществ», целевая аудитория: родители (законные представители), педагогические работники, учащиеся старших классов. Лекция раскрывает вопросы: медицинские и социальные аспекты возникновения наркомании; административно-правовое регулирование противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ; характеристика наиболее распространенных наркотиков (вопрос раскрывается только при проведении лекции с

родителями и педагогами). К лекции прилагается анонимная анкета для учащихся старших классов;

3) лекция-беседа «Предупреждение негативного информационного воздействия в сети Интернет», целевая аудитория: родители (законные представители), педагогические работники. Рассматриваются вопросы: общая характеристика информационных угроз ребенку в сети Интернет; рекомендации родителям по обеспечению информационной безопасности ребенка 7-8 лет; рекомендации родителям по обеспечению информационной безопасности ребенка 9-12 лет; рекомендации родителям по обеспечению информационной безопасности подростка 13-17 лет; перечень Интернет-терминов, знание которых необходимо родителям для обеспечения информационной безопасности ребенка;

4) лекция-беседа «Профилактика самовольных уходов детей из семьи и учреждений различного профиля», целевая аудитория: родители (законные представители), педагогические работники. Рассматриваются вопросы: причины самовольного ухода ребенка из семьи; организация поиска пропавшего ребенка; предупреждение уходов подростков из дома;

5) деловая игра «Изучение правил поведения на дороге: пешеходный переход и светофор. Правила перевозки детей в специальных удерживающих устройствах», целевая аудитория: учащиеся младших классов.

6) лекция-беседа «Предупреждение правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних», целевая аудитория: родители (законные представители). Рассматриваются вопросы: основные факторы, способствующие совершению правонарушений несовершеннолетними; предупреждение правонарушений несовершеннолетних, имеющих психические аномалии; особенности осуществления профилактической работы с подростками, совершившими преступления.

Следует отметить, что проведение лекций-бесед или деловых игр профилактико-просветительского характера с учащимися школ не является сегодня уникальным опытом какого-либо конкретного региона. Так, в Омской области представителями органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних уже на протяжении более чем пять лет проводятся лекции-беседы на темы: «Роль родителей в воспитании ребенка, его адаптации в сложном современном мире, в профилактике детско-подростковой суицидальности»; «Наши дети – наше будущее» - профилактика употребления психоактивных и наркотических веществ несовершеннолетними; «Интернет-безопасность детей» – профилактика компьютерной зависимости и пропаганда информационной безопасности несовершеннолетних; «Разговор о наших детях» – профилактика употребления психоактивных и наркотических веществ несовершеннолетними; «Учимся понимать друг друга» – профилактика толерантного и внимательного отношения к окружающим людям, в том числе к инвалидам; «Конфликт. Безвыходных ситуаций не бывает»; «Какая информация в Интернете угрожает здоровью и жизни детей?». Межведомственные профилактические акции ориентированы на

формирование безопасного поведения (темы: «Подросток – улица», «Дети России», «Контингент», «Ученик»); формирование здорового образа жизни (темы: «ЗОЖ», «Дети-алкоголь», «Шанс», «Группа», «Неформал»); восстановление детско-родительских отношений (темы: «Подросток», «Семья», «Забота», «Родительский урок», «Разговор по душам»).

Интересная и оригинальная методика выработана и апробирована в воронежских школах обучающимися того же института под руководством профессорско-преподавательского состава. На основе особой методики ими проводятся занятия с учащимися общеобразовательных организаций 5-9 классов. Цель занятий – определение и повышение уровня правовой культуры. Всего на обсуждение выносятся шесть тем, в рамках которых рассматриваются права и обязанности ребенка в России, Правила дорожного движения, а также наиболее характерные для несовершеннолетних преступления и административные правонарушения (хищение, повреждение имущества, заведомо ложное сообщение об акте терроризма и др.), даются рекомендации по безопасному поведению детей в общественных местах, на дороге, при использовании информационно-телекоммуникационных систем.

В каждом классе первое занятие проводится в форме дискуссии-тестирования (входной контроль), по итогам которого содержание основных занятий корректируется в зависимости от базового уровня знаний и интересов учащихся, разрабатываются и проводятся занятия для отдельного класса (второе, третье, четвертое, пятое занятия). Последнее занятие в классе представляет собой контроль остаточных знаний, посредством которого оценивается степень усвоения материала. В случае необходимости проводится повторение необходимых занятий. Таким образом, представляемый проект представляет собой уникальную систему оценки уровня правовой культуры и грамотности несовершеннолетних, и позволяет осуществлять профилактико-коррекционную и просветительскую работу среди детей на более высоком, эффективном уровне.

Точечному и конкретному профилактическому воздействию на учащихся общеобразовательных организаций может способствовать повсеместное формирование социальных паспортов школ. Сегодня документ с подобным названием встречается достаточно часто, однако лишь единицы общеобразовательных организаций размещают в сети Интернет обезличенные данные социально-возрастной структуре и численности учащихся. Более того, сам объем размещаемых данных различен. Так, школы г. Москвы обычно размещают информацию об общем числе учащихся, количестве находящихся под опекой и детей-инвалидов; о наличии семей, в которых родители не работают, многодетных и неполных семей; о наличии семей, находящиеся в социально опасном положении (в некоторых школах даже указываются «Семьи (предположительно) с жестоким обращением с детьми»); количество находящихся на внутришкольном и профилактическом учете; а также об учащихся, пропускающих или не посещающих учебные занятия по неуважительной причине. В омских школах социальный паспорт включает общие сведения, финансово-экономические условия, территориальные

условия, материально-технические условия, кадровые условия, социальный статус и достижения обучающихся. Вместе с тем, в открытый доступ размещаются лишь данные об общей численности учащихся на начало учебного года (из них: мальчиков / девочек); численности семей учащихся, количестве учащихся «группы риска», состоящих на учёте в ПДН, КДН и ЗП, ВШК; о количестве опекаемых детей и семей опекунов, многодетных, малообеспеченных, неполных и неблагополучных семей; о числе учащихся инвалидов, обучающихся на дому, а также оставшихся на «2-й год обучения».

Повсеместное и единообразное размещение информации о социально-демографическом составе школы в Интернет, при условии соблюдения требований законодательства РФ о защите персональных данных, личной и семейной тайны, создаст плацдарм для более основательной и конкретной организации профилактической работы, в первую очередь, представителей общественных организаций и объединений, а также волонтеров.

3. Механизмы включения несовершеннолетних в социально значимую деятельность посредством сервисов сети Интернет

Чем старше становится ребенок, чем выше его компьютерная грамотность, тем более индивидуальным и интимным становится для него процесс пользования социальными сервисами Интернета. Если до достижения 12-14-летнего возраста родители и классный руководитель могут в императивном порядке запретить или навязать пользование каким-либо сервисом или изучение какого-либо сайта, то в более позднем возрасте такой ребенок найдет способ «обойти» родительские запреты и ознакомиться с тем Интернет-контентом, который ему наиболее интересен. А запретный плод, как известно, сладок. Таким образом, наиболее рациональной и эффективной является не стратегия запрета, а стратегия сотрудничества в поиске интересующей ребенка информации, в ходе которой возможно будет мягко направить любопытство и энергию несовершеннолетнего в полезное для его развития русло.

Одним из наиболее удобных в этой связи сектором рунета является домен «дети», который объединяет проверенные на отсутствие запрещенного контента сайты для детей и родителей на русском языке: познавательные, увлекательные и максимально безопасные. Громко заявив о себе, домен не стал, как это задумывалось, единой площадкой для русскоязычных социальных сервисов для детей, однако собрал массу полезных ресурсов на самые разные темы: образование, воспитание, здоровье, безопасность, досуг и отдых, конкурсы и фестивали. Есть даже список интернет-магазинов и благотворительных организаций, помогающих именно детям. Основными сервисами домена являются:

1. Спутник.дети – специальный детский поисковик, который индексирует только безопасные и развивающие материалы.

2. Библиотека.дети – портал Российской государственной детской библиотеки. Включает интерактивное телевидение и оцифрованные книги, журналы и газеты со всего мира для юных читателей.

3. Веб-ландия.дети – каталог лучших интернет-ресурсов для детей, разработанный РГБД вместе с компанией Билайн и Министерством культуры РФ. В список попадают сайты только с интересными и содержательными материалами, написанными хорошим литературным языком. Здесь есть ресурсы на любую тему: об искусстве и науках, истории и литературе, животных и технике, спорте и развлечениях, музыке и путешествиях, сайты в помощь по школьной программе и советы психолога.

4. Монтессори.дети – философия и практика педагогики, ориентированная на привитие ребенку самостоятельности и стремления к саморазвитию.

5. Профессии.дети – мультимедийный онлайн-сервис профориентации детей и подростков, включает видеointerview с представителями разных профессий, которые рассказывают о плюсах и минусах своей работы, о качествах и навыках, которые понадобятся специалисту в этой области.

6. Персональныеданные.дети – ресурс повышает информационную грамотность и рассказывает детям и подросткам о важности защиты личной информации в Интернете. Портал создан Роскомнадзором.

7. Математика-просто.дети – уроки по алгебре и геометрии, а также форум для общения, где можно получить или оказать помощь в решении задач или теорем.

8. Карусель.дети – сайт федерального телеканала «Карусель», вещающего для детей 3-14 лет. Концепции тем и форматов эфира разработаны детскими психологами и педагогами.

9. Здоровые.дети – ресурс о здоровье детей и подростков, формирующий понимание важности здорового образа жизни и дающий советы по физическому развитию ребенка.

В каталог домена включены разделы «Воспитание», «Развитие», «Досуг», «Конкурсы», «Безопасность», «Спорт», «Отдых», «Здоровье» и «Развлечения», так что любой несовершеннолетний пользователь Интернет сможет найти для себя интересующую информацию.

Приведенный нами информационный ресурс далеко не единственный, в сети огромное количество специализированных сайтов для детей, значительная их часть ориентирована на интеллектуальное и творческое развитие ребенка. Вот лишь некоторые из них:

- сайт-игра для интеллектуального развития детей «Разумейкин» (<https://www.razumeikin.ru>);
- развивающие упражнения и занятия для детей онлайн (<https://iqsha.ru>);
- развивающие игры для детей 7, 8 и 9 лет (<http://chudo-udo.com>);
- Кидди – онлайн школа раннего развития (<http://kiddy.com>);
- рисование, акварель, макетирование, и иное прикладное творчество (<https://kreativity.ru>);

– детские развивающие игры онлайн (<http://igraem.pro/igraem-i-uchimsya>);

– видеоуроки школьной программы, конспекты, тесты, тренажеры (<https://interneturok.ru>);

– Федеральные онлайн курсы для школьников (<https://teachmeplease.ru>) и другие.

Следует помнить, что и наиболее популярные среди детей социальные сети «ВКонтакте», «YouTube» и «Instagram» наряду с массой нежелательного для ребенка контента содержат много интересной и полезной для ребенка информации, которая специально структурирована и ориентирована на вовлечение его в занятия. Роль родителя, напомним, заключается не в запрете чего-либо, а в поиске и ознакомлении ребенка с многочисленными социально полезными страницами тех самых социальных сетей Интернет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведённого научного исследования позволяют сформулировать ряд теоретических выводов и практических рекомендаций по совершенствованию деятельности органов внутренних дел и законодательства в области информационной безопасности несовершеннолетних.

Ретроспективный анализ действовавшей до принятия ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹ нормативной правовой базы позволяет говорить о сложившемся в России традиционном подходе к определению информационно-правового статуса ребенка. Основу правового регулирования составляли, помимо Конституции России, Семейный кодекс РФ и Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Посягающие на информационные права ребенка правонарушения закреплялись в федеральных и региональных нормативных актах, не образуя при этом едино структурированной совокупности.

В целом законодательные инициативы последних лет в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних свидетельствуют о стремлении законодателя вторгнуться в исконно частноправовую сферу семейного воспитания с собственными императивами поведения. Эта тенденция представляется недальновидной и вызывает у нас существенные опасения, так как в российском государстве, созданном и развивавшемся исторически на основе взаимопонимания и толерантного отношения к различным нациям и конфессиям², она может привести к стагнации межкультурных связей и стимулировать сепаратистские настроения в обществе. Полагаем, законодатель не должен использовать в качестве фундамента нормативной конструкции категории морально-нравственного, внеправового характера. Исключением, допускающим вмешательство публично-правовых субъектов в дела семьи, должны быть лишь случаи, когда ненадлежащее воспитание несовершеннолетнего ведет к внешне выраженной антиобщественной или противоправной деятельности ребенка.

Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних – задача комплексная не только по набору способов (правовые, организационные, технические), но и по числу субъектов, задействованных в этой деятельности. Прежде, чем мы обратимся к полномочиям конкретных органов власти, следует определить содержание и сущность правового института информационной безопасности несовершеннолетних.

Защита несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации выступает основополагающим элементом обеспечения информационно-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Далее – КоАП РФ.

² Подобная идея подтверждается историко-этнологическими исследованиями Л.Н. Гумилева. См., например: Гумилев Л. Н. От Руси к России / Л. Н. Гумилев. – М.: АСТ, 2017. – 504 с.; Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М.: Азбука, 2013. – 672 с.; и др.

психологической безопасности несовершеннолетних. Континентальная система законодательства требует упорядоченности правового регулирования, в связи с чем, в первую очередь, следует определиться, в рамках какого режима законодатель предполагает ограничивать доступ к вредоносной информации. К сожалению, наиболее «продвинутой» нормативный акт в рассматриваемой сфере – Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» – не дает нам однозначного ответа, более того, ставит перед научным сообществом и правоприменителем ряд достаточно острых вопросов.

Правовое регулирование использования сети Интернет, а равно и иных информационно-телекоммуникационных сетей, до последнего времени практически отсутствовало. Причины подобной ситуации вполне очевидны – всемирную сеть крайне сложно описать и регламентировать национальным законодательством, а динамика изменения ее содержания сводит «на нет» практически все попытки государства выстроить стройную систему контроля, оперативно реагирующую на правонарушения.

Попытка конкретизировать те концептуальные идеи и одобряемые модели поведения, которые необходимы молодому поколению для успешной социализации, неминуемо приводит к оценочным суждениям, не всегда однозначно исчислимым. Так, дополнительного разъяснения, на наш взгляд, требуют такие категории, как «система социальных и межличностных отношений и общения детей», «толерантность», «гражданская, этническая и гендерная идентичность» и «здоровые представления о сексуальной жизни человека». Каждая из этих категорий имеет крайние значения – «полюса», достижение которых также представляется нежелательным. Так соотносятся толерантность и космополитизм, гражданская идентичность и крайний национализм, этническая идентичность и расизм или ксенофобия, здоровые представления и отказ от сексуальной жизни, в том числе, по псевдорелигиозным мотивам. Справедливости ради, следует сказать, что в психологии и педагогике однозначных критериев оценки категорий, перечисленных в задачах государственной политики, на сегодняшний день не существует. Правовые предписания производны от имеющихся знаний об окружающем нас мире, в связи с чем остается надеяться, что с развитием указанных наук мы получим возможность однозначно оценивать акцентуализацию перечисленных факторов.

Государственная политика Российской Федерации в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних строится на конфронтации традиционной концепции невмешательства государства в дела семьи, характерной для советской правовой системы, и новаторских идей о целесообразности вторжения государства в процедуру информирования несовершеннолетних для защиты их психики от деструктивного воздействия вредоносной информации. Существующий баланс сил достаточно хрупок и подвержен существенной деформации под воздействием человеческого и институционального компонентов государственной политики. Полагаем, в подобной обстановке крайне важное

значение будет иметь детальное закрепление принципов и основных задач системы обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних.

В случае принятия решения о консолидации сил системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и системы защиты детей от вредоносной информации вопросами, требующими первоочередного разрешения, будут выступать:

– нормативная регламентация процедуры взаимного информирования органов и учреждений системы о выявленных признаках правонарушений в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию;

– перераспределение административно-юрисдикционных полномочий органов и учреждений системы по составам административных правонарушений, чья объективная сторона сопряжена с посягательством на информационно-психологическую безопасность несовершеннолетних.

По-настоящему инновационными на сегодняшний день могут быть лишь источники получения оперативно значимой информации и способы ее обработки. Так, перспективным инструментом ранней профилактики девиации несовершеннолетних является мониторинг их аккаунтов в социальных сетях. Дело в том, что сущность профилактики правонарушений несовершеннолетних в идеальном понимании этого термина и в практике органов внутренних дел различается. Если с теоретической точки зрения профилактика девиации несовершеннолетних представляет собой выявление признаков отклоняющегося поведения с последующим корректирующим воздействием, то на практике зачастую получается, что подобными признаками выступают совершение правонарушения или преступления, в том числе совершение содержащего признаки подобных деликтов деяния до достижения возраста привлечения к юридической ответственности.

В стратегической перспективе МВД России важно включиться в работу по защите детей от вредоносной информации на правах полномочного субъекта системы. Уже сегодня руководителям территориальных органов МВД России целесообразно наладить постоянный контакт с органами системы защиты детей от вредоносной информации и организовать своевременное взаимное информирование о фактах деструктивного воздействия на несовершеннолетних. Данные органы могут быть заинтересованы в получении информации о неудавшихся попытках вовлечения несовершеннолетних в противоправную и иную антиобщественную деятельность, так как в этих действиях может быть усмотрен состав правонарушений, отнесенных к их юрисдикции. Кроме того, следует ориентировать действующих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, по исполнению административного законодательства, участковых уполномоченных полиции, сотрудников дознания и следственных подразделений на выявление причинно-следственной связи между совершенным ребенком правонарушением и негативным информационным воздействием на него. Для этого требуется корректировка программ

подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, позволяющая привить учащимся навыки выявления, пресечения и профилактики правонарушений, посягающих на информационно-психологическую безопасность детей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федеральный закон от 29.12.2010 № 436 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Далее – ФЗ об основах системы профилактики
5. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Далее – ФЗ о противодействии экстремистской деятельности.
6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Далее – ФЗ об информации.
7. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Далее – ФЗ № 436.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Далее – КоАП РФ.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»: федеральный закон от 21.07.2011 № 252-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
10. Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака: федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
11. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
12. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
13. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»: федеральный закон от 21.07.2011 № 252-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предупреждения торговли детьми, их эксплуатации, детской проституции, а также деятельности, связанной с

изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: федеральный закон от 05.04.2013 № 58-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

15. О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей»: федеральный закон от 29.06.2013 № 135-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

16. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

17. О наркотических средствах и психотропных веществах: федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

18. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 // СПС «КонсультантПлюс».

19. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 03.02.2015 № 7-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

20. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Далее – КоАП РФ.

21. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

22. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

23. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

24. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». Далее – УК РФ.

25. Об актах гражданского состояния: федеральный закон от 15.10.1997 № 143-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

26. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

27. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

28. О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

29. О рекламе: федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

30. Об опеке и попечительстве: федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

31. Об опеке и попечительстве: федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

32. О безопасности: федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

33. Об обращении лекарственных средств: федеральным законом от 12.04.2010 № 61-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

34. О средствах массовой информации: закон РФ от 27.12.1991 № 2124 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

35. Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 12.05.2008 № 724 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 20. – Ст. 2290.

36. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // СПС «КонсультантПлюс».

37. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 10 мая 2006 г. // Рос. газ. 2006. 11 мая; Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 26 апреля 2007 г. // Парламентская газета. 2007. 27 апр.; Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 22 декабря 2011 г. // Рос. газ. 2011. 23 дек.

38. Концепция информационной безопасности детей: распоряжение Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р // СПС «КонсультантПлюс».

39. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части распределения полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию: постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 859 // Собрание законодательства РФ. 2011. – № 44. – Ст. 6272.

40. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части распределения полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию: постановление Правительства РФ от 24.10.2011 № 859 // СПС «КонсультантПлюс».

41. О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено»: постановление Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 44. – Ст. 6044.

42. О Министерстве культуры Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 20.07.2011 № 590 // СПС «КонсультантПлюс».

43. О Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 02.06.2008 № 418 // СПС «КонсультантПлюс».

44. О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: постановление Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 // СПС «КонсультантПлюс».

45. О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: постановление Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 12. Ст. 1431.

46. Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций государственной функции по осуществлению государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию: приказ Минкомсвязи России от 10.04.2013 № 81 // СПС «КонсультантПлюс».

47. Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека: постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 322 // СПС «КонсультантПлюс».

48. Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки: постановление Правительства РФ от 15.07.2013 № 594 // СПС «КонсультантПлюс».

49. Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав: постановление Правительства РФ от 06.11.2013 № 995 // СПС «КонсультантПлюс».

50. О Порядке формирования и содержания Реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен: проект Приказа МВД России / Сайт ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 10.10.2017).

51. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 // СПС «КонсультантПлюс».

52. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: модельный закон государств-участников СНГ от 03.12.2009 № 33-15 // СПС «КонсультантПлюс».

Учебники, учебные пособия

53. Административное право России. Первая часть: учебник / А. П. Алехин, А. А. Кармолицкий. – М.: Зерцало-М, 2011. – С. 84.

54. Бачило И. Л. Информационное право: учебник / И. Л. Бачило, В. Н. Лопатин, М. А. Федотов. – СПб., 2005. С. 454.

55. Безруков А. В. Конституционное право России: учебное пособие / А. В. Безруков. – М.: Юстицинформ, 2015. – С. 19–21.

56. Данилов М. В. Государственная политика и управление: учебно-методическое пособие / М. В. Данилов. – Саратов, 2014. – С. 62

57. Дорогова Е. В. О некоторых исключениях из Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей» / Е. В. Дорогова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2014. – № 2. – С. 16–18.

58. Ельцова Е. В. Социально-психологические особенности подростков с типом девиации «бродяжничество» / Е. В. Ельцова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2008. – № 1. – С. 10–16.

59. Жичкина А. Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете / А. Е. Жичкина. – М. : Дашков и Ко, 2004. – 117 с.

60. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 37–46.

61. Ильин Ю. Д. Большой англо-русский и русско-английский юридический словарь / Ю. Д. Ильин. – М.: Живой язык, 2016. – 528 с.

62. Каневский Л. Л. Расследование и профилактика преступлений несовершеннолетних / Л. Л. Каневский. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 87.

63. Комментарий к КоАП РФ [Электронный ресурс] // URL: <http://stkoarprf.ru/5-35> (дата обращения: 10.09.2017).

64. Комментарий к Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (постатейный) / Т. А. Бирюкова, Ю. В. Егоров, Н. А. Захарова, Т. Н. Михалева, А. Б. Юдина, под ред. Н. Н. Ковалевой // СПС «КонсультантПлюс».

65. Конституционное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. С. И. Носова. – М.: Статут, 2014. – С. 30.

66. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права / Н. И. Матузов. – Саратов: Издательство Саратовской государственной академии права, 2004. – С. 332.

67. // Open innovation. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2017. С. 221–224.

68. Петров Ю. А., Петрова Г. И. Терминологический словарь-справочник: экономика, маркетинг, менеджмент. А – М / Ю. А. Петров, Г. И. Петрова. – М.: Издательские решения, 2012. – 580 с.

69. Петрова Т. А. Административно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму в молодежной среде : дис. ... канд. юрид. наук / Т. А. Петрова. – М., 2009. – 219 с.

70. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России : социально-правовое и криминологическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук / С. Н. Фридинский. – М., 2011. – 366 с.

71. Хлебушкин А. Г. Экстремизм : уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография / А. Г. Хлебушкин. – Саратов, 2007. – 160 с.

72. Социологический словарь [Электронный ресурс] // URL: www.mirslovari.com/soc_a (дата обращения 01.05.2014).

73. Тазин И. И. Правовое обеспечение информационно-психологической безопасности несовершеннолетних / И. И. Тазин // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 6. – С. 220–225.

74. Теория государства и права: основы науки / под ред. С. И. Митина. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. – 240 с.

75. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] // URL: www.dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov (дата обращения 01.05.2014).

76. Халлиулина Л. И. Экстремизм. Обзор судебной практики за последние годы [Электронный ресурс]. URL: <http://rospravosudie.com/society/extremizm> (дата обращения 01.10.2013).

Монографии, научные статьи, диссертации

77. Башкиров Н. В. Меры административно-правового противодействия политическому экстремизму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Башкиров. – М., 2005. – С. 12.

78. Бочкарёв И. Е. Административно-предупредительные меры, применяемые милицией: по материалам органов внутренних дел Нижегородской области: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / И. Е. Бочкарёв. – М., 2001. – 209 с.

79. Буданов С. А. К вопросу о понятии вредной для несовершеннолетних информации / С. А. Буданов, С. Т. Гаврилов, С. Н. Махина // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. – № 1. – С. 92–94.

80. Гатауллина Г. И. Криминалистические особенности расследования общеуголовных корыстных преступлений, совершаемых несовершеннолетними с психическими аномалиями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г. И. Гатауллина. – Саратов, 2004. – С. 3.

81. Ефимова Л. Л. Информационная безопасность детей. Российский и зарубежный опыт: монография / Л. Л. Ефимова, С. А. Кочерга. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – С. 7–8.

82. Занина Т. М., Лукина Е. И. Административно-правовая защита несовершеннолетних от вредоносной информации в информационном обществе / Т. М. Занина, Е. И. Лукина // Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права». – СПб: Изд-во ун-та МВД России, 2014. – С. 144–150.

83. Коркин А. В. Соотношение мер профилактики и предупреждения в административной деятельности полиции / А. В. Коркин // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2016. – № 5-1. – С. 75–79.

84. Корниенко С. И. Исторические информационные ресурсы: понятие, описание и классификация / С. И. Корниенко, О. В. Власова, Д. А. Гагарина // Информационные ресурсы России. – 2012. – № 1. – С. 6–19.

85. Костин Ю. В. Проблемы соотношения права и нравственности в современной юридической науке / Ю. В. Костин // Ученые записки

Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – С. 218–223.

86. Куликова С. А. К вопросу о классификации вредной информации в российском законодательстве / С. А. Куликова // Информационное право. – 2015. – № 4. – С. 22–29.

87. Маурин В. С. Правовой анализ вредной информации в условиях информационного общества: дис. ... канд. юрид. наук / В. С. Маурин. – М., 2004. – С. 7.

88. Полусмак Т. Л. Цензурное законодательство дореволюционной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т. Л. Полусмак. – Н. Новгород, 2003. – С. 3.

89. Пролетенкова С. Е. Административно-правовое регулирование противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. Е. Пролетенкова. – М., 2013. – С. 32.

90. Пучнина М. Ю. Анализ регионального опыта в сфере профилактики подросткового суицида // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. – № 4. – С. 89.

91. Рыдченко К. Д., Соловьев В. С. Правовые меры противодействия экстремизму в молодежной среде / К. Д. Рыдченко, В. С. Соловьев // Вестник Воронежского института МВД России. – 2013. – № 4. – С. 33–40.

92. Сергеева Ю. В. Административно-правовое регулирование противодействия молодежному экстремизму органами внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук / Ю. В. Сергеева. – М., 2014. – С. 10-11.

93. Сергун Е. П. Экстремизм в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. П. Сергун. – Тамбов, 2009. – С. 9.

94. Сокол Ю. В. К вопросу о способах вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий / Ю. П. Сокол // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2009. – № 4. – С. 120–123.

95. Сокол Ю. В. Типичные недостатки при выявлении, раскрытии и расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий / Ю. П. Сокол // Общество и право. – 2011. – № 1. – С. 201.

96. Сокол Ю. В. Типичные недостатки при выявлении, раскрытии и расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий / Ю. П. Сокол // Общество и право. – 2011. – № 1. – С. 204.

97. Соловьев В. С. Криминологическая диагностика масштабов школьного насилия (по материалам анонимного Интернет-опроса школьников) / В. С. Соловьев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. – 2014. – № 4 (19). – С. 224.

98. Хлебушкин А. Г. Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации. Вопросы квалификации и судебная практика: монография / А. Г. Хлебушкин. – М.: Проспект, 2015. – 192 с.

99. Хоровинников А. А. Экстремизм как социальное явление (философский анализ): автореф. дис. ... канд. философ. наук / А. А. Хоровинников. – Саратов, 2007. – С. 8.

100. Щеголева А. Н., Новикова Е. И. Особенности виктимности несовершеннолетних и пути ее снижения / А. Н. Щеголева, Е. И. Новикова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 1. – С. 190–196.

Материалы судебной и (или) иной юридической практики

101. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

102. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 // СПС «КонсультантПлюс».

103. О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

104. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

105. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2007 года: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 30.05.2007 (извлечение) // СПС «КонсультантПлюс».

106. Приговор Басманного районного суда города Москвы от 17.12.2013 по уголовному делу № 1-465/2013 по ст. 151 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

107. Приговор Жуковского районного суда Брянской области от 10.09.2010 по уголовному делу № 1-134/2010 по ст. 151 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

108. Приговор Лазаревского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 20.03.2012 по уголовному делу № 1-84/2012 по ст. 151 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

109. Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 17.12.2012 по делу № 1-542/2012 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

110. Приговор Сергиевского районного суда Самарской области от 27.10.2010 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/YOEO57jnBRLX> (дата обращения 10.09.2017).

111. Приговор Сунженского районного суда Республики Ингушетия [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/b55IsTZw1fUr> (дата обращения 10.09.2017).

112. Приговором Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 15.09.2010 по уголовному делу № 1-489/2010 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

113. Решение Красноборского районного суда Архангельской области от 27.06.2012 № 12-57/2012 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/CNPic9c7IeNq/> (дата обращения 10.09.2017).

114. Решение Пинежского районного суда Архангельской области по делу об административном правонарушении, предусмотренного ч. 2 ст. 6.10 от 12.03.2012 № 12-11/12 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).

115. Решение Подольского городского суда Московской области от 08.02.2011 по делу № 12-12\11 [Электронный ресурс] // URL: <https://rospravosudie.com/court-podolskij-gorodskoj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-100522230> (дата обращения 10.09.2017).

116. Решением Тальменского районного суда Алтайского края от 22.04.2010 по делу №5.1-88/2010 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.09.2017).